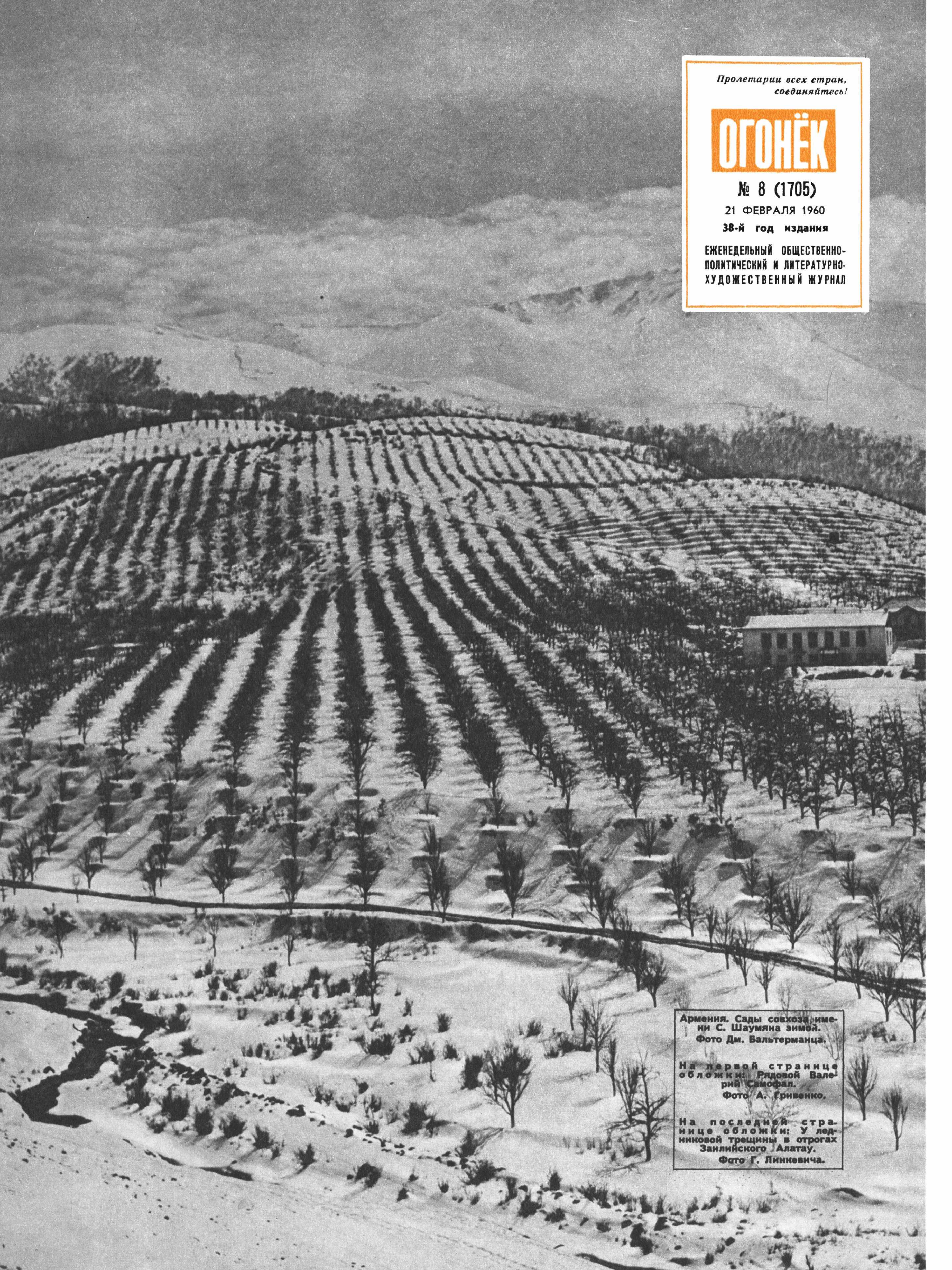

ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 8 (1705)

21 ФЕВРАЛЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Армения. Сады совхоза имени С. Шаумяна зимой.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Рядовой Валерий Самофал.

Фото А. Гривенко.

На последней странице обложки: У ледниковой трещины в отрогах Заилийского Алатау.

Фото Г. Линкевича.

Н. С. Хрущев и Джавахарлал Неру.

Дорога цветов

Николай **ДРАЧИНСКИЙ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

На землю Индии пришла весна. Она начинается здесь рано, когда в Москве еще бушуют февральские вьюги.

Мы, жители севера, пожалуй, и не заметили бы наступления весны: было очень тепло, становится жарко. По-прежнему зеленеют газоны, цветут розы. И только с акаций вдоль дорог сыплются листья. Весна здесь — пора листопада. Но деревья не остаются голыми. Молодые листочки быстро заменяют опавшие.

По-весеннему звонким и праздничным был в столице Индии день 11 февраля — день приезда Никиты Сергеевича Хрущева.

Круглая, как цирковая арена, площадь Конноут с зеленым сквером в центре. Фасады зданий, колонны и арки увиты гирляндами зелени и цветов. Еще много часов осталось до приезда гостей, а вдоль тротуаров теснятся густые толпы народа. Радостное возбуждение царит повсюду. В руках людей букеты цветов, советские и индийские флажки.

Пробирается сквозь толпу уличный продавец воздушных шаров. Сегодня они у него выкрашены в красный цвет с изображением серпа и молота или в три цвета индийского флага. Люди покупают шары парами, чтоб пустить в синее небо этот трогательный символ дружбы двух народов.

Впереди всех стоит старик с белой бородой. Осанкой и лицом он немного напоминает Рабиндраната Тагора. Узловатыми руками со вздутыми венами он прижимает к себе черноглазого мальчонку. Мы обратились к нему с вопросом, почему он пришел так рано. Старик мягко улыбнулся и посмотрел вправо. Там над аркой, перекинутой через улицу, увитую зелеными гирляндами, был укреплен портрет Н. С. Хрущева. Надпись по-русски и на языке хинди гласила: «Добро пожаловать, Н. С. Хрущев». Старик сложил ладони рук на уровне глаз и, обращаясь к портрету, произнес традиционное «Намасте!». Потом он сказал еще несколько слов.

— Сырдар говорит,— объяснил переводчик, оказавшийся студентом колледжа,— что он уже стар, плохо видит и поэтому пришел рано, чтобы быть поближе к уважаемому гостю, хорошо рассмотреть его и бросить на его пути цветы. Так встречать дорогого друга велит обычай.

Рядом стоял сикх, человек еще не старый, но с густой черной бородой, накрученной на специальную веревочку и уложенной на подбородке. Его звали Хепинда Синг, он работал механиком в гараже.

— Когда наш великий Рабиндранат Тагор побывал в Советском Союзе, он говорил, что мы должны учиться у ваших людей, как перестраивать жизнь на новых, справедливых началах. Теперь мы строим новую Индию, и постоянно чувствуем вашу братскую помощь. Мы пришли приветствовать сегодня Хрущева — сына великого народа, нашего могущественного друга и брата...

А толпа вокруг все росла и росла, и огромная площадь уже давно стала тесной. На всем пути до аэродрома Палам вдоль шоссе бушевали волны человеческого прибоя.

Встречать советского гостя прибыли Президент республики Раджендра Прасад, Премьер-Министр Джавахарлал Неру, министры, депутаты парламента, члены дипкорпуса. Тысячи делийцев плотным полукольцом обложили летное поле.

После торжественной и сердечной церемонии встречи Н. С. Хрущев, Р. Прасад и Дж. Неру в открытой машине отправляются в город. Приветственные возгласы переливаются от края до края. Казалось, на эту загородную дорогу, на эти улицы и площади вся Индия принесла сердечную любовь и поклон посланцу великого народа-друга, человеку с большим и открытым сердцем!

В столице Индии

В программе пребывания в Индии Н. С. Хрущева кое-где помечено: «Свободное время для бесед». Назвать это свободным временем трудно: беседы идут деловые, дружественные, беседы о государственных делах, о важнейших проблемах нашего времени.

Парламент Республики Индии. Большой круглый зал заполнен депутатами обеих палат. У большинства на голове белые пилотки, так называемые «шапочки Ганди». Это депутаты от правящей партии Индийский Национальный Конгресс. Плотно заполнены гостями и журналистами галереи и ложи.

Вот на пороге появился Н. С. Хрущев вместе с Джавахарлалом Неру, председателем Совета штатов Радхакришнаном и председателем Народной палаты Айянгаром, и все депутаты встали, горячо приветствуя главу Советского правительства.

Никита Сергеевич выступил перед депутатами с большой речью. Неоднократно под высоким куполом здания вспыхивали бурные аплодисменты. Очевидно, мысли присутствующих хорошо выразил вице-президент Радхакришнан:

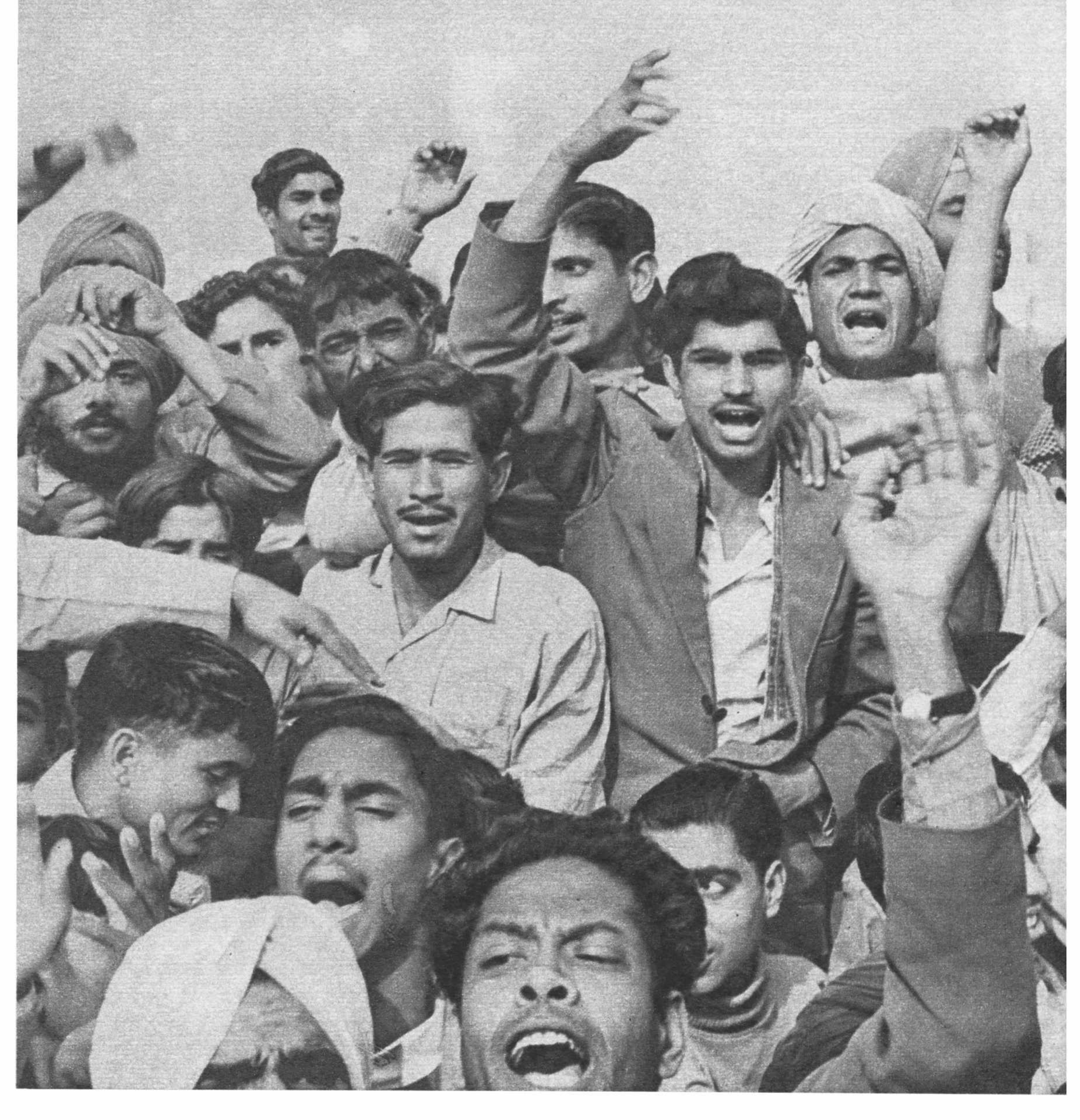
— Мы приветствуем Н. С. Хрущева не только как премьер-министра Советского Союза, но и как мужественного борца за всеобщий мир.

В ответ на эти слова снова загремела овация.

Еще много было ярких и волнующих встреч в этот и следующий день в столице республики. Но, пожалуй, самой яркой демонстрацией дружбы явился массовый митинг жителей Дели, который здесь называется «гражданским приемом».

Площадь Рамлила — обширнейшее поле, окаймленное домами. Она запружена народом.

Вот на высокой трибуне появился увенчанный гирляндами живых цветов Никита Сергеевич Хрущев, и вдруг вся площадь превратилась то ли в цветущий сад, то ли в яркий ковер. Это сотни тысяч рук подняли маленькие флаги СССР и Индии. Громогласная здравица в честь дружбы, в честь почетного гостя, как раскаты горного эха, прокатилась над вечерним городом. И снова и снова в ответ на слова Н. С. Хрущева, обращенные к индийскому народу, тысячи рук с флажками взмывали в воздух, гремели овации, как песня торжествующей дружбы и братства народов.

Привет дорогому гостю!

На индийской целине

Чем дальше самолет удаляется от Дели, тем суровее и пустыннее становится земля. Все меньше зеленых полосок нив, все шире простираются выжженные, рыжие пустоши. Даже отсюда, с высоты, видно, как порывы ветра вздымают тучи песка и пыли. И только там, где есть драгоценная влага, оазисами стоят селения, зеленеют деревья и посевы.

Мы летим в Раджастан — край мужественных людей, опаляемых знойными ветрами, закаленных в трудном поединке с неласковой природой. Многие завоеватели, которые с мечом приходили в Индию, долго не могли покорить смелых раджпутов. Старинные крепости, разбросанные по этой суровой земле, воскрешают страницы прошлого.

Государственная механизированная ферма Суратгарха создана на знойной, желтой земле Раджастана. Все механизмы, машины и оборудование для этой фермы были преподнесены в дар индийскому народу Советским правительством. Здесь наши механики, трактористы и комбайнеры трудились вместе с индийскими друзьями, передавали им свой опыт.

15 августа 1956 года, в День независимости, трактор и плуг, сработанные руками советских рабочих, проложили первую борозду здесь, в пустыне Раджастана.

На полевом аэродроме собралось множество тружеников Суратгарха — людей, чьими руками бесплодная пустыня превращается в тучные нивы.

Дружный гул приветственных возгласов и рукоплесканий слился с рокотом моторов: это приземлился самолет Никиты Сергеевича.

...Длинная вереница машин отправилась в круговую поездку по полям и угодьям фермы. Колеса увязали в мелкой, как пудра, пыли, и желтые облака долго висят в воздухе. Такова эта земля, когда нет воды. Но по сторонам дороги разметнулись поля. Советские машины прорыли здесь каналы, дали живительную влагу исстрадавшейся земле, и там, где еще недавно была пустыня, заколосились злаки, раскрыл свои коробочки хлопок.

Вот далеко выбрасывает жемчужные струи дождевальная установка, экскаватор роет новый канал, колонна тракторов подымает пласты рыжеватой земли.

Никита Сергеевич похвалил работу индийских трактористов. Чувствуется, говорил он, что механизаторы овладели машинами, пашут неплохо.

Оживленная беседа развернулась на одном из полей, где работал виндроуэр. Никита Сергеевич советует производить уборку раздельно.

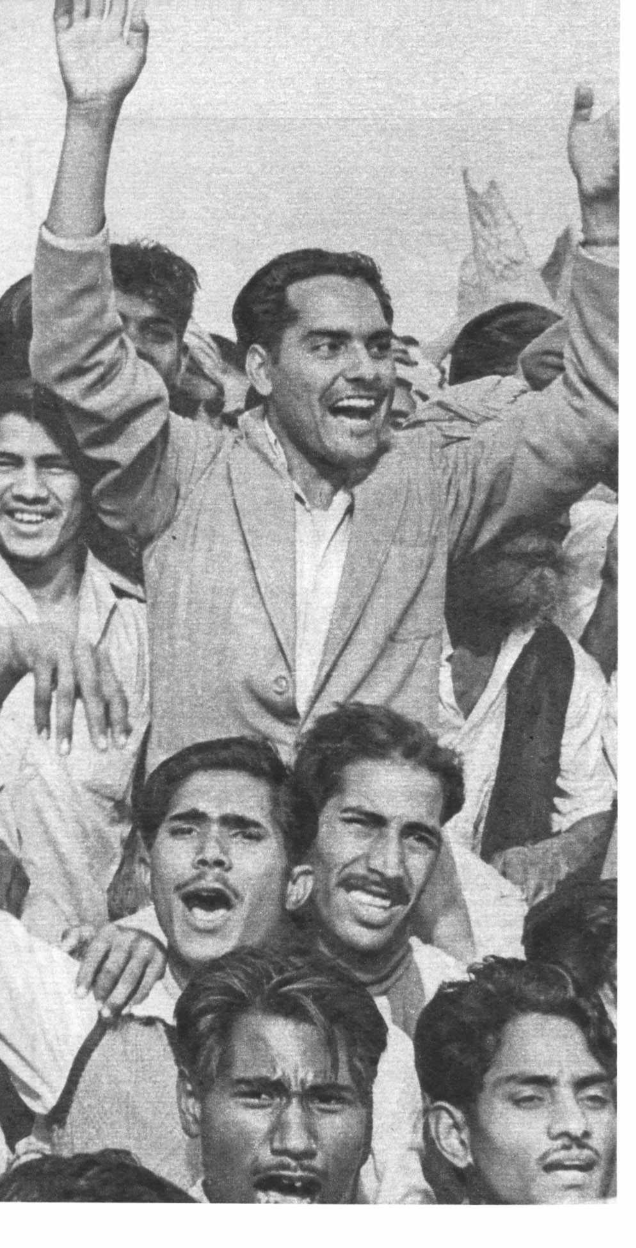
Никита Сергеевич просто, сердечно, с дружеским юмором отвечает на вопросы специалистов. Они видят глубокое знание предмета и тщательно записывают в книжечки его советы.

— Все надо проверять опытом. Одни методы хороши для одних условий, для других они, может быть, и не подходят. Нужно все проверять на практике,— говорит Никита Сергеевич индийским друзьям.

Поездка по знойным степям завершилась торжественной закладкой нового сада. Никита Сергеевич посадил маленькое фруктовое деревце, полил его водой. На каменных воротах будущего сада укреплена мраморная доска:

На Бхилайском металлургическом комбинате.

«Центральная механизированная ферма, Суратгарх

Первое деревце в этом саду посажено его превосходительством господином Н. С. Хрущевым, Председателем Совета Министров СССР, 13 февраля, когда он посетил эту ферму».

Пройдут годы, зацветет буйный сад на раджастанской земле, люди будут радоваться его плодам и всегда с любовью будут вспоминать

Тысячи жителей индийской столицы вышли встречать Н. С. Хрущева. →

У ворот сада фермы Суратгарха.

о друге, посадившем здесь первое деревце — символ мира и счастья людей.

Сталь дружбы

В 1956 году грузы, доставленные советскими пароходами в Калькутту и Бомбей, перегружались на железнодорожные платформы и направлялись в самый центр Индостанского полуострова. На огромных ящиках было начертано: «Друг». Так называлась станция назначения.

Название это было старинное, оно принадлежало маленькому городку еще задолго до появления железных дорог, очевидно, столетия назад. Но могли ли раньше люди предполагать, что есть еще русское значение этого слова, что оно станет в наше время символом, преисполненным глубокого смысла!

Рядом с городком, в деревушке Бхилаи, началось строительство металлургического комбината.

Бхилаи — кто не знает этого слова и в Индии и у нас?

Бхилаи — символ дружбы двух народов.

Бхилаи — пример бескорыстной, братской помощи.

Бхилаи — крупный шаг в индустриализации Республики Индии.

Бхилаи — вот он появился перед нашими глазами на широкой равнине — новейший металлургический комбинат, построенный советскими и индийскими специалистами. Знакомая по нашим новостройкам картина! Домны, мартены, шеренги новых домов, школы, больницы.

Машина с гостями из Советской страны подъезжает к заводским воротам, и тотчас мощная симфония оглашает воздух. Запели заводские гудки, взревели землеройные машины, загудели автомобили.

Трудовым салютом встречают Н. С. Хрущева бхилайские металлурги, они машут с подъемных кранов, с площадок цехов, стоят вдоль дороги.

То и дело сквозь общий приветственный гул вырываются возгласы на русском языке. Здесь немало советских специалистов. Но и многие доменщики — индийцы, которые учились работать в Макеевке, прокатчики — на «Азовстали», сталевары — в Запорожье научились говорить по-русски.

Осмотрев территорию завода, Н. С. Хрущев поднялся в доменный цех. Там шла плавка. Огненные струи металла текли по желобам. Никита Сергеевич здоровается с доменщиками, расспрашивает их о работе.

Мартеновский цех. Грохот кранов и загрузочных машин. Печи гудят, как гигантские ульи, дышат сильным жаром, вздрагивает пол. Летучие искры от прогретого металла пляшут в воздухе. Никита Сергеевич подошел к одной из печей. Здесь несли вахту сталевар из Днепропетровска А. Я. Курочкин и его подручные — индийские друзья.

— Хороший повар! Хорошо варите! — сказал Никита Сергеевич, прощаясь с металлургом.

Вот и огромный, светлый прокатный цех. Здесь стоят великолепные могучие машины-автоматы с марками наших заводов.

Сумерки быстро, по-южному, превращаются в ночь. Н. С. Хрущева пригласили к себе в гости дети Бхилаи, и он прямо с завода приехал в новую школу.

Долго и заботливо украшали ее ребята, готовясь к встрече почетного гостя: делали флажки, плели гирлянды, убирали двор.

Трудно передать словами всю задушевность и теплоту этой встречи главы Советского правительства с бхилайской детворой. Советские пионеры обратились к Никите Сергеевичу с театрализованным приветствием, индийские ребята показали народный танец. И во всем этом было столько трогательной детской непосредственности, задора, искренности, что, глядя на них, невольно думалось:

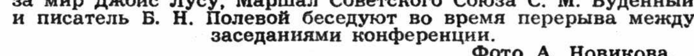
Да, великое братство народов, основы которого заложили здесь в совместном труде их отцы, эти дети упрочат и возвеличат!

* * *

16 февраля Н. С. Хрущев вылетел из Калькутты в Бирму. Из Бирмы дорога дружбы ведет советского гостя в Индонезию.

Дели — Суратгарх — Бхилаи — Калькутта.

МИР — ДЕЛО ОБЩЕЕ!

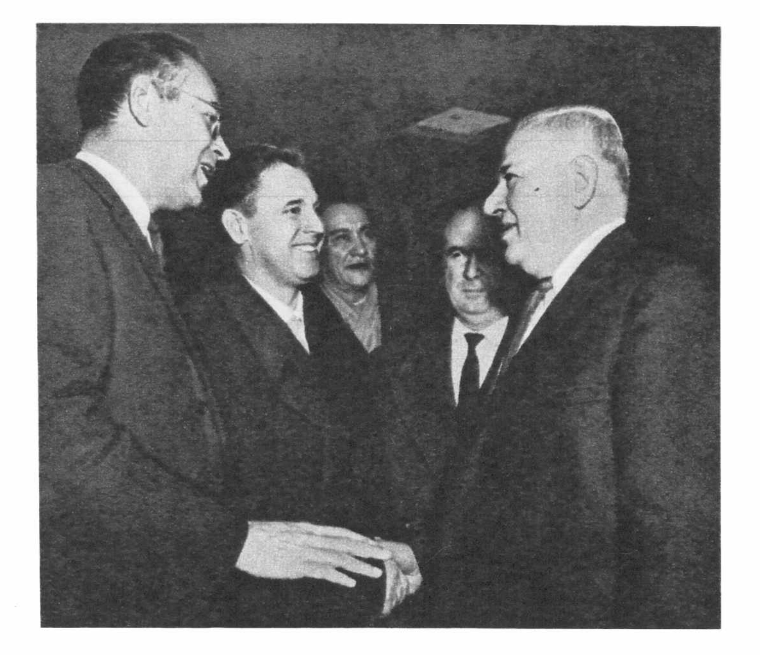
Справа налево — представительница итальянского движения за мир Джойс Лусу, Маршал Советского Союза С. М. Буденный и писатель Б. Н. Полевой беседуют во время перерыва между заседаниями конференции.

Фото А. Новикова.

За последние 5 559 лет жизни человечества на земле было 14 513 войн — больше двух войн в год! Эти цифры были написаны на стенде, стоявшем в Кремлевском театре, где 15 и 16 февраля работала Конференция советской общественности за разоружение. Путям предотвращения угрозы войны, спасения людей от ядерных бомб был посвящен большой разговор, который вели на конференции делегаты — представители всех слоев советского народа.

В дни работы конференции наш корреспондент беседовал с председателем Всеяпонского совета борьбы за запрещение атомного и водородного оружия Каору Ясуи, который представлял на конференции миролюбивые силы Японии.

— Главное, что взволновало меня здесь, — сказал он, — это то, что когда вопрос о разоружении становится самым важным вопросом для сохранения мира, советская общественность первой проявила инициативу. Не может оставлять спокойным и единство, удивительное единство вашего народа, который с таким единодушием выступает за разоружение. Предложение советского премьера Н. С. Хрущева о полном и всеобщем разоружении дает результаты. Обсуждение этого вопроса может быть не гладким: в мире есть силы, которые будут стараться мешать. И очень важно поэтому, чтобы мировая общественность, все, кто хочет предотвратить войну, не ослабляли своих усилий. Когда я вернусь в Японию, я расскажу моим соотечественникам об этой конференции и постараюсь сделать так, чтобы движение за разоружение в Японии стало еще шире.

СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Тепло и дружески встречают в США делегацию советских государственных деятелей во главе с Председателем Совета Министров РСФСР Д. С. Полянским. Эта поездка стала новым вкладом в развитие добрососедских отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Во время пребывания на американской земле советские гости нанесли визит помощнику генерального секретаря ООН Э. Кордье. Второй слева — глава делегации Д. С. Полянский, справа — Э. Кордье.

Фото ООН.

ДЕРЗКИЙ ВЫЗОВ

Близ оазиса Регган, в центральной части Сахары, взорвана атомная бомба... Правящие круги Франции полагали, что превращение громоздкого, десятитонного атомного устройства в смертоносное облако распахнет перед ними двери пресловутого «Ядерного клуба», а генералы Пятой республики станут равноправными партнерами в руководящей иерархии атлантического блока.

Но тщеславные расчеты не оправдались. Атомный эксперимент в Сахаре вызвал во всех странах такой ответный взрыв негодования, какого вряд ли ожидали в Париже. Подобно снежной лавине, по миру катится волна протестов. Марокко, Япония, Гана, ОАР, Индонезия, Афганистан, Судан и другие страны выразили официальные протесты.

На митингах и демонстрациях, происходящих в городах и селах во всем мире, взрыв в Сахаре рассматривается как дерзкий вызов мировому общественному мнению.

«Протест против атомного безумия» — под таким лозунгом прошел трехтысячный митинг в Лондоне. С гневными речами на нем выступили известный философ Бертран Рассел, каноник собора св. Павла Джон Коллинз, профессор Оксфордского университета А. Дж. Тэйлор, писатели Джон Пристли и Джон Брейн, журналист Майкл Фут и другие.

В комментариях печати, в выступлениях политических и общественных деятелей подчеркивается вероломство атомщиков: взрыв произведен вопреки решениям Генеральной Ассамблеи ООН и в то время, когда в Женеве происходят переговоры о прекращении испытаний ядерного оружия. Тунисское радио заявило, что Франция взорвала бомбу, невзирая на желание миллионов африканцев жить свободно и счастливо на своей земле и «не играть роль морских свинок». Член парламента Индонезии С. Аббас считает, что испытание атомной бомбы в Сахаре — это похоронный звон для французского империализма на африканском континенте.

Боннские реваншисты не скрывают, что французская атомная бомба — плод военного сотрудничества «Оси Бонн — Париж». Радиоактивные облака, поднявшиеся над Африкой, приводят в умиление некоторых анкарских деятелей. Не скрывает своего восторга и кое-кто из окружения иранского шаха.

Обозреватель американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Уоррен Роджерс сообщает, что, по мнению официальных лиц Вашингтона, «одного взрыва недостаточно».

Мировая общественность выражает законные опасения, что атомный взрыв в Сахаре может вызвать усиление гонки атомных вооружений.

Вот почему сегодня с особой силой звучат боевые призывы борцов за мир:

— Немедленно прекратить атомные испытания!

КУБА— СССР— ДРУЖБА!

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Закончилось десятидневное пребывание Анастаса Ивановича Микояна на далекой солнечной Кубе. В последние три дня советские гости в сопровождении премьер-министра Кубы Фиделя Кастро совершили путешествие по стране. Средством передвижения был избран вертолет, взятый с советской выставки в Гаване. Где бы ни приземлялся бело-голубой геликоптер с надписью СССР-66897, его сразу же окружали толпы кубинцев, восторженно встречавших Фиделя Кастро и А. И. Микояна.

13 февраля в здании Министерства иностранных дел Кубы А. И. Микоян и доктор Фидель Кастро подписали совместное коммюнике. Этот важнейший документ говорит о крепнущей дружбе и развитии деловых связей между нашими странами.

Советский Союз согласился закупить у Кубинской Республики 425 тысяч тонн сахара из урожая 1960 года и в течение последующих четырех лет ежегодно закупать по миллиону тонн сахара. Правительство СССР, кроме того, предоставило Кубе кредит в размере 100 миллионов долларов. Это даст ей возможность приобрести в Советском Союзе машинное оборудование, получить техническую помощь в строительстве заводов и фабрик, осуществляемом правительством Кубинской Республики.

В один из дней, когда вертолет опустился в Лагуна дель Тесоро, что в переводе означает «Лагуна Сокровищ», Фидель Кастро и Нуньес Хименес, директор Национального института аграрной реформы, пригласили Анастаса Ивановича на рыбалку. Правительство Кубы решило расчистить и осушить заболоченную «Лагуну Сокровищ» и превратить ее в место отдыха для кубинских и иностранных туристов.

Кубинская песня

Николас ГИЛЬЕН

О тонкий сахарный стебель,
пугливый, шуршащий тростник,
за то, что рабом не бываешь,
к тебе я приник.

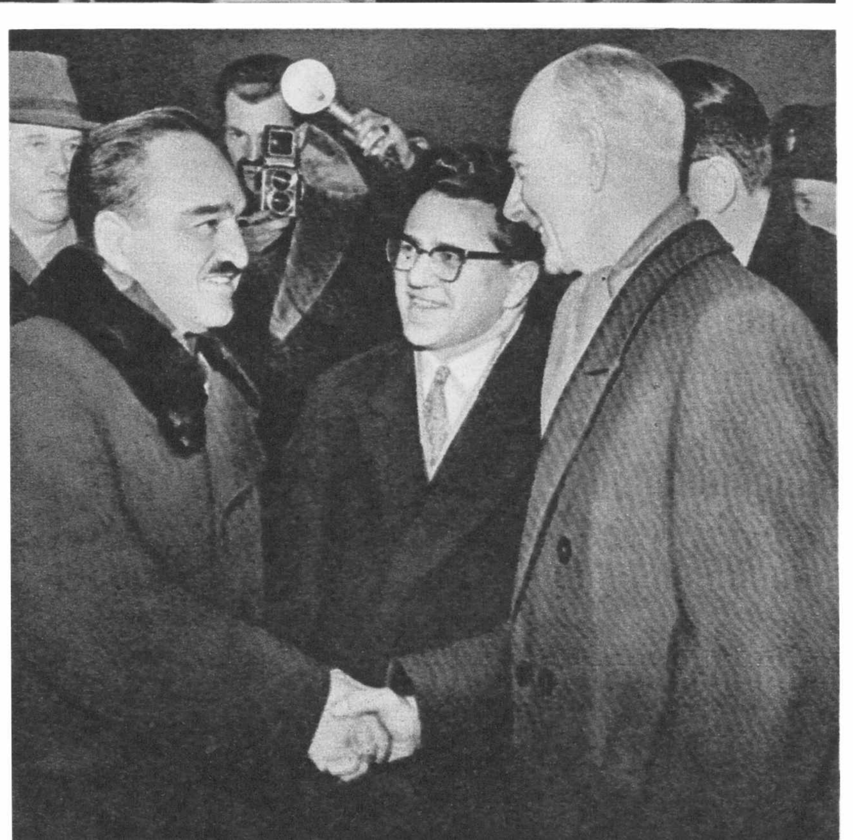
На солнце горит мое знамя,
взвила его ветра рука,
а рядом скрестили мачете [1]
два батрака.

У знамени встали на страже
два батрака и ты.
О тонкий сахарный стебель,
мачта мечты!

Перевел с испанского
О. САВИЧ.

Гавана.

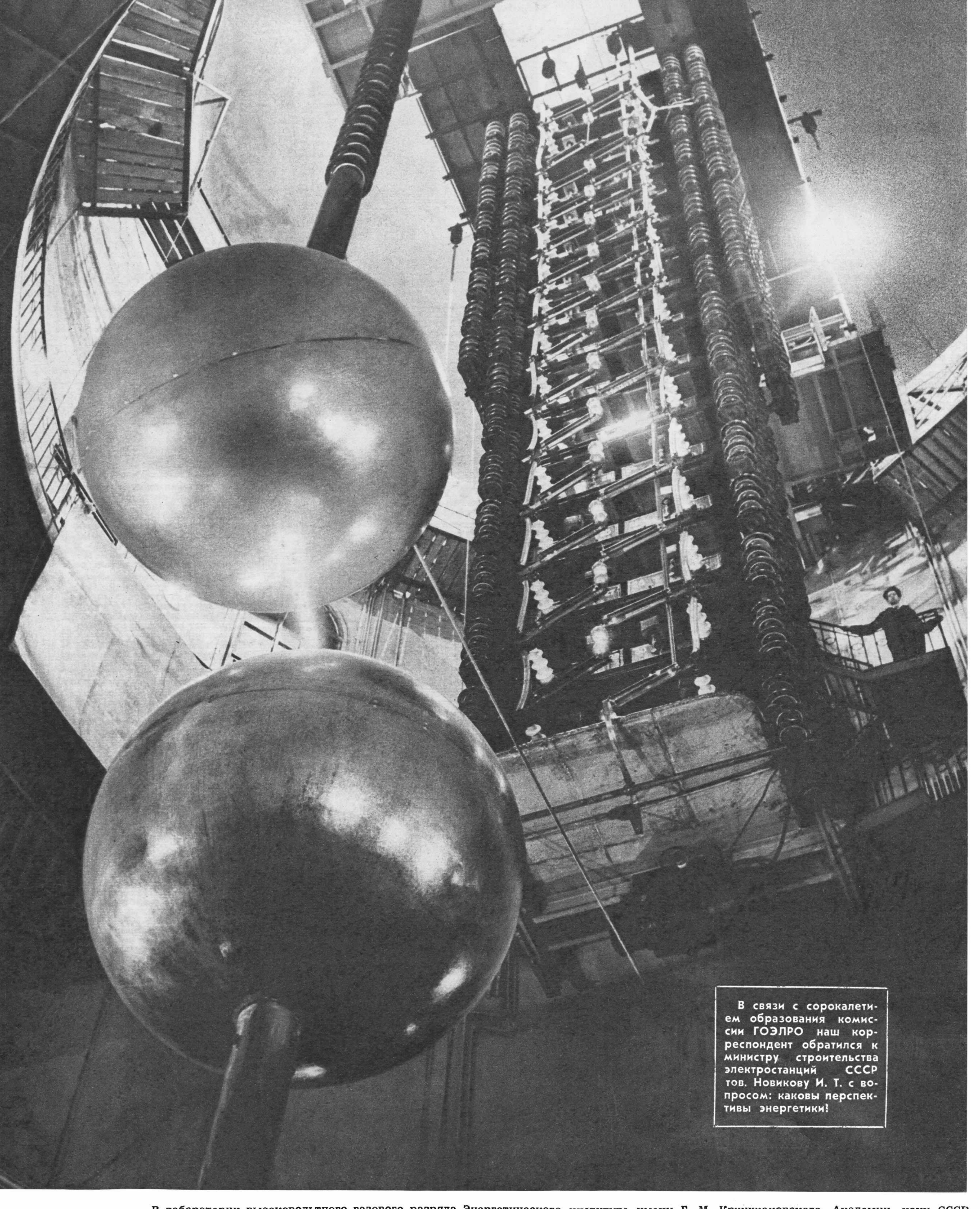
[1] Мачете — большой нож, которым на Кубе срезают сахарный тростник.

Возвращаясь на родину из Республики Кубы, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян посетил Осло по приглашению норвежского правительства.

На снимке: А. И. Микоян и премьер-министр Норвегии Э. Герхардсен обмениваются рукопожатием.

Фотохроника ТАСС.
Снимок получен
по фототелеграфу.

В связи с сорокалетием образования комиссии ГОЭЛРО наш корреспондент обратился к министру строительства электростанций СССР тов. Новикову И. Т. с вопросом: каковы перспективы энергетики!

В лаборатории высоковольтного газового разряда Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР.
Фото Д. Шоломовича.

ДЕНЬ, РАВНЫЙ ГОДУ

Интервью «Огонька»

И. Т. НОВИКОВ,
министр строительства электростанций СССР

Сорок лет назад, 21 февраля 1920 года, по предложению Владимира Ильича Ленина была создана Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО). Перед комиссией была поставлена огромная задача — разработать научно обоснованный план электрификации, рассчитанный на то, чтобы в десять — пятнадцать лет резко увеличить энергетические мощности в стране. Как известно, план этот был перевыполнен. За пятнадцать лет советский народ построил электростанции мощностью 5 миллионов киловатт вместо 1,75 миллиона киловатт по плану ГОЭЛРО.

Говорят, цифры — скучная вещь. Но для нас, советских людей, есть в них своя поэзия, особенно, когда речь идет о будущем нашей Отчизны. Ведь электричество—это великая революционная сила, способная преобразовать не только индустрию и земледелие, но и быт и весь уклад человеческой жизни. Об этом мечтал Ильич. Об этом же думали делегаты VIII съезда Советов, утверждая план ГОЭЛРО.

Одна из цифр плана — 1,75 миллиона киловатт (ввод в действие новых энергетических мощностей за 10—15 лет) — казалась тогда огромной, а кое-кому и фантастичной. Ныне советский народ строит гигантские электростанции, каждая из которых намного превосходит по мощности все электростанции, предусмотренные планом ГОЭЛРО: теплоэлектростанции мощностью до 2,4 миллиона киловатт, Братскую ГЭС — 4,5 миллиона киловатт, Красноярскую — 5 миллионов. Равных им нет за рубежом. А взять цифры семилетки! В 1965 году наша страна станет в тысячу раз богаче электроэнергией, чем она была в 1920 году. Каждый день будет вырабатываться 1,4 миллиарда киловатт-часов — намного больше, чем дали электростанции страны за весь двадцатый год.

День, равный году. Когда вдумаешься в смысл этих слов, невольно представляешь, какие поистине громадные усилия затрачены нашим народом и сколько еще должно быть сделано, чтобы совершить титанический рывок в будущее. Мы, коммунисты, не только реалисты, но и мечтатели. Мы мечтаем и думаем о будущем, рассчитывая с карандашом в руках. Этого требует от нас эпоха — эпоха строительства коммунизма. Именно поэтому так часто самая дерзкая наша мечта завтра претворяется в контрольные цифры плана, а план становится реальностью нашей жизни.

Лет через десять — двенадцать в нашей стране будет производиться 920 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. Это сто с лишним планов ГОЭЛРО! Это почти 4 тысячи киловатт-часов в год на каждого советского человека. Четыре тысячи киловатт-часов — большая сила! С ее помощью можно изготовить 10 тысяч метров ткани, выпустить 2 тысячи пар ботинок, добыть два вагона угля и произвести 5 тысяч электроламп. Вот что, в конечном счете, скрывается за этими цифрами — обилие материальных благ, удовлетворение разносторонних потребностей советского народа.

Дума о будущем советского человека озаряет наш повседневный труд. Представляя себе будущее нашей энергетики, скажем, еще через сорок лет, трудно, конечно, предугадать детали. Но в ближайшие пятнадцать — двадцать лет мы увидим свою Родину страной сплошной электрификации.

Завершается сооружение единой энергетической системы Европейской части СССР. Протянуты высоковольтные линии электропередач от Сталинградской ГЭС к Москве и от Волжской ГЭС имени Ленина на Урал. Формируется единая энергетическая система Центральной Сибири. Не за горами время, когда ЕЭС Сибири соединится с уральской, а через нее и с ЕЭС Европейской части СССР. Тогда они образуют ЕЭС Советского Союза. В эту могучую, послушную совершеннейшим электронным машинам энергосистему со временем будут включены атомные станции Урала и других районов, мощные ТЭЦ Сибири, работающие на дешевом угле, и приливные гидростанции Севера.

Большое развитие получит малая энергетика, которая принесет свет лампочки Ильича в самые отдаленные уголки страны. Там, куда невозможно пока протянуть линии электропередачи — на зимовья Якутии и Чукотки, в глубинные совхозы Казахстана и Прикаспия,— там энергию и свет дадут людям районные сельские электростанции.

Загляните в лаборатории ученых-энергетиков, побывайте в наших проектных институтах и на строительстве электростанций. В наших сегодняшних делах вы увидите приметы будущего. Трудно рассказать обо всем, но вот характерные факты последнего времени.

Институт «Теплоэлектропроект» закончил разработку типового проекта тепловой электростанции мощностью 2,4 миллиона киловатт. В этом проекте отражены современные прогрессивные технические решения. Они обеспечивают как высокую экономичность электростанции, так и широкую индустриализацию строительных и монтажных работ, основанную на массовом применении сборного железобетона заводского изготовления.

Близки к окончанию проекты сооружений Саратовской и других ГЭС, где также широко будут использованы железобетонные конструкции.

На Ленинградском металлическом заводе завершен проект крупнейшей одновальной турбины для тепловых электростанций. Ее мощность — 500 тысяч киловатт. Такая машина даст большие экономические преимущества по сравнению с существующими в стране турбинными установками.

На ЛМЗ также проектируется уникальная гидротурбина для Красноярской ГЭС. Ее мощность — 500 тысяч киловатт — немногим меньше мощности Днепрогэса. Создание проектов подобных машин для тепловых и гидравлических станций является большим достижением советского турбостроения.

Каждый шаг в развитии советской техники — это рост потребления электроэнергии. Высокие темпы индустрии требуют опережающих темпов строительства электростанций. Технологи все чаще обращаются к помощи электричества, создавая новые процессы производства. Электротехнология вытесняет старые производства и создает новые отрасли промышленности. Электрометаллургия, электросварка, электрохимия — это термины сегодняшнего дня, прочно вошедшие в нашу жизнь. А исследователи уже мечтают об использовании электроэнергии в новых отраслях народного хозяйства.

И в быту электричество быстро завоевывает прочные позиции. Холодильник, телевизор, стиральная и швейная машины, электробритва, пылесос появляются все в новых и новых квартирах советских людей. Наступает время, о котором мечтал Владимир Ильич, когда писал, что «электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне».

Решения XXI съезда КПСС, речь Н. С. Хрущева на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству намечают перед советскими энергетиками развернутую и почетную программу работ. Экономическая сторона строительства коммунизма — то, что Ленин выразил словами «плюс электрификация всей страны»,— приобретает в наши дни все большее значение.

...Вот о чем думаешь, обращаясь к суровым февральским дням двадцатого года, когда наш народ начинал по инициативе В. И. Ленина великое дело электрификации страны, которое он с таким успехом продолжает сегодня под руководством Коммунистической партии.

О таких гигантах энергетики мечтал Ильич! Волжская ГЭС имени Ленина. Ее мощность превосходит мощности всех электростанций, предусмотренных планом ГОЭЛРО.
Фото С. Фридлянда.

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Индонезия встречает Н. С. Хрущева. В этой короткой фразе заложено очень многое. Когда встречаются два человека, два друга, еще до встречи в памяти встает пережитое и пройденное вместе. В Джакарте встречаются двое людей, которые не только лично вносят большой вклад в дело всеобщего мира, счастья и процветания, но и являются представителями двух больших народов, связанных годами дружбы, взаимной симпатии и совместной борьбы.

Если даже наскоро перелистать страницы истории, не забираясь в ее глубь, мы прочтем там о славных индонезийских борцах за независимость, которые с первых дней Великой Октябрьской революции горячо приветствовали ее, поняв ее гигантское значение для освободительной борьбы народов Азии. Мы увидим молодого индонезийского патриота и борца Сукарно, изучающего в ссылках и тюрьмах труды Маркса, Ленина. Перевернем еще страницу — и перед нами встанут индонезийские патриоты, с оружием в руках поднявшиеся на японских оккупантов. За тысячи километров, через моря и горы доносились до них по радио слова привета и дружбы от советских людей, сражавшихся с гитлеровскими фашистами. Это был единый мировой фронт борьбы с самыми темными силами реакции, угнетения и войны, фронт, протянувшийся от свинцово-серой Балтики до бирюзовых заливов Молуккского моря.

Новая страница истории — 1946 год, заседание Совета Безопасности и первая пламенная речь в защиту молодой Республики Индонезии, против попытки голландских и других империалистов снова надеть на индонезийский народ ярмо колониального рабства. Эту речь произнес представитель Советского Союза.

И так из года в год, ни на шаг не отступая в своей дружбе и верности, Советский Союз стоит рядом с Республикой Индонезией в ее борьбе за полное национальное освобождение. Еще совсем недавно, когда антиреспубликанские мятежники внутри страны, подогреваемые извне реакционными силами, готовили почву для иностранной интервенции в Индонезии, Советский Союз твердо и решительно предостерег иностранные реакционные силы, заявив, что он решительно осуждает вмешательство иностранных держав в дела индонезийского народа.

Ныне, как и всегда, верный тому же чувству дружбы, советский народ оказывает поддержку и помощь Индонезии в ее экономическом развитии, на ее пути к новому обществу.

...Кипит жизнь Джакарты. Непрерывным потоком по улицам движутся машины, мелькают в пригородах электрички, грохочут краны в морском порту, стучат станки на фабриках, до глубокой ночи шумят базары рабочих кварталов. Миллионы людей в этом большом городе, миллионы сердец и дум.

...Мы в Равасари, одном из многих кампунгов — небольших поселков, которые слились когда-то в старую Джакарту. Живет здесь преимущественно рабочий люд, батраки, работающие на соседних рисовых полях, мелкие торговцы, служащие. Каждый кампунг имеет «Комитет соседей», что-то вроде землячества. На собраниях землячеств чаще всего говорят о благоустройстве жилищ, о снабжении населения продуктами питания — одним словом, о хлебе насущном.

— Но как отделишь его, этот хлеб насущный, от того, что происходит в стране и в мире? Когда в кампунге нет электричества или водопровода, когда поднимается цена на рис, люди задают себе вопрос: что же надо сделать, чтобы народ зажил по-новому? А тут приходят вести то из одного, то из другого угла мира: колонизаторы и империалисты все еще собираются начать новую войну. Вот они атомную бомбу испытывают не так уж далеко от нас, вот сбрасывают вооружение мятежникам на Суматре.

Это говорит мне пожилой индонезиец Мухавар — председатель «Комитета соседей» кампунга Равасари. Мы сидим на маленькой веранде его деревянного дома.

— Что же надо сделать, чтобы жизнь стала лучше? — снова спрашивает Мухавар и сам отвечает:— Прежде всего нужно единство народа, это даст решительность и силу правительству, чтобы управлять страной, строить ее. И еще что нужно? Нужно жить в мире с другими странами.

Мухавар на мгновение задумался, как бы взвешивая сказанное.

— О, мы следим за тем, что происходит в мире,— продолжал он.— И умеем различать, кто наш подлинный друг. Какой замечательный пример всему свету показывает ваш премьер Хрущев! У него самые добрые стремления — установить наконец на земле прочный мир. Что может быть лучше? Мои соседи — народ простой, почти неграмотный. Но они не только живут хлебом насущным, но и делают этот хлеб для других. И все они радуются новым предложениям Хрущева — разоружиться всем и до конца. Уважение к Советскому Союзу растет с каждым днем. Ваш лунник, ваша новая ракета все время вызывают разговоры. А теперь все приветствуют приезд сюда премьера Хрущева...

К другому соседу мы зашли уже сами. Это была маленькая, в пять — семь метров, лавчонка бакалейных товаров. Хозяин ее, Муртабак, тридцать лет проработал монтером, а несколько лет назад открыл лавку, взяв кредит в банке.

— Какая уж тут торговля, когда еще многие товары в руках больших иностранных фирм! Возьмем керосин — цены на него растут. Правительство предпринимает шаги, чтобы остановить рост цен, но легко ли это сделать, когда американцы, англичане да еще и голландцы держат в руках наши нефтяные предприятия? Я не знаю, как там насчет большой политики, но я хотел бы, чтобы в нашей стране хозяйство служило интересам индонезийцев. Мы никогда не слыхали, чтобы Советский Союз хотел получить у нас концессии или строить здесь свои предприятия. Мы знаем о другом: Советский Союз дает нам займы и помогает строить наши заводы, наши дороги. Я хотя и маленький коммерсант, но вижу, что советский заем дается нам на самых выгодных условиях. Если бы я увидел Хрущева сам, я бы сказал ему, что мы рады ему от всей души!

Дармини, девушку с открытым и простым лицом, я знаю уже давно. Скромная, неприметная среди десятков таких же жительниц Джакарты, она преображается, когда речь заходит о работе женской организации.

— Индонезийским женщинам, знаете, еще сколько надо сделать, чтобы жизнь была хорошей? Некогда сидеть сложа руки!

На этот раз наша встреча не совсем обычная: я была на свадьбе Дармини. В большом зале Дома железнодорожников собрались друзья и родственники молодых. Их много, они разместились полукругом на стульях, а перед ними, окруженные корзинами ярких тропических цветов, сидели новобрачные в традиционной яванской одежде. Гости по очереди подходили поздравлять новобрачных, гамелан — оркестр народной музыки — играл свадебные мелодии.

Потом молодые начали обходить гостей и благодарить их за добрые пожелания. Казалось бы, какое уж тут интервью, в этакий торжественный час! Но Дармини сама подбежала ко мне, забыв о сдержанности, приличествующей невесте.

— Вот он и я,— она застенчиво показала на жениха,— счастливы сегодня. Но когда я увидала вас, я подумала: еще один подарок для нас — приезд в Индонезию вашего премьера Хрущева. Мы встречаем его как вестника мира и счастья. Может быть, кто-нибудь и скажет, что в такой день не следует мне говорить о бомбах, о войне. Но люди женятся, чтобы иметь семью, правда? А пока над детьми висит страшная опасность, какая же мать может быть спокойна, правда?

...Я вспоминаю некоторые случаи. В тот день над джакартским стадионом хлестал тропический ливень. Футбольное поле превратилось в сплошную лужу, игроки то и дело падали, в серых тяжелых тучах сверкали сумасшедшие молнии, грохотал гром, но его никто не слышал: крики болельщиков были куда громче тропического грома. Шел футбольный матч между сборной командой Республики Индонезии и командой «Зенит» Советского Союза.

Я сидела на скамейке рядом с судьей международной категории Саримом. Он дал самую высокую оценку нашим футболистам, а потом, прикрывая мой блокнот от потоков дождя своей фуражкой, сказал:

— Запишите. Такие спортивные встречи, безусловно, служат дружбе наших народов, и их надо проводить как можно чаще. И еще отметьте: мы глубоко благодарны Советскому Союзу за неоценимую помощь, которую он оказывает нам в подготовке к предстоящей в 1962 году в Джакарте спортивной олимпиаде Азии. Мы возлагаем на эту помощь большие надежды. И нам, спортсменам, будет особенно приятно поблагодарить за это советского премьер-министра Н. С. Хрущева.

Потом я побывала на огромной строительной площадке в центре Джакарты. Здесь на кредиты, предоставленные Советским Союзом, и с помощью советских специалистов сооружается огромный комплекс спортивных сооружений, включая современный стадион на сто тысяч зрителей.

Молодой инженер Сукерман, один из тех энтузиастов, что днюют и ночуют на стройке, не стал ссылаться на занятость, как это частенько случается среди его коллег при встречах с журналистами.

— Это строительство огромной важности, за ним будет следить весь индонезийский народ!— воскликнул он.— Спортивные сооружения такого масштаба впервые создаются в этой части света. И чем ответственнее задача, тем крепче наша дружба с советскими специалистами и вообще советскими людьми. Когда в Джакарту приедет ваш премьер-министр, мы будем его встречать здесь, на строительной площадке, мы очень хотим встретить его лично. Мы знаем премьера Хрущева как последовательного борца за мир и от всей души будем приветствовать его здесь, на строительстве, которое мы ведем с дружеской помощью СССР.

...Шумят празднично украшенные улицы Джакарты. Индонезийцы встречают своего друга — посланца дружественного народа.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Зарисовки Алексея Шмаринова.

МАЛЬЧИК.

В ДЕРЕВНЕ.

РАЗГРУЗКА ТУРБОХОДА «ИЛЬЯ МЕЧНИКОВ» В ПОРТУ ТАНДЖУНГПРИОК.

ВОСПОМИНАНИЕ
ОБ ИНДОНЕЗИИ.

ПАРЫГАН

Владимир **МАКСИМОВ**

Не многим известно, что в конце прошлого столетия в мужественной борьбе индонезийского народа против колонизаторов активно участвовал русский инженер Папарыгин, или, как его называли голландцы, Парыган.

В XIX веке голландцы вели ожесточенную колониальную войну в Индонезии, в особенности на Суматре, Яве и на лежащих близ Явы островах Бали и Ломбоке. Индонезийский народ упорно и самоотверженно сопротивлялся натиску завоевателей. То в одной, то в другой части Индонезии вспыхивали восстания индонезийцев, отважно шедших с бамбуковыми пиками и кривыми малайскими ножами, «криссами», на отлично вооруженные голландские батальоны.

Правителем острова Ломбок в 1894 году был престарелый султан, имевший резиденцию в Чакранегаре. Султан отказывался вступать в какие-либо отношения с колонизаторами. На Ломбоке не было еще ни голландских резидентов, ни купцов, ни войск. Спокойно занимались ломбокцы своими мирными делами: сеяли рис, собирали кокосы, ловили рыбу. Однако султан прекрасно понимал, что после Явы и Суматры голландские войска обязательно придут и на Ломбок.

Договорившись со своим соседом с острова Бали, энергичным принцем Дьелантиком, султан открыто заявил, что не признает над собой власти голландских захватчиков. Островитяне начали закупать в Сингапуре оружие и снаряжение, которые с большой охотой перепродавали им английские купцы. Преодолевая установленные голландцами морские кордоны, султан стал доставлять оружие на острова Бали и Ломбок. Открытое возмущение индонезийцев на Ломбоке ставило голландцев, занятых боями на Суматре, в опасное положение. Это был сигнал к неповиновению и другим индонезийским островам.

В эти критические для Ломбока дни из Сингапура сквозь морскую блокаду голландцев прорвалось и бросило якорь у острова Бали небольшое парусное судно с поэтическим названием «Гордость океана». На этом судне, доставившем для ломбокцев ружья и порох, был русский инженер Папарыгин.

По некоторым данным, Папарыгин был горным инженером, не имевшим возможности приложить свои силы и знания в царской России. Он долго жил в странах Дальнего Востока, побывал в Японии, Китае, немало видел, знал и, как многие скитальцы, тосковал по родным местам.

Во время описываемых событий Папарыгин был в Сингапуре. Он стал одним из главных организаторов опасного рейса шхуны «Гордость океана». Спутники Папарыгина по экспедиции, выгрузив оружие и получив соответствующую мзду, поспешили уехать обратно в Сингапур. Папарыгин же остался на острове Бали вместе с индонезийцами, которые готовились к решительному отпору захватчикам. Сочувствие к индонезийскому народу сделало Папарыгина другом балийцев и ломбокцев. С согласия принца Дьелантика он вместе с балийскими отрядами высадился на острове Ломбок.

Русский инженер с первых же дней показал природную сметку, большие организаторские способности. Это было оценено султаном Ломбока, и тот, как свидетельствуют голландские источники, сделал Папарыгина своим политическим и военным советником.

Оккупанты решили огнем и мечом пройтись по непокорному острову в назидание всем другим «дерзновенным индонезийцам». Предварительно окружив Ломбок с моря военным флотом, они высадили на остров две колонны войск.

Накануне высадки в каменном замке султана Ломбока происходил военный совет родовых старшин. При активном участии Папарыгина был разработан план сопротивления колонизаторам. Было решено, что ломбокцы, чтобы усыпить бдительность захватчиков, внешне изъявят полную покорность. Затем в удобный момент, ночью, ударные отряды ломбокцев окружат голландцев, разгромят первый десант и будут бить голландские колонны порознь.

Первая высадка голландских войск на Ломбок была совершена беспрепятственно. С песнями начали продвигаться колонизаторы в глубь острова и разбили там свой военный лагерь. Командующий голландскими войсками генерал ван-Гамм потребовал от жителей острова контрибуцию в миллион гульденов.

Как было условлено, старшины ломбокских и балийских родов явились к генералу с выражением покорности. Захватчикам были переданы в два приема полмиллиона гульденов.

Настал тихий вечер 23 августа 1894 года. Небо было затянуто облаками. В лагере у голландцев царило буйное веселье. В штабе генерала ван-Гамма заканчивался обильный ужин. Господа офицеры, расслабленные вином и тропической жарой, сбросили с себя верхнее платье. Раздавались остроты по адресу жителей острова, дающих себя «стричь» без малейшего сопротивления.

Далеко за полночь штурмовые группы индонезийцев, по плану Папарыгина, неслышно окружили штаб оккупантов. Босые ноги нападающих мягко ступали по родной индонезийской земле, она как бы помогала своим сынам. Вооруженные кривыми кинжалами, ломбокцы без единого крика ворвались в штаб. Генерал ван-Гамм и двенадцать офицеров были убиты на месте. Кому-то из выскочивших в окно офицеров удалось поднять в лагере тревогу. Индонезийцы открыли ружейный огонь, пошли врукопашную и уничтожили не менее ста вражеских солдат.

Окруженная со всех сторон колонна голландских войск, прорываясь к месту высадки, таяла с каждым часом. Часть оружия и снаряжения была брошена. Навстречу отступающим спешили подкрепления из берегового лагеря. Но им преградили дорогу индонезийские заслоны. Ожесточенные схватки велись вплоть до 28 августа, когда потрепанные войска колонизаторов достигли берега и укрылись там под защитой многопушечной эскадры.

На Ломбоке дрались не только мужчины. Женщины, даже дети вливались в боевые отряды и шли в атаки наравне с мужчинами. Удар, нанесенный колонизаторам, был исключительно сильным. Потери рядового состава достигли свыше пятисот человек. Индонезийцами было захвачено 6 орудий, порох, снаряжение. Они вернули четверть миллиона гульденов из внесенной ими контрибуции.

Ярость охватила колонизаторов. Под прикрытием флота они подвезли свежие силы и начали карательную экспедицию в глубь острова. Они жгли деревни, замки, храмы, не щадили ни женщин, ни стариков. В сентябре после ожесточенных боев колонизаторы достигли Чакранегары, резиденции правителя острова. По свидетельству голландского командования, русский инженер Папарыгин был одним из организаторов обороны Чакранегары. Он обучал индонезийцев стрельбе из орудий, сам наводил пушки и стрелял из них.

Несмотря на отважную защиту Чакранегары, голландские войска взяли ее приступом и захватили в плен султана Ломбока. Словно огненный смерч прошел по острову. Взрослое мужское население беспощадно вырезалось, если не успевало скрыться на соседние острова. Колонизаторы начисто ограбили остров. Были захвачены старинное оружие, редкостные изделия искусства тончайшей работы, слитки золота, ценнейшие рукописи, среди них знаменитая монументальная историческая хроника «Нагаракартавама» («Процветающая страна») индонезийского поэта Прапанча, написанная в XIII веке на пальмовых листьях.

Русского инженера колонизаторам захватить не удалось. Индонезийские друзья сумели укрыть его в поселении принца Дьелантика, в одиннадцати километрах от Чакранегары.

Только спустя три месяца он попал в руки захватчиков и был предан голландскому военному суду. Колонизаторы обвинили Папарыгина в «организации заговора против безопасности голландской короны и ее колоний» и в руководстве «мятежом».

На суде были заслушаны показания голландских офицеров и солдат, участвовавших в боях на Ломбоке. Они подтверждали, что видели Папарыгина на боевых позициях индонезийцев.

Папарыгин мужественно выступал на суде. Народ Ломбока и Бали, говорил он,— это свободные люди, а не подданные голландской королевы. Захват голландцами свободного острова есть грабеж средь бела дня.

— Я русский,— настаивал Папарыгин,— нахожусь на индонезийской земле и не могу быть подсудным голландскому суду.

Трибунал приговорил Папарыгина к смертной казни. Это была, разумеется, расправа, а не суд. Колонизаторы расправлялись с Папарыгиным за то, что его участие в борьбе индонезийцев воодушевляло «непокорных». Европеец, русский, стал на сторону индонезийцев и защищал их право на свободную жизнь!

Три года просидел в тюрьме Папарыгин в ожидании исполнения смертного приговора. Лишь в 1897 году голландский суд заменил Папарыгину смертную казнь двадцатилетним тюремным заключением. Его продолжали держать в тюрьме в Семаранге на Яве под стражей колониальных войск.

В августе 1898 года, когда в Голландии короновалась королева Вильгельмина, была объявлена всеобщая амнистия, под которую подпал и Папарыгин. И все-таки еще целый год держали его за решеткой: так, видно, был страшен колонизаторам этот русский.

Только в 1899 году его под охраной отправили на голландском судне из Индонезии. Папарыгина доставили в Порт-Саид, откуда он на одном из русских пароходов вернулся в Россию.

...Ныне знамя свободы развевается над Индонезией, народ которой в героической борьбе против колонизаторов отстоял свою независимость. Свободолюбивому народу Индонезии посвятил часть своей жизни русский инженер Папарыгин — страшный для колонизаторов Парыган.

НЕУМОЛКАЮЩЕЕ ЭХО

С Маршалом Советского Союза Василием Ивановичем Чуйковым, чье имя прогремело на весь мир и во время героической обороны волжской твердыни и в дни штурма нашими доблестными войсками Берлина, мы разговариваем в его служебном кабинете, в тихой, мирной обстановке. Недавно Маршал В. И. Чуйков в связи с шестидесятилетием со дня рождения был награжден орденом Ленина.

В минувшем году газета «Совьет уикли», выходящая в Лондоне, печатала отрывки из книги Маршала Чуйкова «Начало пути» (в газете отрывки публиковались под заглавием «Шестьдесят вторая армия в боях за Сталинград»). Она вызвала многочисленные отклики англичан. Это еще раз подтверждает, что слава защитников Сталинграда и сегодня звучит над миром, возбуждает хорошие чувства у людей доброй воли, служит грозным напоминанием поджигателям новой войны. Маршал говорит:

— От имени участников обороны Сталинграда сердечное солдатское спасибо всем англичанам доброй воли за то, что они достойно оценили ратный подвиг советских воинов, воспитанных и вдохновленных нашей великой Коммунистической партией. От души желаю всем борцам за мир на земле успехов в их благороднейших стремлениях. Желаю счастья и процветания им, их детям и внукам.

И еще хочу сказать такое. В ожесточеннейшей схватке с фашизмом наш народ вышел победителем. Мы и сейчас готовы разгромить любого агрессора. Никого не пугая и никого не боясь, мы считаем, что человечество должно жить без войн. Всем народам нужен мир. Наша партия, наше правительство прилагают все усилия, чтобы предотвратить войну, укрепить мир. Наше государство сокращает свои вооруженные силы. И только в Советском Союзе мы, военные — маршалы, генералы, офицеры,— выступаем за разоружение, за мир. Это потому, что мы служим интересам народа, интересам всего человечества. Мы не слышим таких выступлений военных в капиталистических странах. Это потому, что они служат интересам империалистических поджигателей войны, являются рабочим инструментом в их руках, потому, что они не считаются с волей народов. Пусть для тех, кто бряцает оружием, кто играет с огнем, Сталинград будет грозным напоминанием.

Мы просим Василия Ивановича рассказать, что пишут простые люди Англии. Вместо ответа Маршал извлек из своего стола и положил перед нами большую папку с письмами.

— Вот почитайте...

Эти письма — неумолкающее эхо, рожденное героическим подвигом нашего народа. Их нельзя читать без волнения. Они продиктованы благородными чувствами тех, кто не хочет войны, кто выше всего ценит мир.

Д. МАКСИМОВ

«Дорогой сэр.

С очень большим интересом прочитал я серию статей о Сталинградской битве...

Как раз в описываемое время я находился в плену, в Силезии. Это был великий момент, когда мы услышали официальное гитлеровское объявление о трехдневном трауре после их поражения.

Особенно запомнились лица советских военнопленных. Эти люди сразу ожили. Было очевидно, что они почерпнули из этого объявления новую силу.

Я никогда не забуду того глубокого впечатления, которое произвел на меня один советский солдат... Из-за систематического голодания он едва мог стоять на ногах. И было ясно, что он уже не жилец на белом свете.

Я спросил: «Как ты думаешь, удержит ли Красная Армия Сталинград?» Он ответил: «Мы не только удержим. Мы разгромим гитлеровских бандитов, потому что сейчас они столкнулись с духом наших отцов».

Я понял его и поверил ему, потому что знал, что значит этот дух. Я не могу забыть, что слышал все это от человека, стоявшего на пороге смерти...»

Д. НЕЙТ. **Лондон.**

«Моя сердечная благодарность всем бессмертным героям, защищавшим Сталинград и павшим за него, и мое глубокое уважение к Вам и восхищение перед Вами за Ваше командование. Благодарю всех советских людей за их великолепную битву во имя мира. Пусть ваши усилия увенчаются успехом».

Джон СМИТ. **Глостершир.**

«Читая отрывки из Вашей книги, я не переставал восхищаться силой духа мужчин, женщин и детей в эти кровавые годы. Я знаю: от Октября до Сталинграда они понимали, что защищали, а защищали они мир, хлеб, землю».

Джордж ХИЛЛ. **Глазго.**

«Вместе с коммунистами и всеми людьми доброй воли я проклинал политические маневры наших политиков, сознательно оттягивавших открытие второго фронта, который должен был помочь Русскому фронту. Второй фронт был открыт, но лишь тогда, когда стало ясно, пользуясь словами Уинстона Черчилля, что «русские выпустили кишки у немецкой армии»...

Я посылаю Вам медаль («За боевые заслуги»), которую передал мне немец, взятый нами в плен. Он тоже воевал на Сталинградском фронте, был там ранен и доставлен в Германию. Он сказал, что медаль — это сувенир со Сталинградского фронта. Я ответил, что он не имеет никакого морального права хранить ее. Я прочитал ему целую лекцию о том, почему русские солдаты дрались с такой храбростью. Он отдал медаль, когда я объяснил, что хочу вручить ее русским военным властям, чтобы они передали медаль ее владельцу или, если это невозможно, его семье».

Джек ДЕЙВИС. **Эссекс.**

«Живой рассказ маршала Чуйкова о Сталинградской битве очень правдив. Иногда мне даже кажется, что я сам был там... Вы и ваши люди заслужили восхищение всех, кто прочитал рассказ о подлинных событиях Сталинградской битвы».

Фредерик РЕГАН. **Плимут.**

«Отрывки из книги возбудили во мне искреннюю надежду, что оставшиеся в живых и их дети будут жить в мире (мы никогда не должны воевать снова) и работать на благо своей страны».

А. СКОТИБОРН. **Бристоль.**

«Сталинград, без малейшего сомнения, был решающей битвой войны, и нам в Англии следует помнить и никогда не забывать, как мы обязаны нашим русским братьям».

Ф. КОРБЕТТ. **Лондон.**

«Вечную благодарность должны питать люди в Англии и других странах за то, что от нацистского господства их избавили храбрость и сила духа Советской Армии. Ваша книга должна быть вечным напоминанием нынешнему и будущему поколениям о нашем долге перед Советским Союзом».

У. ЛИЧ. **Уилтшир.**

«Подавляющее большинство англичан не забыло, чем они обязаны Советскому Союзу, который устоял перед ударными силами гитлеровской военной машины. И это в тот момент, когда Англия пала бы, направь Гитлер эти силы против нее».

М. БРАНДТ. **Мидлсекс.**

«Могу заверить, что моя жена пролила немало слез, думая, что Красная Армия подавлена и разбита превосходящими силами врага. Многие люди молились тогда о том, чтобы русские восторжествовали и победили. Они победили... спасли мир, и в частности Англию, от фашизма. Все эти мужественные люди, павшие в боях за Сталинград, никогда не будут забыты большинством народа Англии».

Д. ХАРРИС. **Соммерсет.**

«Фюрер (как и некоторые другие, в том числе и ныне здравствующие) совершенно просчитался в оценке революционного духа Красной Армии и был сбит с толку легкими победами на Западе. Когда же непобедимый вермахт, которому приказали взять город во что бы то ни стало, был остановлен и разбит, тогда весь миф лопнул».

Алекс МАКЛЕОД. **Глазго.**

«Читая письма, которые он, несомненно, получит, маршал Чуйков, наверное, спросит, почему же это мы, призывающие к дружбе с его страной, должны теперь вооружать ту самую нацию, против которой боролись? Кто может осудить маршала за этот вопрос? Если наше правительство предало нашу дружбу, которую мы питаем к рабочим Советской России, то разве не предало оно и нас также? Я потерял двух братьев в прошлой войне. Один из них — восемнадцатилетний — погиб в Арденнах в день короткого перемирия. Я, как и бесчисленные тысячи других, замираю на минуту, вспоминая павших. Но когда я вижу наших лидеров, кладущих венки на могилу Неизвестного солдата, то я думаю: какое это издевательство!

Генералы, виновные в смерти наших парней, теперь командуют свежими армиями, чтобы снова вести войну, и, что самое ужасное, они командуют даже британскими войсками.

Мы, рабочие Англии, во всяком случае многие из нас, пытаемся бороться с непрерывной пропагандой прессы, радио, телевидения и кино, которые делают все возможное, чтобы запугать народы Россией. Мы хотим дружбы с вашей страной...»

Д. МАККАРТИ. **Хартфордшир.**

«Я благословляю тот день, когда призывы г-на Хрущева к миру во всем мире воплотятся в действительность».

Артур ВЕЛЕИН. **Лондон.**

Солдатская дума

Александр ЖАРОВ

Сказал задумчиво солдат
Товарищу в ответ:
— Ну кто из нас весне
не рад!
Таких в народе нет.

Ликуй, душа! Но не забудь,
Что дни забот полны
И что не так уж гладок путь
Красавицы-весны.

Глядишь, сияет синью высь,
Цветенья близок срок,
И вдруг, откуда ни возьмись,—
Внезапный холодок.

Нежданный снежный вихрь опять
Пройдется по следам
И станет с яблонь лист
срывать,
Пророча смерть садам.

Что делать нам тогда, солдат,
Подумаем давай...
Гляди на этот мирный сад.
Гляди, да не зевай!

И знай, браток, что тот народ,
Чьи мы с тобой сыны,
Сберег от многих непогод
Цветение весны...

Встречая март, апрель и май,
Не будь смекалкой плох.
Ты никому, солдат, не дай
Застать себя врасплох!

Звезда судьбы твоей светла...
Кипят, идут на лад
Страны весенние дела.
Вот так-то, брат солдат!

Наша правда

Иван БАУКОВ

Могила неизвестного солдата,
Невыплаканные слезы матерей,
Не ставшие замужними девчата,
Безрукие,
Безногие солдаты —
Все это встретишь на земле моей.

И вновь твердили:
— Надо быть готовым,
Быть начеку!
«Холодная война»!
Она могла
Взорваться бомбой новой...
А на дворе шла мирная весна.
А мне хотелось в тишь,
В родные дали,
Пахать поля и яблони садить —
Без орденов,
Без боевых медалей
И без осколков вражеских в груди.

Я и теперь,
Взглянув в глаза подростков,
Вдруг думаю:
«А что, коль вновь война!..
Они еще едва ли на березках
Любимых начертали имена.

Они хотят проникнуть в стратосферу
И по-хозяйски в звездный мир вступить...»
Мы не убьем
Их пламенную веру
И не позволим никому убить!

Мы им открыли в будущее двери:
Смелее в даль счастливую иди!
Для них дубрава мирная гудит...

Мы сокращаем армию:
Мы верим,
Что в мире наша правда победит!

К 80-летию со дня рождения Н. И. Подвойского

ЧЕЛОВЕК ГОРЯЧЕЙ ДУШИ

...Москва, улица Осипенко. Квартира, где живет семья Подвойских.

Мы пришли сюда в канун 80-летия со дня рождения Н. И. Подвойского — одного из активнейших участников Октябрьской революции. Известно, что Николай Ильич был руководителем Военной организации партии, возглавлял Петроградский Военно-революционный комитет, руководил штурмом Зимнего дворца. Он много работал над созданием вооруженных сил рабочих и крестьян — Красной Армии.

В семье Подвойских бережно сохраняют все, что связано с памятью о Николае Ильиче.

За столом сейчас сидят дочери Ольга, Лидия, Нина, сын Лев, брат Подвойского Иван Ильич. Они рассказывают о Николае Ильиче, показывают многочисленные документы. Вырисовываются черточки «солдата революции», как написал о себе Подвойский в анкете.

Письма, письма... Жене, детям, друзьям. На каждом письме не только дата, но и часы, минуты — точность военного человека. И почти в каждом письме — о Владимире Ильиче Ленине. Сколько здесь теплых слов о вожде революции! Как горячо, как беспредельно, до последнего дыхания Подвойский любил Владимира Ильича!

Вот только одна фраза из письма к жене, написанного в 1930 году, как раз в день рождения Ленина: «С Владимиром Ильичем я работал с гигантской радостью. Рос. Играл работой»...

О В. И. Ленине, как известно, Подвойский написал книгу.

В дни великого траура, когда страна прощалась с вождем, Подвойский пришел в Колонный зал, снял со своей груди орден Красного Знамени и положил его на грудь Ленину. Позднее, когда Подвойскому принесли проект афиши о закладке стадиона на Воробьевых горах, Николай Ильич зачеркнул слово «Воробьевы» и написал: «Ленинские».

Интересная деталь: железнодорожники избрали В. И. Ленина почетным машинистом паровоза У-127. Одновременно избрали почетным кочегаром Н. И. Подвойского.

В квартире на улице Осипенко нам показали большой альбом снимков. Вот Подвойский выступает на фронте с броневика; вот он слушает Ленина на Красной площади, опершись на палку: незадолго до этого Подвойский объезжал Еланский фронт и был ранен во время крушения поезда. Еще один снимок с Красной площади, сделанный во время демонстрации. Николай Ильич стоит возле самой кремлевской стены, а на стене белой краской нарисовано огромное пылающее солнце — солнце светлого завтрашнего дня, во имя которого Подвойский не щадил себя...

Что еще рассказали нам? Николай Ильич очень любил петь и одно время даже руководил хором. Очень любил музыку, в частности Бетховена. Всегда жил скромно, почти по-спартански. Когда после его смерти музеи попросили у родственников личные вещи Николая Ильича, то дома удалось собрать лишь один комплект, который и достался только одному музею.

Подвойский до конца был пламенным солдатом революции, человеком горячей и чуткой души. Николай Ильич с 1918 года до самой смерти состоял на партийном учете на «Трехгорной мануфактуре».

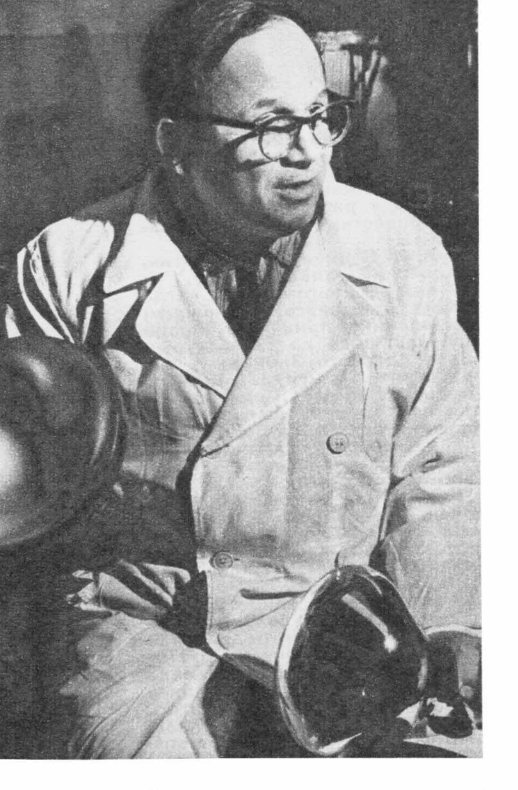
За три месяца до смерти Подвойский ездил в Ярославль. Что послужило причиной? Письмо директора средней школы, носящей имя Подвойского. В этом письме директор вскользь упомянул, что в школе стало больше двоек, и Николай Ильич помчался в Ярославль.

Таким был этот замечательный человек, один из многих верных помощников великого Ленина...

В. РУДИМ

Южный фронт. 1918 год. Н. И. Подвойский выступает перед красноармейцами.

— Но и лампы накаливания еще рано сбрасывать со счетов,— говорит В. Ф. Соустин.

Свет наших городов

Л. КАФАНОВА   Фото О. КНОРРИНГА.

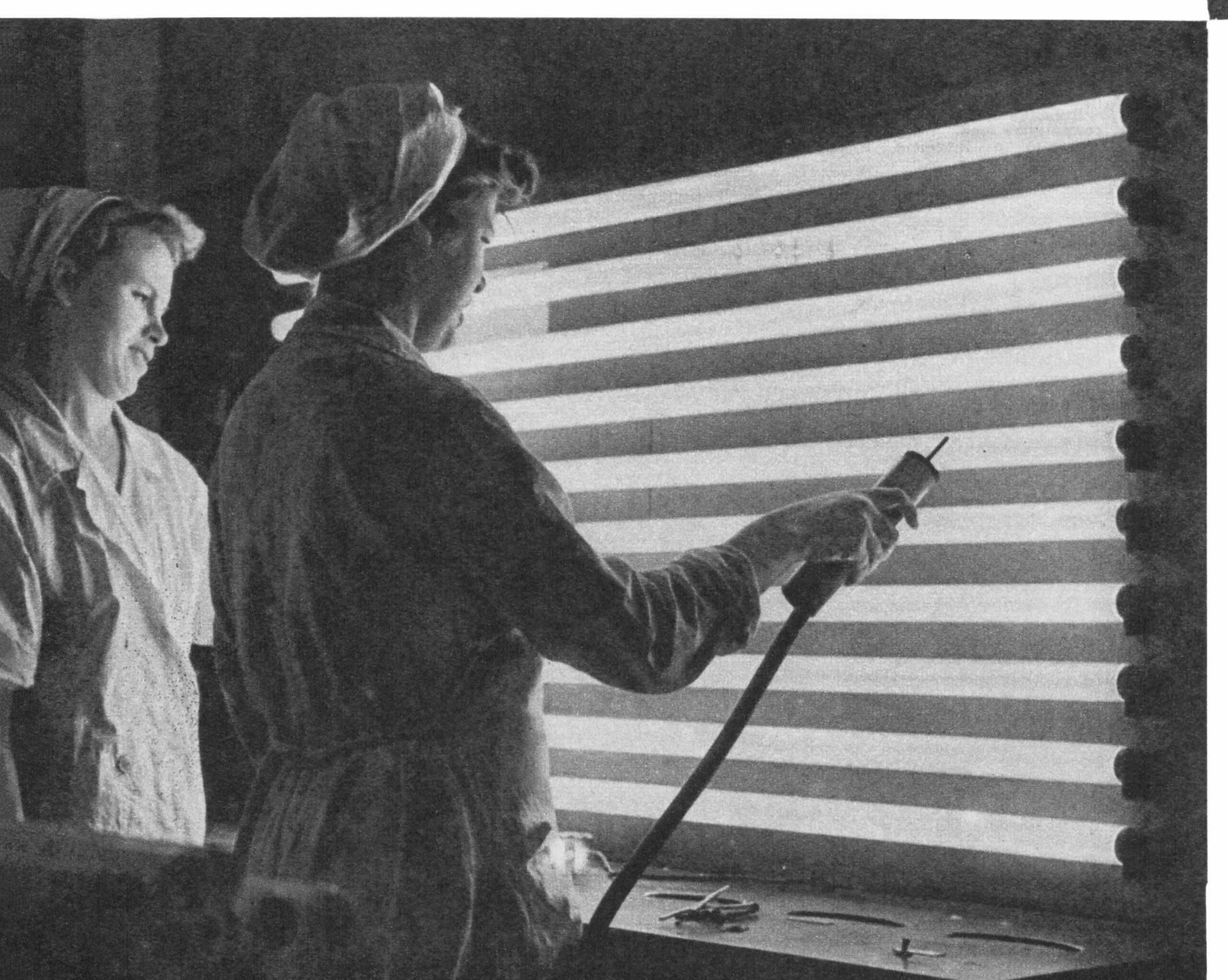
«Экономьте электроэнергию. Уходя, гасите свет». Кому незнакома эта лаконичная надпись? За восемь десятилетий, в течение которых источником искусственного света была электрическая лампа накаливания, человек привык думать, что экономить электроэнергию можно, только выключая, гася свет или заменяя лампы большой мощности, дающие больше света, лампами меньшей мощности, дающими меньше света. Но у ученых-светотехников совсем иной взгляд на этот вопрос.

...Огромная комната уставлена серебристыми шарами. В одних свободно спрячется человек, другие не больше обыкновенного глобуса. Здесь, в светотехнической лаборатории Московского электролампового завода, измеряется световая отдача ламп, количество света, которое они излучают на единицу затрачиваемой энергии.

Лаборантка открывает крышку шара. Там помещена наша старая знакомая — сорокаваттная лампа накаливания.

— Взгляните на приборы,— говорит девушка,— световая отдача этой лампы — 10 люменов на ватт. А приборы шара, где заключена газоразрядная люминесцентная лампа той же мощности, фиксируют светоотдачу 48 люменов на ватт.

В отделе технического контроля.

Дуговые ртутные лампы.

Почти в пять раз больше! Значит, можно залить ярким светом улицы, заводские цехи, школьные классы и при этом сэкономить миллиарды киловатт-часов!

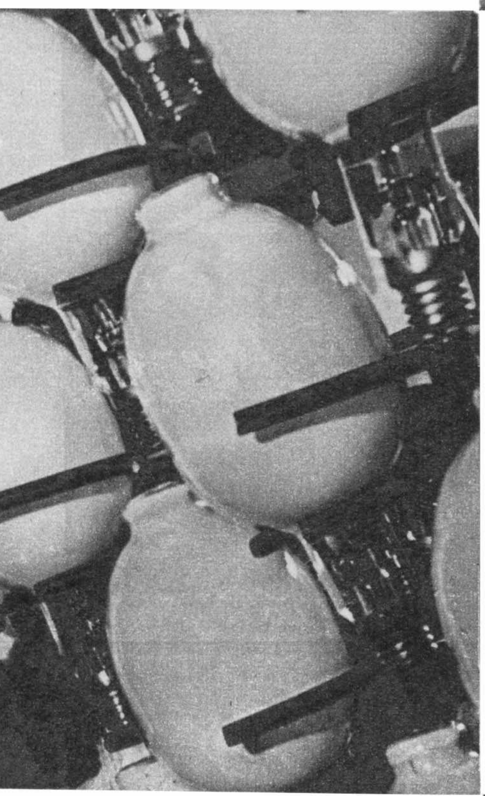
А вот еще один высокоэкономичный источник света — дуговая ртутная лампа ДРЛ. Назвать его новым было бы не очень справедливо. В 1937 году ртутными лампами попробовали осветить улицу Горького в Москве. Но эксперимент тогда не увенчался успехом: лампы горели ярким зеленоватым светом, делавшим все вокруг мертвенно-бледным. У теперешней ртутной лампы в отличие от ее предшественницы внутренние стенки покрыты особым порошком — люминофором, обладающим способностью преобразовывать ультрафиолетовые лучи, излучаемые ртутно-кварцевой горелкой, в желтые и красные. Наряду с люминесцентными лампами ДРЛ незаменимы для уличного освещения. Но... Вот мы и

споткнулись об это короткое слово!..

Заместитель главного инженера Управления, ведающего освещением улиц Москвы, А. А. Вепринцев показал нам громоздкий ящик.

— Это,— сказал он,— пускорегулирующее устройство — ПРУ. Их не выпускает ни одно предприятие. Мы у себя в мастерских кустарным способом делаем эти ПРУ. Стоят они дорого. К тому же нашими устройствами мы можем зажигать только лампы в 500 ватт. А ртутные лампы в 250, 750 и 1 000 ватт пока лежат у нас на складах без движения...

— Мы тоже не стоим на месте,— продолжает Василий Федорович,— создаем более экономичные источники света. До сих пор мы заполняли лампы накаливания аргоном. А теперь начали выпускать лампы, наполненные более тяжелым газом — криптоном. Световая отдача криптоновых ламп больше. Все более широкое применение находят и наши зеркальные лампы. Внутренняя поверхность здесь покрыта зеркальным отражающим слоем, и потому свет их не рассеивается, а идет в нужном направлении.

Как бы экономична и хороша ни была лампа, она сама по себе еще не может по-настоящему служить человеку. Ей требуется специальная одежда — электроарматура, светильник. От материалов, из которых сделан светильник, от цвета, формы зависит коэффициент его полезного действия. Так, например, пресловутый оранжевый абажур поглощает до 50 процентов света, излучаемого лампой.

В Научно-исследовательском светотехническом институте мы увидели почти всю электроарматуру, выпускаемую крупнейшими заводами и фабриками страны. И качество большинства находящихся здесь светильников доставило нам глубокое огорчение. Говоря о безвкусных, «безграмотных», грубых, уродливых вещах, просто нельзя умолчать о настольной лампе с часами и шелковым абажуром, изготовленной на Черемушкинском электроарматурном заводе, о люстрах московского завода метхозизделий № 4, завода цветного литья и электроарматуры, одесской артели «Металлист», об антихудожественных произведениях завода художественного литья и обработки металла Худфонда СССР. И взирая с сожалением на этих бронзово-хрустальных уродов, мы вспомнили маленький электроарматурный цех при мебельной фабрике Управления высотных домов и гостиниц, которым руководят инженер Владимир Карлович

Н. В. и В. К. Модрах со своими изделиями.

Модрах и его жена — художник Наталья Васильевна. Там из пластмассы, из различных пластиков, пленок и бумаги создаются красивые, современные абажуры, из дерева и металла — оригинальные торшеры, бра, настольные лампы.

Так неужели то, что под силу маленькому рабочему коллективу, не могут сделать большие государственные абажурные фабрики и электроарматурные заводы?

Могут. Для этого нужно совсем немного: подлинная нетерпимость к рутине и горячее желание создавать для советских людей изящные, современные вещи. И тогда исчезнут с прилавков наших магазинов шелковые абажуры и допотопные нагромождения бронзы и хрусталя, выдаваемые за люстры.

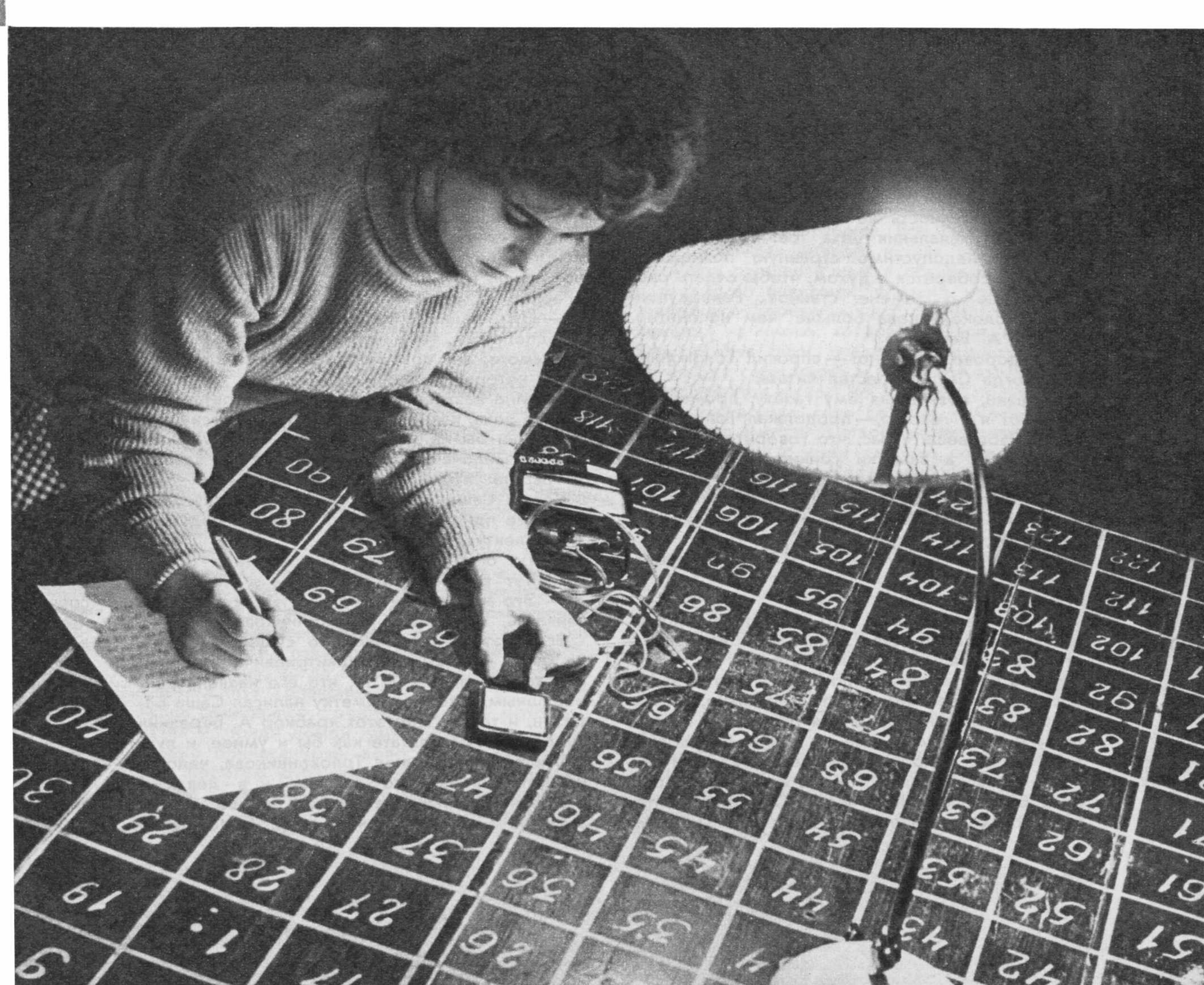
Определяется уровень освещенности.

На заводе нам показали U-образную трубку, излучающую яркий желтый свет. Это натриевая лампа. Световая ее отдача —70—80 люменов на ватт. Такими лампами предполагают осветить загородные шоссе. Их выпуск начнется в 1960 году.

Газоразрядным лампам принадлежит будущее. Люминесцентные, ртутные, натриевые... Исследователи и изобретатели не желают останавливаться на достигнутом. Они ищут новые, еще более экономичные и мощные источники света. Уже появились лампы, в которых под действием тока светится газ ксенон. Правда, мощность их еще невелика — всего 1 000 ватт. Но можно создать ксеноновую лампу в несколько десятков киловатт. И тогда четырьмя — пятью такими лампами будут освещаться аэродром, железнодорожный узел, стадион...

— Газоразрядные лампы очень хороши, но и лампы накаливания рано еще сдавать в архив,— этими словами встретил нас Герой Социалистического Труда Василий Федорович Соустин.

Более тридцати лет он работает на Московском электроламповом заводе. Через его руки прошли почти все лампы накаливания, выпускаемые заводом.

Борис ЗУБАВИН

Дмитрий Дмитриевич Толоконников, начальник сортопрокатного цеха, уже в годах, грузный, с поседевшими висками, но еще сильный, здоровый человек, исподлобья посмотрел на ставшего по другую сторону стола Сашу Березина, которого он все еще считал подростком, и спросил:

— Это твоя работенка?

— Что?— в свою очередь, спросил Березин и, вытянув шею, поглядел на стол.

— Не прикидывайся! — Дмитрий Дмитриевич постучал согнутым пальцем по столу, на котором лежала заводская многотиражная газета.— Тут черным по белому написано: «Рабкор А. Березин».

— Ты же знаешь, у нас в цехе больше нет Березиных.— Саша откровенно и простодушно поглядел на Дмитрия Дмитриевича, пожав плечами. Улыбка чуть приметно тронула уголки его губ.

Толоконникова в цехе звали сокращенно: «ДДТ». Кому впервые взбрело в голову сложить из его инициалов так привязавшееся к нему прозвище, когда это случилось — пять, десять, пятнадцать лет назад,— никто уж не помнил; в сортопрокатке же он работал давно и был награжден двумя орденами. Он пришел сюда с Сашиным отцом из ФЗУ, когда в Москве еще и метро не было, а Сашин дед был тогда, наверное, моложе, чем сейчас Толоконников.

— На, прочти мне вслух свое художественное произведение,— сказал Толоконников, протянув газету.— А я послушаю, как ты его исполняешь.

Саша откашлялся и прочел:

— «В сортопрокатном цехе вот уже полгода стоят без дела два новых станка глубокого сверления для буровой стали. И хотя старые

Рассказ

Воспитание характера

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

станки пришли в негодность, заменять их новыми почему-то не торопятся. А ведь известно, что каждый новый станок сразу повысит производительность на этом участке в два — три раза. Начальник цеха тов. Толоконников занимает недопустимо странную позицию и никак не соберется с духом, чтобы отдать распоряжение о замене станков. Равнодушие Д. Д. Толоконникова больше чем непонятно. Рабкор А. Березин».

— Здорово написано? — спросил Толоконников, когда Саша перестал читать.

Березин, возвращая ему газету, промолчал.

— Вот я и говорю,— продолжал Толоконников.— Работаешь у нас, что говорится, без году неделю, а заметки сочинять уже наловчился.

— Но это ведь правда! — Саша теперь с удивлением посмотрел на Толоконникова.— Скажешь, нет?

— Хотя бы и так. Кем ты у нас работаешь?

— Монтером.

— Вот именно.

Толоконников считал, что у каждого человека должны быть свои прямые и непосредственные обязанности, за которые он отвечает, за которые ему платят деньги, и обязанностей этих должно хватить настолько, чтобы не было времени слоняться по цеху и совать нос в чужие дела. И еще он твердо был убежден, что все вопросы надо решать своими силами, не вынося их за ворота, и тем самым беречь репутацию, честь цеха. Он привык, что в заводской газете много лет подряд печатали про сортопрокатку только положительные отзывы, и сперва, прочитав заметку, даже удивился. И лишь когда прочел вторично, то, разозлясь, подчеркнул красным карандашом слова: «занимает недопустимо странную позицию», «не соберется с духом» и «равнодушие». Потом подумал и подчеркнул еще: «Рабкор А. Березин».

— Ну, ладно,— заговорил он теперь.— Предположим, тебе наплевать на меня, на этого самого, как говорится, ДДТ. Но о коллективе, который принял тебя к себе, ты подумал? Мне казалось, что ты станешь патриотом своего цеха, каким был твой отец или, скажем, дед. Они бы не написали такого, не стали бы всякую мелочь раззванивать по всему заводу. Я говорю: про коллектив ты подумал?

Когда Саша садился писать заметку, ему даже не пришло в голову, что надо подумать о коллективе.

— Тут о коллективе разговору нет,— сказал он.— Тут только про тебя.

— Это конечно,— помолчав и как бы успокаиваясь, согласился Толоконников.

Все в этой правильной по существу заметке было для Дмитрия Дмитриевича обидным и оскорбительным. И то, что его назвали равнодушным, и то, что заметку написал Саша Березин, и то, что сам этот «рабкор А. Березин» выглядел в результате как бы и умнее, и лучше, и принципиальнее Толоконникова, человека, который намного опытнее и в делах и в жизни и больше чем вдвое старше автора заметки. Станки, конечно, надо было давно установить. Толоконников отлично помнит, сколько трудов и энергии пришлось затратить ему на то, чтобы выпросить их для цеха. И вот они в самом деле простояли полгода даже нераспакованные. До них, как говорят, все это время руки не доходили.

Теперь надо было отвечать на заметку, признавать правоту Березина и, стало быть, в некотором роде даже извиняться перед ним. И это тоже казалось обидным, оскорбительным и трудным. Как-то недели две назад Саша спрашивал у Дмитрия Дмитриевича, почему не устанавливают станки, и он, помнится, выпроводил парня, сказав, что это его не касается, пусть он лучше занимается своими непосредственными обязанностями. И вот парень добился все-таки своего. Дело было, конечно, не в том, что Саша обидел коллектив. Никого он не обижал, кроме Толоконникова, но признаться в этом даже самому себе было столь же трудно. Если бы заметку написал не Саша, а его дед, признаваться было бы несравнимо удобнее и легче: все-таки старый человек, в прошлом учитель Толоконникова,— а если бы ее написал кто-нибудь из недоброжелателей, то смысл заметки приобрел бы совершенно иное значение и, конечно, никакой обиды в душе Толоконникова она не вызвала бы.

— Ну, ступай, — проговорил он устало, с досадой махнув рукой.

— Есть! — сказал Саша и не торопясь, как ни в чем не бывало пошел к двери.

С тех пор, как отец и мать Саши, возвраща-

ясь с воскресной массовки, попали в автомобильную катастрофу и умерли, не приходя в сознание, мальчик был на попечении деда. Жили они скромно, неуютно, но с достоинством, по-березински, никогда не жаловались, ни у кого не просили помощи, сами мыли полы, стирали белье, варили обед. Когда наступала очередь стряпать, Саша старался сварить что-нибудь по советам книги «О вкусной и здоровой пище» или по отрывному календарю; дед же никаких советов не признавал и варил один картофельный суп, который Саша называл дежурным блюдом, а дед — силой.

— Сила! — восклицал он.— Картофельный суп — сила!

Иногда он пробовал варить лапшу или щи, но они у него каждый раз получались такие густые, что можно было втыкать ложку, и их, садясь за стол, разбавляли кипятком.

Дед раньше работал в сортопрокатке вальцовщиком, потом, когда совсем состарился, ДДТ перевел его в цеховую инструменталку, а когда Саша окончил школу и заводское техническое училище и ДДТ взял его в сортопрокатку дежурным электромонтером, чтобы он и тут был на глазах, дед ушел на пенсию. Теперь он сам и по магазинам бродил и обед готовил. Делать ему больше было нечего.

Все эти годы два раза в месяц, по воскресеньям, Толоконников, доводившийся Саше крестным, навещал их. Первое время, следя за воспитанием крестника, он старательно проверял тетради и заставлял Сашу декламировать заданные наизусть стихи, а когда тот перешел в старшие классы, уже не касался тетрадей, а только просматривал отметки в табеле, делая вид, что считает крестника, уже комсомольца, вполне взрослым человеком, на самом же деле потому, что многое из того, что когда-то давным-давно сам учил на рабфаке и в вузе, успел позабыть.

Ничто не могло помешать Дмитрию Дмитриевичу приходить в свой день и час к Березиным. Даже когда ему дали новую квартиру в Измайлове и он уехал с Фасонной улицы, где жил неподалеку от Березиных и от завода в старом деревянном доме и где все подоконники были присыпаны черным жестким порошком, вылетавшим вместе с дымом из заводских труб; даже когда Саша окончил школу и поступил работать в цех.

Березины всякий раз готовились к приходу ДДТ, покупали колбасу, чистили селедку, варили картошку. Толоконников приносил с собою поллитра.

Покончив с Сашиными уроками, объяснив ему, что он никогда не должен кривить душой, обязан говорить людям правду, не отступать перед трудностями, ДДТ и дед садились за стол и после каждой рюмки крякали, гримасничали, сильно выдували из себя воздух, словно стараясь показать, какое забавное занятие для них пить водку. Но водка сама по себе не имела для них особого значения, она была нужна им для разговора, и они долго, без отдыха обсуждали всякие проблемы. Однако с чего бы они ни начинали, будь то международное положение или виды на урожай, всегда сворачивали на свое и кончали разговор тем, что завод их самый лучший в Москве, а сортопрокатка — самый лучший цех на заводе.

— Сила! — кричал захмелевший дед.— Сортопрокатка — сила!

Цех действительно был хорош. Саша понял это

сразу, как только вошел в него. Цех был настолько огромен, что под погрузку в него загоняли не только МАЗы и зиловские самосвалы, а даже по десятку железнодорожных платформ и вагонов вместе с маневровым паровозом, и все это размещалось лишь в одном углу, на складе готовой продукции, и автомобили и вагоны выглядели там, словно спичечные коробки на столе. Прокатные станы, особенно крупносортные, натужно лязгали, грохотали, и казалось, что от напряжения, какое они испытывают, в них может что-то лопнуть, со стоном оборваться, и тогда возникнет жуткая, гнетущая, непривычная здесь тишина. Однако ничего не происходило: станы послушно мяли, тискали, переваливали на рольгангах квадратные, величиной с ящики из-под яблок или папирос, раскаленные добела чушки металла, и те, словно резиновые, послушно, легко на вид вытягивались, становясь то рельсом, то тавровой балкой, то принимая еще какую-нибудь форму.

А на мелкосортном стане, выпускавшем проволоку, у клетей стояли молодежные бригады, и работа здесь была такой жаркой, быстрой, утомительной, что парням то и дело приходилось меняться, и это напоминало игру в хоккей с шайбой: пока одна группа вальцовщиков с длинными клещами в руках расправлялась с метавшимися у них под ногами огненными металлическими змеями, засовывая их обратно в гнезда клети, другая тут же, сидя на скамейках, отдыхала, следя за работой товарищей и обмениваясь короткими, скупыми замечаниями. Звонил колокол, отдохнувшие парни надевали рукавицы, брались за клещи и вставали к клетям, а те, что уступали им место, вытирая рукавами и кепками пот с лица, садились на скамейки, закуривали, жадно припадали пересохшими ртами к воде.

В цехе стоял такой всеобщий грохот, что даже широкая, гулкая, натертая ногами железная лестница, ведущая на второй этаж боковой пристройки, когда по ней пробегали, стуча каблуками, казалось, никак не отзывалась на это, словно ватная. Истерически визжали, разрезая еще не остывший металл, сыпля искры, электропилы. Они входили в сталь свободно, как нож в масло, а распилив, словно ожегшись, начинали визжать. Им вторили звонки кранов, проезжавших высоко над головой. Шумело, вырываясь из-под заслонок печей, дымное мазутное пламя; все было в деле, в азартной работе, и даже лестница мелко, нетерпеливо дрожала, как бы тоже охваченная тем напряжением, которое круглые сутки, не смолкая ни на секунду, царило в цехе.

В тот день, когда в газете была напечатана заметка про Толоконникова, Саша несколько часов провозился с вентиляционным мотором, устал и, придя домой, умывшись, с мокрыми, гладко причесанными волосами, с расстегнутым воротом рубашки сел за стол. Дед поставил перед ним тарелку дежурного блюда с большим куском мяса и, берясь за ложку, сказал:

— С чего это ты всех учить взялся?

Он каждое утро ходил к проходной и покупал там в киоске свежую заводскую газету.

— Я правду написал,— ответил Саша.

— Правду! — передразнил дед.— А ты с другой стороны на эту правду посмотрел? Кто учил тебя, чтобы ты человеком стал? Кто тебя за руку отвел в техническое училище? А на завод, в наш цех привел? Крестный. Он для тебя и то, и сё, и пято, и десято, а ты ему что в ответ? В заметке протащил! Правда! Обидел ты его? Отвечай сейчас же!

Саша лишь пожал плечами в ответ. Ему казалось, что все это в данном случае не имеет никакого значения. При чем тут личная обида, когда разговор идет о деле? И не Толоконников ли учил его во что бы то ни стало добиваться правды и говорить эту правду всем, не стесняясь? А разве то, что он написал в заметке, не правда? Разве он мог поступить иначе? Да как бы он тогда тому же ДДТ в глаза посмотрел, если бы смолчал, отступился от своего только потому, что ДДТ много сделал ему хорошего!

Некоторое время ели молча. Сидели друг против друга — оба рослые, плечистые, только у деда лицо было сплошь в морщинах и щеки заметно обвисли, а Саша был здоров, свеж лицом, и от него будто даже крепко и сладко пахло молодостью, как обычно пахнет материнским молоком от маленьких ребят.

Лишь когда доели суп и настало время вылезать из-за стола, Саша спросил у деда:

— А ты как бы поступил?

— Я? — Дед откашлялся.— Это совсем другой разговор. Он ко мне таким вот, как ты, мальчишкой пришел, я его работать научил, я ему рекомендацию в партию дал.

— Это я давно знаю! — засмеялся Саша.

— Много ты знаешь! — рассердился дед.— Мальчишка! Я побольше тебя пожил на свете. Человек он или нет? Стало быть, ему обидно, как всякому, когда такие вот, как ты, замечания начнут давать. Вот погляди, не придет он больше к нам.

— Придет! — убежденно сказал Саша.— А то я его,— он нахмурился,— уважать перестану.

— Да человек он или нет? Ты это можешь понять?

Толоконников был человеком решительным. В цехе знали, что он проявляет самую большую активность тогда, когда его кто-нибудь раскритикует и, стало быть, разозлит. Чтобы исправить положение, он в ту пору не щадит ни свата, ни брата. Так случилось и на этот раз. Уже в субботу заводская газета напечатала ответ Толоконникова, в котором говорилось, что заметка А. Березина вовремя сигнализировала о недостатках, станки установлены, а на виновных, затянувших монтаж нового оборудования, наложено взыскание.

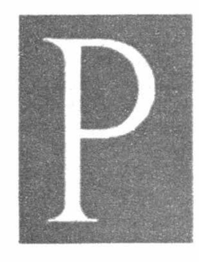
Это было в субботу, а на следующий день, поджидая его, Березины нарезали большими холостяцкими кусками колбасу, селедку и поставили варить картошку. Все было, как всегда, много лет подряд, и, как всегда, Толоконников пришел к ним в обычный свой час, и ему было невдомек, с каким нетерпением ждали его Березины: дед с самого утра то выходил на кухню, то возвращался, в волнении потирая руки, оглядывая комнату, нигде не находя себе места, а Саша все выглядывал в распахнутое окно. Но они не подали вида и, как всегда, сели за стол, и Саша впервые сидел вместе со старшими как равный. Как равный выпил с ними за свою сортопрокатку и хотел, подражая Толоконникову, крякнуть, точно с мороза, и выдохнуть воздух, но закашлялся, слезы выступили у него на глазах, и он, вытирая их ладонью, широко и смущенно улыбаясь, поглядел на Толоконникова.

— Еще молод,— снисходительно сказал тот.— Не умеешь — не берись. Учить тебя этому делу не стану. Хватит, и так выучил уж на свою голову.— И он вопросительно посмотрел на деда и на крестника, стараясь по выражению их глаз понять, догадывались ли они о том, что́ все эти дни творилось у него на душе.

Обида не давала ему покоя, и стоило больших трудов заставить себя сделать так, словно ничего не случилось, и пойти к Березиным. Иначе, как он полагал, воспитание крестника не будет законченным.

ВСТРЕЧИ С ФРАНЦУЗСКИМ ИСКУССТВОМ

Н. СОКОЛОВА

Разумеется, для того, чтобы как следует изучить, понять и почувствовать изобразительное искусство любой страны, особенно страны с такими богатейшими художественными традициями, как Франция, необходимо побывать там. Для того, чтобы почувствовать особенности творческого характера французских художников, хорошо хоть раз в жизни подняться к подножию Сакре-Кер и оттуда взглянуть на Париж; проехать на пароходике по Сене, лучше всего в серый денек, когда набережная, мосты, собор Парижской богоматери окутаны легкой волшебной дымкой; зайти в Сен-Шапель, полюбоваться витражами цвета утренней зари. Надо побродить по парижским улицам, «открытым» для живописи Клодом Моне, Писсарро и их товарищами.

И все же знакомство это будет неполным без советских музеев. Тридцать девять залов Эрмитажа в Ленинграде занимает выставка французского искусства, являясь самой большой в мире за пределами самой Франции. Обширной и интересной коллекцией картин французских мастеров располагает Музей имени Пушкина в Москве. В настоящем номере «Огонька» печатается несколько репродукций с картин французских художников, находящихся в этом музее.

Пуссен — величественная фигура французского классицизма XVII века, с его культом разума, гражданственности, высокими нравственными идеалами. Мастер говорил своему биографу, что совершенство искусства художника состоит прежде всего «в прекрасном выборе героических и необычайных действий».

И к изображению природы Пуссен подходил во всеоружии своих философских и эстетических принципов. «Пейзаж с Геркулесом и Какусом» создан в пору творческой зрелости художника. Античная мифология послужила источником его вдохновения; герой Геркулес, вступающий в единоборство с великаном, сообщает пейзажу особый, приподнятый характер. Да и сама природа на полотнах Пуссена величава, монументальна, героична.

Вспоминая свои академические годы, Илья Ефимович Репин рассказывает о том значении, которое придавалось искусству Пуссена в системе подготовки художников. Ректор Академии художеств Бруни раскритиковал пейзаж в эскизе Репина за его излишнюю жанровость. Он требовал идеализации природы в духе Пуссена. А Репин не пожелал ничего менять в угоду академической догме. В те годы (конец 60-х годов XIX века) классические каноны обветшали и новая, реалистическая школа живописи вела принципиальную идейную борьбу с эпигонами академизма.

Женской головкой представлен на страницах «Огонька» Буше — один из характерных представителей стиля рококо во французской живописи XVIII века. Королевский живописец Буше сообщал всему, чего касалась его кисть, оттенок изнеженной, пасторальной элегантности.

Французская буржуазная революция — важный этап в жизни страны и культуры. На небосклоне изобразительного искусства появляется знаменитый Давид. Активный деятель революции, член Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI, Давид — один из провозвестников и глашатаев новых общественных и эстетических идеалов. Его лучшие картины — вдохновенные создания революционного классицизма «Клятва Горациев» (1784) и «Смерть Марата» (1793) с их суровой, патетической героикой. «Зеленщица» кисти Давида — один из самых содержательных и правдивых портретов человека из народа.

Вместе с эволюцией буржуазии исчезает революционный дух и из творчества Давида, он становится придворным художником Наполеона.

Среди художников нового времени, чье искусство порождено революционными бурями 30—40-х годов XIX века, у нас особенно популярны Делакруа, Курбе, Домье. Репин в своих «Письмах об искусстве» выделяет Делакруа. «По колоритности,— писал русский живописец о Делакруа,— по смелости композиции, по необыкновенной жизни и свободе, по блеску и силе красок он сделал смелый шаг вперед в искусстве... В его картинах есть цельность, художественность общего, есть поэзия и жизнь». Чтобы оценить могущественную и пламенную кисть Делакруа, надо видеть его картины в Лувре: «Хиосскую резню», знаменитую «Свободу на баррикадах» (1830 год) и ряд других композиций. Он потрясает драматизмом, духом свободолюбия, пленяет красотой живописи. Произведения Делакруа, экспонированные в наших музеях, не велики по размерам, но исполнены с большим темпераментом.

Когда молодой русский живописец Валентин Серов в 1889 году поехал в Париж, его особенно привлекли художники новой школы: Бастьен-Лепаж, Коро, Добиньи, Руссо, Тройон. Эти художники представлены у нас достаточно ярко, что дает возможность судить о демократических тенденциях их искусства, о правдивом и лирическом восприятии ими родной природы. Сравнивая Делакруа с орлом, Коро самого себя называл жаворонком. Действительно, масштабы этих художников несравнимы, но у «жаворонка» Коро очень чистый голос, его серебристые пейзажи поэтичны.

Новую страницу в истории французской живописи начинает Курбе. Известный французский писатель Луи Арагон назвал свою книгу о нем «Пример Курбе». Да, Курбе — пример художника, пробивавшего новые пути в живописи. Он бесстрашно распахнул для искусства дверь в тот мир, где работают крестьяне, дробильщики камня, где сидят за стаканом вина жители его родного Орнана и он среди них.

Произведения, составившие его славу,— это «Похороны в Орнане», «Дробильщики камня», «Встреча» и ряд других. Большой интерес представляют и рисунки Курбе, особенно те, что сделаны в тюрьме Сент-Пелажи, куда после разгрома Парижской коммуны он был брошен как активный коммунар. Произведения наших музеев («Хижина в горах» и другие) дают некоторое представление о мощной кисти живописца, но не могут широко обрисовать эту самобытную фигуру.

Свою книгу о Курбе Арагон начинает с образа пробудившегося великана-пролетариата. Демократическая сущность искусства Курбе, преодоление им романтических воззрений юности были бы немыслимы без пробуждения пролетариата — этой мощной силы, которую услышали все народы.

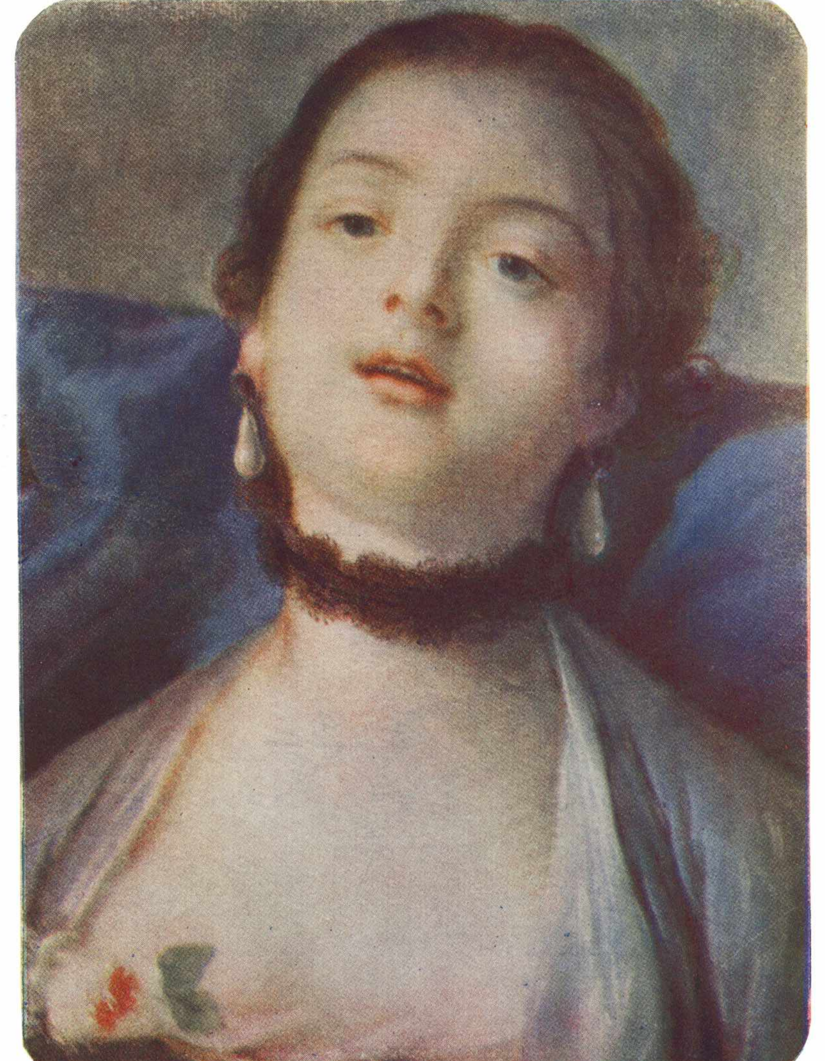
Отвергаемый официозным салоном, Курбе строит для своих картин отдельный павильон с вызывающей по тем временам декларацией: «Реализм». Арагон разоблачает буржуазных критиков, которые нападали на живописца за его убеждения, за то, что он изображал крестьян «во весь их натуральный рост». Во время осады Парижа пруссаками Курбе обратился к немецким художникам с призывом расплавить крупповские орудия и водрузить на Вандомской площади антивоенный памятник «последней пушке»!

Вслед за Курбе в новых условиях и по-своему создавала искусство современности плеяда мастеров. Объединяли их общие задачи, но у каждого был особый, индивидуальный творческий почерк.

В Париже, в музее импрессионистов, несравнимо лучше, чем у нас, представлен Мане. Там экспонируется и его знаменитая картина «Олимпия», о которой невозможно составить представление по репродукциям. Наши собрания располагают отличными образцами других мастеров этого направления.

Моне и Писсарро вошли в историю живописи прежде всего как певцы современного им города. Великолепные колористы, они любили

Никола Пуссен (1594—1665). ПЕЙЗАЖ С ГЕРКУЛЕСОМ И КАКУСОМ.

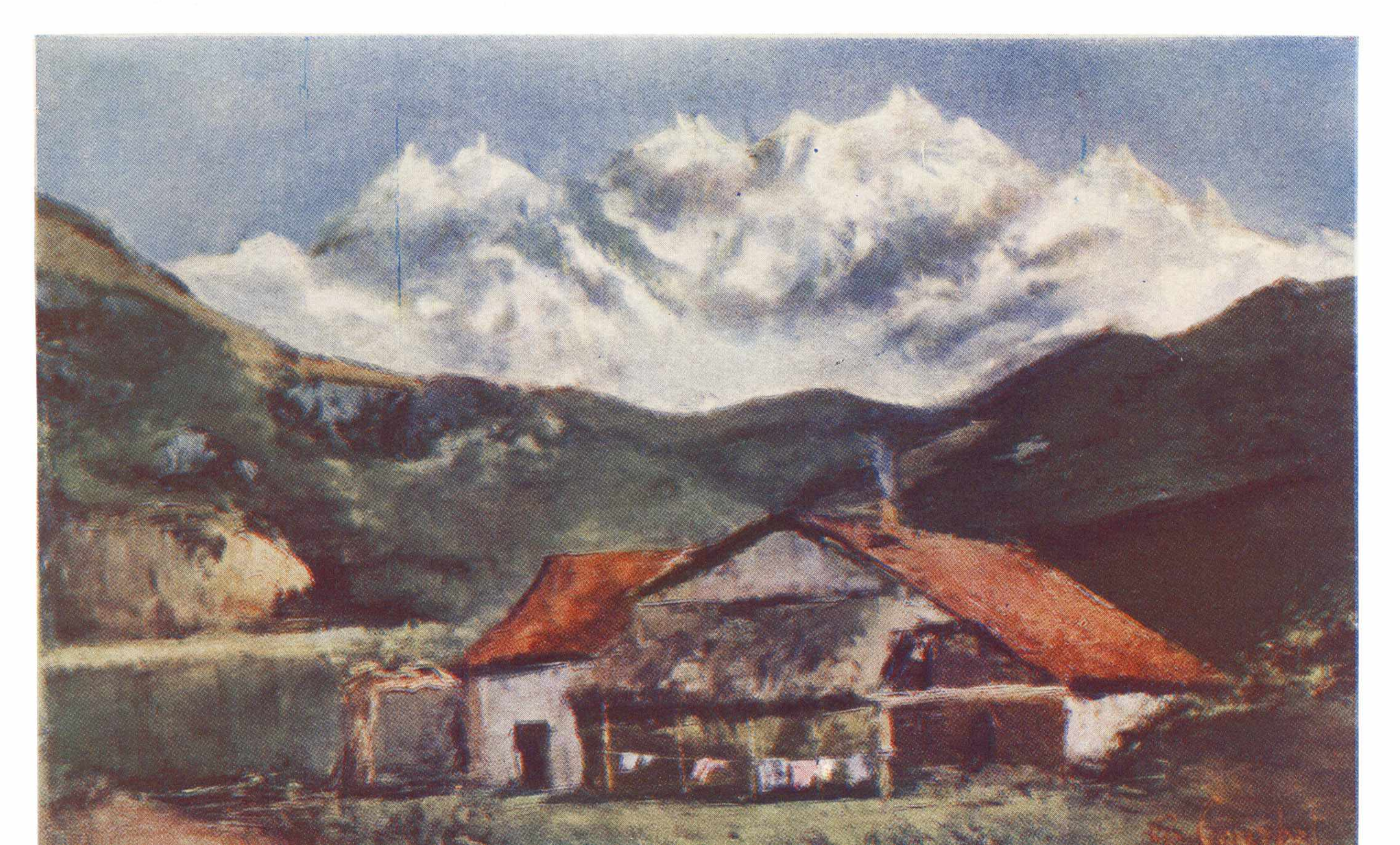
Франсуа Буше (1703—1770). ЖЕНСКАЯ ГОЛОВКА. Пастель.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

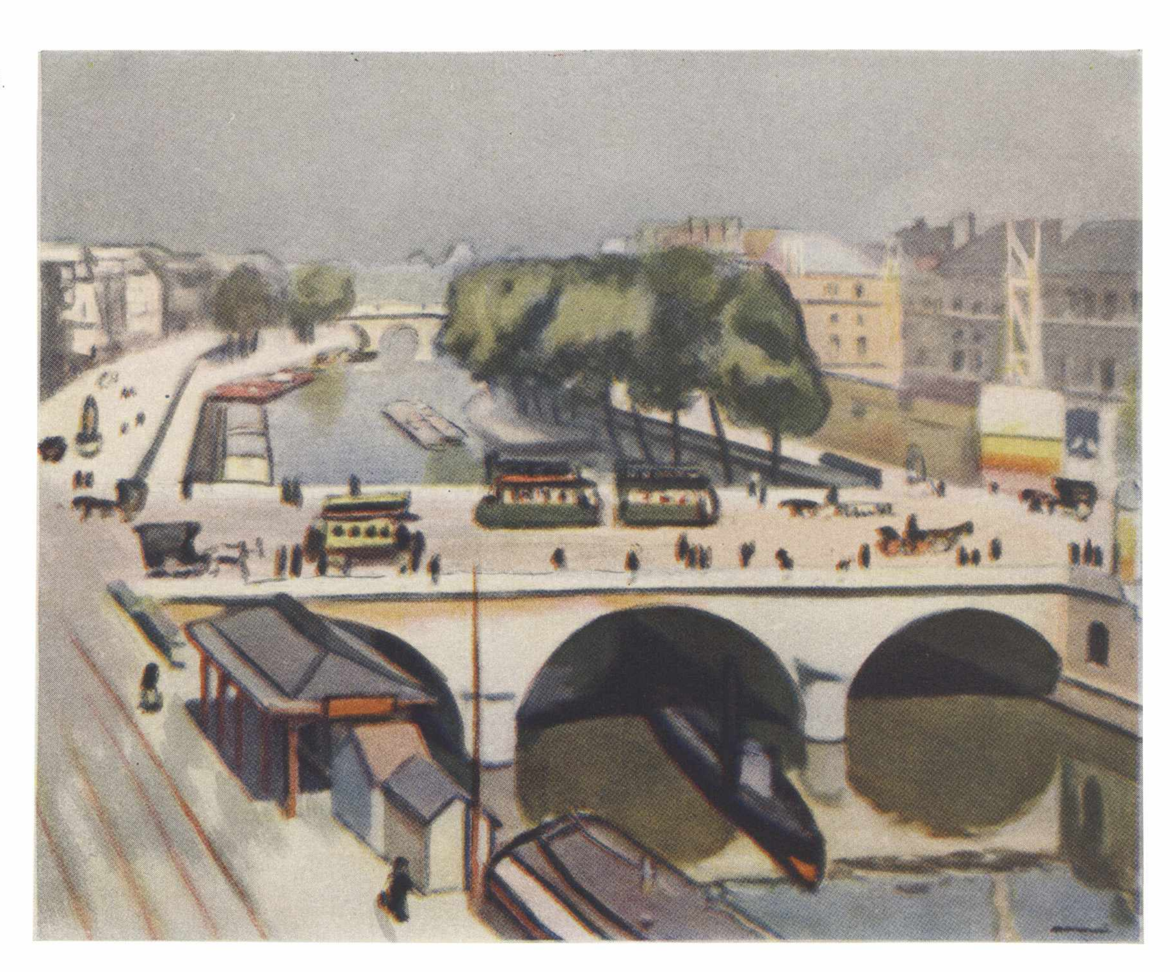
«Огонек».

Леон Огюстен Лермитт [1844—1925]. ЖНИЦЫ.

Гюстав Курбе [1819—1877]. ХИЖИНА В ГОРАХ.

Альбер Марке (1875—1947).
МОСТ СЕН-МИШЕЛЬ В ПАРИЖЕ.

Камиль Писсарро (1830—1903).
ОПЕРНЫЙ ПРОЕЗД В ПАРИЖЕ.

Эдгар Дега (1834—1917). ГОЛУБЫЕ ТАНЦОВЩИЦЫ. Пастель.

писать парижские бульвары в разное время дня, силуэты домов, купы деревьев, толпу, как бы растворяющимися в атмосфере солнечного или дождливого пейзажа городской улицы, набережной, общественного парка.

Дега посвятил свою кисть и карандаш труженикам современного ему театра. Он писал балерин в голубых, розовых, воздушно-белых пачках на ярко освещенной сцене, но более всего в трудные часы их тренировки у станка или во время короткого отдыха, когда на них, изнемогших от труда, никто не смотрит... В противоположность Моне и Писсарро — поэтам дневного света — Дега предпочитал искусственное освещение рампы, атмосферу мастерской — пленеру. Художник выработал крайне индивидуальный рисунок, подчеркивающий характернейшие черты человека в процессе движения, в естественной для него обстановке.

Отмечая достижения французских колористов 70—90-х годов XIX века, нельзя умолчать и об известной ограниченности их мировоззрения и творчества. Острые социальные конфликты эпохи не нашли отражения в искусстве Моне или Писсарро. Протест против современной им буржуазной цивилизации таких художников, как Гоген или Ван-Гог, носил субъективно-острый, но пассивный характер. Гоген презрел современный капиталистический город и обрел свой стиль, посвятив искусство людям и природе Таити. Романтик, глубоко уязвленный противоречиями буржуазной действительности, Гоген не нашел покоя и счастья и на Таити.

Весной 1958 года мне довелось побывать на выставке рисунков и живописи Ван-Гога в шахтерском местечке Бельгии — Боринаж. Боринаж, с его шахтерами и их тяжелым трудом, навсегда врезался в память Ван-Гога, крайне впечатлительного художника. «Я так люблю этот печальный край,— говорил он,— что никогда его не забуду». Среди ярко-красочных натюрмортов и пейзажей выставки приковывали внимание рисунки художника, посвященные людям труда, и трогательный натюрморт «Пара сабо» — деревянные башмаки какого-то труженика.

Приехав в Париж, Ван-Гог, голландец по происхождению, связал свою творческую жизнь с французскими художниками. В Музее имени Пушкина находится одна из самых сильных картин его — «Прогулка заключенных». Мотив человеческого несчастья, горя простых людей поднят художником до большого социального обобщения.

Из художников XX века на вкладках представлен Марке. Он прожил долгую жизнь и умер сравнительно недавно, в 1947 году. Марке прежде всего пейзажист. По сравнению с Моне Марке менее ярок и менее масштабен. Но у него тоже своя индивидуальная манера изображения жизни, свой подкупающе ясный взгляд на мир. Марке влюблен в Париж. Изображая его, он ухватил самое важное в пейзаже этого прекрасного города — слитность всех его элементов: архитектуры, зеленых насаждений, воды, мостов.

Марке любит писать свежий блеск омытых дождем мостовых, сияющую на солнце водную гладь. Он любит писать деревья в тот час, когда они налиты светом и отбрасывают узорную тень. Противоречия жизни, бури современности не нашли отражения и в его искусстве. В этом отношении ему противоположен Пикассо, который никогда не уклоняется от изображения самых острых противоречий современности. Потому Пикассо и стал одним из самых активных борцов за мир. В настоящее время во Франции работает плеяда художников, которые противостоят приверженцам бессмысленного и вредного абстрактного искусства. Они борются за прогрессивные идеалы, продолжают демократические традиции лучших художников Франции.

МОЙ ШОПЕН

Генрих НЕЙГАУЗ

Фредерик Шопен.

Почти всегда, если разговор заходит о Шопене, меня спрашивают, когда я впервые «познакомился» с композитором. И никогда я не могу ответить на этот вопрос... Я вырос в семье музыкантов. У нас дома страстно любили Шопена. Бывало, меня укладывали спать, и подолгу я лежал в своей постели, прислушиваясь к доносившимся издалека волшебным звукам. Это в гостиной играла Шопена моя мать. И это были мои первые колыбельные...

С тех пор прошло очень много лет... Вся моя творческая жизнь тесно связана с Шопеном. Я постоянно встречался с ним как пианист, все мои ученики исполняют его произведения. И мне кажется, что я близко, до мельчайших подробностей знаю этого человека, что я постиг все его сокровенные тайны. Вместе с тем, вслушиваясь во взвихренные ритмы его мазурок, в грациозные и томные мелодии вальсов и ноктюрнов, в трагические и скорбные аккорды полонезов и баллад, я всегда нахожу в нем какую-то новую прелесть, что-то неведомое ранее, еще не открытое мною.

Я вспоминаю свои концерты в больших и малых городах нашей страны, переполненные залы, напряженные, ожидающие лица (приходили слушать не меня — Шопена!), и, вглядываясь в эти лица, в глаза своих слушателей, я всегда задавал себе один и тот же вопрос: в чем же секрет этого особого, «шопеновского» обаяния? Что такое заключено в звуках его восхитительной музыки, пленившей когда-то изысканных эстетов парижских салонов, собиравшихся послушать Шопена — «ангела с прекрасным лицом печальной женщины»,— а сегодня задевающей самые глубокие и тонкие струны души человеческой, исторгающей сладостные волнения и переживания и у простых работниц и у седоголовых профессоров?..

Шопен появился в европейской музыке неожиданно. У него не было предшественников. Он принес с собою целый мир, наполненный неведомыми прежде образами, ритмы польских народных танцев, напевы польских простолюдинов. В значках, начертанных его нервной рукой на пяти нотных линейках, воплотились и изящная красота польских пейзажей, и гордый дух вольнолюбивого народа, его скорбь, его надежды.

Рассказывают, что Фредерик Франсуа Шопен родился под звуки польской народной песни. Будто бы в тот самый момент, когда мальчик издал свой первый крик, под окнами маленького домика в деревушке Желязова-Воля грянули скрипки проходившей мимо свадебной процессии. Если это даже и неправда, то хорошо придумано. Потому что, как писал В. В. Стасов о Шопене: «Могучая нота польской национальности, ненасытная, страстная привязанность к своему отечеству никогда не иссякали в нем и провели величавую глубокую черту в его созданиях».

Польша всегда была главной героиней произведений Шопена. Польше, ее народу посвятил он все свое творчество. Она была для него источником живой воды, единственным — и неиссякаемым — родником, где он черпал свои образы и чувства. Это и сделало его художником глубоко оригинальным и своеобразным, а его произведения — такими непохожими, такими индивидуальными.

Шопен писал так, как никто не писал до него. И никто из его последователей не сумел достичь завоеванных им высот. Ему было только восемнадцать лет, когда он сочинил вариации на тему оперы Моцарта «Дон-Жуан», о которых Шуман, пораженный их новизной, свежестью, смелостью, воскликнул: «Шляпу долой, господа! Перед вами гений!»

Более двухсот произведений создано Шопеном. Все это, за малым исключением, фортепьянные пьесы. «Бардом, рапсодом, духом, душой» фортепьяно называл Шопена Антон Рубинштейн. Драма целого народа, тоска любящего сердца, романтический порыв мечтателя, наивная, доверчивая человеческая простота, величие сознающего свою мощь титана — все эти разнообразные чувства нашли свое блестящее воплощение в фортепьянных пьесах Шопена. И совсем по-новому зазвучал у него рояль. Он по-своему «открыл» этот инструмент, его богатейшие возможности, которыми владеем мы сегодня.

Шопен во всем неповторим, во всем новатор. Прелюдии всегда считались лишь вступлением к музыкальному произведению. У него они превратились в короткие вдохновенные музыкальные поэмы. А этюды Шопена!.. Ведь эти произведения, задуманные как упражнения на все виды пианистической техники, на самом деле служат вовсе не для обучения игре на рояле, а для изучения огромных возможностей этого инструмента, более того — самой музыки.

Шопен сумел тончайшие движения души, легкие, неуловимые настроения воплотить в ясной классической форме.

И еще об одной грани, сверкающей ярко в музыке Шопена, хочется мне сказать. Когда Шопена спрашивали, каким именем назвать то, что звучит в его музыке, он неизменно отвечал коротким польским словом «żal»... Это очень емкое слово. Его трудно перевести на другой язык. Мне оно кажется близким к русскому народному «люблю-жалею». Именно так и понимаю я то любовное томление, ту драматическую нежность, которой полны творения Шопена.

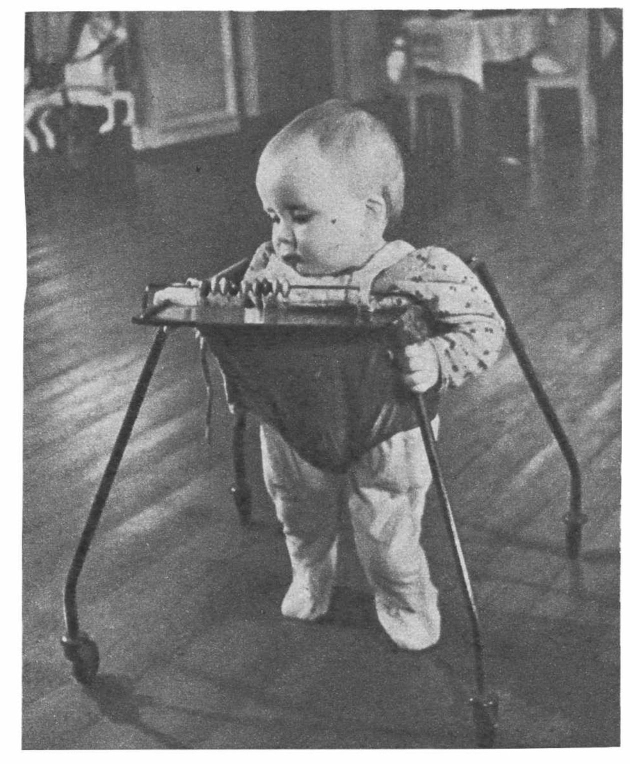
22 февраля весь мир отмечает 150-летие со дня рождения композитора. В эти дни зазвучит под сводами всех концертных залов нежная и гордая, вкрадчивая и мужественная, прекрасная музыка Шопена. Исключительно пышными будут торжества в Варшаве. Весь 1960 год так и назван поляками — год Шопена. Оно и понятно. Ведь, умирая в Париже, Шопен завещал свое сердце Польше. Оно до сих пор хранится в Варшаве, в костеле Святого Креста...

О Шопене я мог бы писать много и говорить без конца. Но в данном случае место — мера всех вещей. И потому я хотел бы закончить свои беглые заметки о Шопене словами Гейне: «Шопена должно назвать гением в полном смысле этого слова».

С ГОРКИ.

Снимок фотолюбителя **Е. Иванова.**

ОМСКИЕ ХОДУНКИ

Вот что такое ходунок.

Фото Д. Ухтомского.

В. ПОЛЫНИН

Сначала о самом ходунке в узком смысле этого слова.

Конструкция его проста. Четыре ножки-опоры на колесиках. К раме прикреплено матерчатое сиденье. Оно плотно, надежно и удобно, наподобие парашютных лямок, облегает тело ребенка. Высота от пола до сиденья рассчитана так, что малыш, выпрямив колени, как раз упирается ногами в пол. Застрахованный ходунком от случайного падения, он учится самостоятельно стоять и делать первые шаги.

Мамы и папы, бабушки и дедушки, тети и няни могут быть спокойны: дитя, оставленное даже без присмотра, не набьет себе синяков и шишек. Не удивительно, что слух о ходунках без всякой на то рекламы распространился быстро и далеко. Со всех сторон стали поступать запросы и заказы. И каждый при этом утверждает, что именно у него «...возникла острая потребность в обеспечении семей и яслей ходунками». Остается еще назвать место рождения ходунков: Сибирь, город Омск.

Этот сибирский город, недавно прославившийся своими садами, ныне стал инициатором изготовления довольно редких и жизненно необходимых товаров для человека. Детский ходунок только один из них. Подобно ему, самыми ходовыми стали многие другие вещи, сделанные в Омске. И слово «ходунок» приобрело новый, широкий смысл. Кроме мясорубки, электроутюга с терморегулятором, теплых кожаных перчаток и мужских сандалет, к «ходункам» можно смело причислить еще добрый десяток нужных товаров.

Зеленая улица длиной... в кабинет

Длинный стол в кабинете председателя Омского совета народного хозяйства накрыт зеленым сукном. Вся эта широкая «зеленая улица» установлена десятками предметов, изготовленных на предприятиях совнархоза. Почти каждый из них немедленно был бы закуплен директором магазина в любой части нашей страны. Скороварка. Реле-автомат для фотолюбителей. Изящные галантерейные изделия из рогов. Электрический утюг. Чайник с герметической крышкой: он закипает через три — четыре минуты, о чем возвещает настойчивым посвистыванием. Электроплитка. Детская шубка из овчины, выделанной под благородный мех.

Пожалуй, довольно и этого. Все это «ходунки», которых давно ждет покупатель.

Председатель совнархоза Борис Петрович Еленевич не работник торговли, а, тем не менее, отлично знает ее нужды. С завидной осведомленностью он может рассказать не только о производстве «ходунков», но и об их сбыте и еще о том, как некоторые промышленные предприятия города скрепя сердце брались за изготовление иных предметов широкого потребления.

— Вот, взгляните!— приглашает Борис Петрович и показывает черную ребристую пластину, формой напоминающую лист шифера, но плотную и упругую, как резина.— Одно из наших предприятий, Омский шинный завод, изготовляющее резиновые изделия, захламлялось отходами. Их даже сжигали. Это делалось годами. Когда мы предъявили заводу требование, кроме своей основной продукции, давать еще и товары широкого потребления, руководители взмолились: «Помилуйте, у нас и сырья-то не остается для такого производства! Все наши отходы — пыль да копоть». Но, не дождавшись от нас сочувствия — а народ они знающий, изобретательный,— выдумали все-таки этот самый резиновый «шифер». Делается он из бросовых отходов и стоит почти в два раза дешевле настоящего. Пользуется сверхповышенным спросом. Не ломается и не колется, как глинистый шифер. И покупатель доволен, и завод дополнительный доход получает. А главное, новинка эта помогает решать проблему жилищного строительства...

Борис Петрович рассказал нам несколько подобных же «биографий» вещей, лежавших на столе. И оказалось, что все это сделано из отходов. Мы даже позавидовали жителям Омска, для которых, например, сделан вот этот чайник со свистком: великолепный подарок любому московскому водохлебу! Захотелось повезти этот омский сувенир в Москву. Но увы...

— Почти все, что вы видите здесь, невозможно купить в магазинах нашего города,— с горечью констатировал Борис Петрович.— Многие из этих товаров всего лишь образцы, а путь от образца до массового производства — это далеко не «зеленая улица». Очень часто на этом пути вспыхивают красные заградительные огни...

Не разоряйте птичьих гнезд!

Не каждый город, даже крупнее, чем Омск, может, как и он, похвалиться таким количеством оригинальных изделий.

Но бывает, что предприятие, наладившее производство, вдруг старается поскорее свернуть его.

В Омске «свила себе гнездо» впервые в нашей стране резиновая утка. Если вы не знакомы с утиной охотой, поясним, что стрельба диких уток на осенних перелетах наиболее успешна с подсадными чучелами. Если чучело изготовлено по всем правилам искусства, то дикая утка подсаживается к нему и попадает под верный выстрел.

Чучела эти испокон веков изготовлялись из дерева, были тяжелыми, громоздкими, дорогими, но... охота пуще неволи, и их все равно покупали. А вот один из омичей додумался до изготовления складной резиновой утки. Она легкая, дешевая, портативная, не боится даже прямого попадания: резина толста, как стенка калоши.

Одна из артелей в Омске наладила производство резиновых уток. Московская охотничья профессура, проведя пробную охоту с такими чучелами, признала продукцию омских утятников превосходной. Охотники всего Союза забросали просьбами на любых условиях снабдить их чучелами. Омская резиновая утка «мигрировала» даже за границу.

Но вот в некоторых магазинах, преисполненных жадности к «ходовой продукции», стали накапливаться чрезмерные запасы. «Голод» на чучела был на некоторое время утолен. И поступило решение: довольно резиновых уток! Производство, наладка которого обошлась в полтора миллиона рублей, было прекращено. Гнездо, где выводили резиновые чучела, разорено.

Пойдите теперь в магазин и купите резиновую утку!.. Нет ее. Обратитесь к омским утятникам и попросите их снова наладить утиное производство. Они резонно скажут: «А мы уже стреляные!..»

Мы спросили у председателя совнархоза:

— Кто же больше всех мешает открыть ходункам зеленую улицу?

Борис Петрович задумался: сразу, видно, на такой вопрос не ответишь.

— Можно винить многих,— сказал он.— И Госплан, который больше печется о делах капитальных, считая, что ходунки — мелочь. Но в первую очередь нас, совнархозовцев. Нет еще у нас достаточной гибкости в управлении подчиненными предприятиями, настойчивости в борьбе с косностью тех, которым что ни выпускать, лишь бы план по валу выполнять. Ведь каждый ходунок — новинка, с ней повозиться надо, сразу в поток она не пойдет. И еще, думается мне, нужно выработать какие-то стимулы для тех, кто энергично берется за эти самые ходунки. Задача нелегкая. Но решить

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В каждом творческом коллективе — профессиональном и самодеятельном — горячие дни. Все готовятся к предстоящей третьей декаде украинской литературы и искусства в Москве.

Декада — это не только праздник. Декада — это экзамен. Кто хорошо подготовится, тот и получит высокую оценку.

Что же делается сегодня, чтобы выдержать экзамен с честью?

Мы побывали в творческих коллективах столицы Украины и побеседовали с начальником главного управления театров и музыкальных учреждений И. Г. Куницей. Вот что он рассказал:

— Работники искусства Украины готовятся к декаде в Москве как к большому празднику. Небывалое оживление царит в театрах республики. Репетируются новые спектакли — здесь и пьесы, посвященные нашей жизни, и произведения украинской, русской и западной классики.

Харьковский драматический театр имени Т. Шевченко ставит новые спектакли: «Кровь людская — не водица» Стельмаха и Крайниченко, «Ой, пойду я в Бориславку» Балабана и Предславича, «Третья патетическая» Погодина. Драматург Печенежский написал для этого коллектива комедию «День рождения» — из жизни колхозного села, драматург Муратов — пьесу о рабочих, участниках бригад коммунистического труда.

В репертуаре Львовского драматического театра имени М. Заньковецкой — «Гамлет» Шекспира, «Сон князя Святослава» Ивана Франко, «Лодка качается» Я. Галана. Сейчас в работе несколько пьес о наших современниках.

Новые постановки выпускают театры Одессы, Днепропетровска, Сталино, Симферополя и других городов.

Министерство культуры УССР проводит республиканский смотр спектаклей на современную тему. Во время второго тура были отмечены «Леся» М. Андриевич в Черновицком областном театре имени О. Кобылянской, «Сын века» И. Куприянова в Днепропетровском театре имени Горького и другие. Лучшие спектакли второго тура увидит столица Украины, а лучшие из лучших будут показаны на декаде.

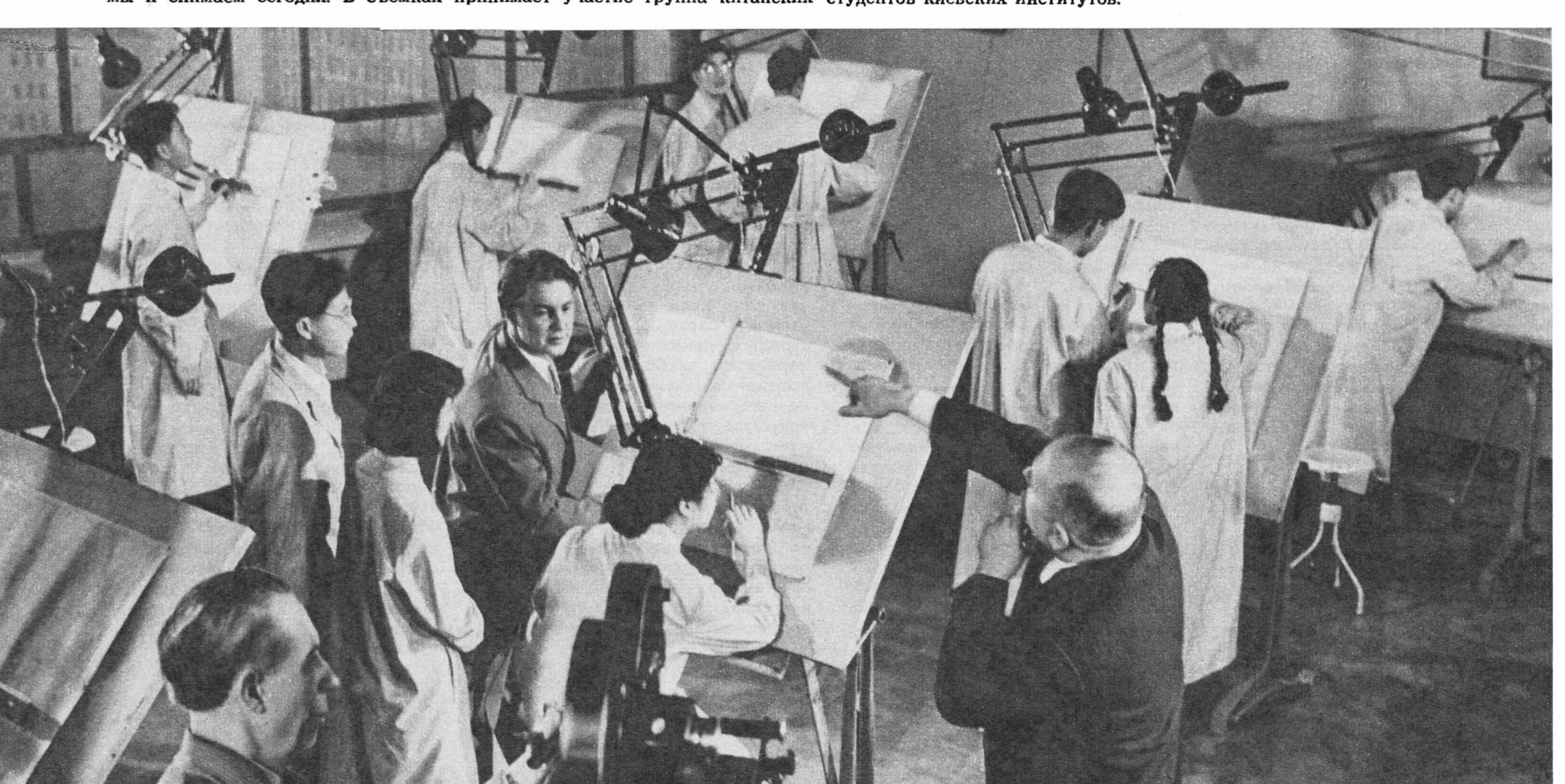
Театры Украины деятельно готовятся к третьей декаде украинской литературы и искусства в Москве, стремятся порадовать москвичей спектаклями, достойными нашего великого времени.

— А мы повезем на декаду, — рассказывает Гнат Петрович Юра, художественный руководитель Театра имени И. Франко,— спектакль «Не суждено» М. Старицкого, шекспировского «Короля Лира», покажем «Девичью судьбу» Л. Дмитерко. Эта пьеса посвящена перестройке работы школы, формированию характера нашей молодежи. Большие надежды возлагаем на новую пьесу А. Корнейчука. Готовим также «Песню о свечке» И. Кочерги. На снимке: король Лир — М. Крушельницкий, Корделия — А. Ролик.

ВЕНОК МНОГОЦВЕТНЫЙ

На студии художественных фильмов имени А. П. Довженко режиссер Т. Левчук снимает «Наследники» по сценарию Игоря Луковского.

Эта картина продолжает сюжетные линии «Киевлянки». Здесь действуют сын Галины Очеретько — Матвейка, молодой рабочий, испанский юноша Мигель Сантос, усыновленный в 1937 году Яковом Середой... Молодежь борется за технический прогресс, за высокое звание бригады коммунистического труда. Муж Галины Очеретько инженер «Арсенала» Виктор Дорошенко консультирует в Шанхае строительство нового завода. Именно этот эпизод мы и снимаем сегодня. В съемках принимает участие группа китайских студентов киевских институтов.

Театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Здесь работают над сценическим воплощением оперы «Степи шумят» Г. Жуковского. Это музыкальная поэма о покорителях целины. Готовится балет «Черное золото» композитора В. Гомоляки. Герои произведения — тоже наши современники, передовые бойцы семилетки, строители комсомольских шахт в Донбассе.

Композитор Г. Майборода принес в театр партитуру новой оперы «Арсенальцы». Либретто написали А. Малышко и А. Левада. Тема оперы — героика борьбы трудящихся Украины за Советскую власть. Музыку новой оперы внимательно слушают актеры.

А вот танец «На кукурузном поле» в исполнении артистов Государственного ансамбля народного танца УССР. Легко и непринужденно движутся участники ансамбля.

В Русском драматическом театре имени Леси Украинки идет спектакль «Песня под звездами». Драматург Вадим Собко и театр рассказали зрителям волнующую историю молодых людей Юрия и Ольги, брата и сестры. Их отец—бывший пособник бандеровских бандитов. Юра и Оля порывают с ним и выходят на светлую дорогу строителей коммунизма.

Над постановкой пьесы работали режиссер Н. Соколов и художник Н. Духновский. Зрители, особенно молодежь, с интересом следят за судьбой героев.

— Собираемся в числе других показать и этот спектакль москвичам, — говорит директор театра В. Мягкий.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

1. Ясные очи

Сибирь.

По утрам от мороза стелется над мостовыми пар. Во дворах — колодцы с иззябшей водой. Зачерпнешь воду — в ней льдинки. Скрипят тротуары под шагом прохожих...

Снег, снег...

Невиданные для жителей юга, проезжают по мостовым дровни. Ресницы у лошадей белые: это от жаркого лошадиного дыхания.

Скрип, скрип...

И не дружат между собой соседи, как на южных дворах. Не размахивают у колодцев руками. Никому как будто ни до кого нет дела.

Как жить старикам?!.

К их новому дому ведет крутая, высокая лестница, словно ненастоящая: не каменная, не глинобитная, а деревянная. Хозяйка дома тоже будто ненастоящая. Она косится в сторону стариков и никогда и ни о чем не спрашивает их. Говорит: «Понаехали!» (Как будто люди от радости снялись со своих мест.)

И, право, можно подумать, что сыны у этой женщины не на фронте, как у других людей, что ее материнское сердце не обмирает от страха и жалости, что не она рожала своих сынов, не она их нянчила, стирала на них распашонки и рубашонки.

Или, может, дети ее заколдованные — их не настигнуть фашистской пуле?.. Или, может, сердце у нее заговоренное?..

«Пона-а-еха-али!..»

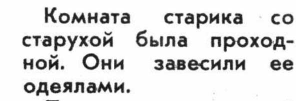
Эх-эх-эх!.. Век живи — и век удивляйся.

Одетая в куцый ватник, старуха-эвакуированная выходила каждое утро на улицу, за ворота. Зябла. Хлопала потихоньку валенками.

Вот она, почтальонша. Идет все быстрей и быстрей.

— Нету, матушка... Пишут... Войдите в ихнее положение!.. Им некогда. Дело военное.

Старуха медленно возвращалась в дом.

Комната старика со старухой была проходной. Они завесили ее одеялами.

Потопав в прихожей валенками, чтобы стряхнуть с них снег, она медленно поднималась по лестнице.

Старик ни о чем ее не расспрашивал.

В дружном супружестве они прожили сорок лет. Он знал, каково у нее на сердце, по звуку шагов, по движению руки, которая откидывала одеяло.

Молча пили старики чай, и старуха все хлопотала: подсовывала своему старику кусок посытней... Как-никак, кормилец. Она привыкла смолоду уважать его.

Он был плотным, широким в плечах стариком, с короткой багровой шеей и большими, как будто расплющенными руками. Бурый цвет его щек и лба говорил о могучем здоровье...

Старик пил чай, ел хлеб и молчал.

...Когда-то, когда родилась их дочка (она была поздним ребенком, он уж было совсем отчаялся стать отцом), его мать сказала ему:

— Ничего, сынок... Зато ее не возьмут в солдаты. Не горюй, не убивайся. Может, оно ничего, что девка!

Так двадцать четыре года тому назад его утешала родная мать.

И до сих пор ему видится ее темное лицо, иссеченное глубокими бороздами морщин, ее черный чепец-очипок из плотного сатина и теплый блеск ее старых глаз.

Матушка!.. Рȯдная матушка!..

Ее не брали в солдаты. Ее не взяли в солдаты.

Сама пошла.

Напившись чаю, старик уходил на молочный завод, где работал грузчиком.

По дороге он останавливался у каждого репродуктора.

Человек разговорчивый, человек юга, он любил толпу и любил людей.

— Товарищ военный,— спрашивал он солдата, стоявшего у репродуктора,— как на ваше военное соображение? Скоро ли примерно можно рассчитывать?

И солдат, паренек, только что получивший военное обмундирование, сглотнув, оправлял на себе шинель (фронт в его лице сейчас отчитается перед тыловиками).

— По нашим соображениям, папаша, они закруглятся не то к апрелю, не то к июлю... Примерно так...

И, погладив бляху ремня, солдат умолкал, давая понять, что есть на фронте нечто, чего не выскажешь. Тайна. Военная тайна. Ясно?..

Паренек говорил, и все его слушали, затаив дыхание.

В своей части он был всего лишь солдатом. Здесь — сыночком. Защитником. Армией. Сталинградом.

Дети! Уж как-нибудь расстарайтесь. Не подкачайте.

Соседями старика со старухой были шофер грузовой машины, его жена и двухлетняя девочка — дочь шофера.

Старуха охотно нянчила девочку, пела ей песни, расчесывала ее мягкие волосики.

Не похожи волосы Ниночки на волосы ее дочки. У дочери волосы были в тугих колечках, жесткие, как проволока. Дочь упрямилась, вырывалась из материнских рук, приседала на корточки.

А соседская Ниночка не ребенок — ангел! Волосики тонкие, глаза — голубей васильков.

Безмятежно заглядывали глаза ребенка в глаза суровые, черные, метавшие молнии изпод густых бровей, из-под складки на переносице.

— Бабинька, а зачем у тебя растет борода?

И старуха вся сотрясалась от беззвучного смеха.

— От старости, детка... Очи твои! Твои ясные очи!

Возвратившись с работы и похлебав горячего супу, шофер принимался играть на гармонике. Его молодая жена танцевала с Ниночкой на руках.

Старики откидывали байковое одеяло и глядели, не отрываясь, на молодую жену и ребенка.

Спать ложились рано, и дом затихал. Не скрипела лестница. Не скреблись мыши. В незанавешенное окно глядели с дальнего неба звезды. Из окон завода плыл во тьму непривычный, яркий свет электричества.

— Ты спишь? — говорил старик.

Молчание.

Он знал, что она не спит. Он слышал это по едва уловимому содроганию топчана.

— Эх-эх-эх! — говорил он горько.— До чего же ты себя доведешь, жена?!.

А утром, одевшись, она выходила на улицу.

И ждала. И опять скрипит потихоньку снег под ногами девушки-почтальона. И опять:

— Нету, матушка. Пишут... Их дело военное...

На дворе лютовал февраль. От мороза тре-

щали деревья. И жизнь словно замерла в городке. И словно медленнее стал шаг лошаденки по мостовым.

В глубоком молчании, озябнув, стояли люди около булочной. И уж больше не улыбалась девушка-почтальон, завидев издалека старуху. Опускала голову и шла дальше.

А старуха ждала. Ждала, как всегда, одетая в свою куцую стеганку. Прямая и неподвижная, как соляной столб.

И вот однажды девушка ей закричала издалека:

— Ма-а-атушка!.. Вам письмо-о-о!

Старая женщина не побежала навстречу ей... Медленно протянулась рука к письму...

На конверте был не дочерин почерк... Печатные буквы.

— Что?! — сказал старик, откинув байковое одеяло и выхватывая у жены письмо.

И вдруг отчаянный женский крик огласил комнату. Так плачут только женщины юга.

— Не открывай!..— рыдала старуха.— Я боюсь!.. Мне страшно. Мне страшно...

На ее крик прибежала соседка, Ниночкина мама. Всхлипывая, открыла письмо.

Из конверта выпал листок. Почерк дочери. Короткая, густо исписанная страница... Вслед за нею — вырезка из газеты.

...«Сержант... (имя, отчество и фамилия). Медаль «За отвагу».

— Успокойтесь. Опамятуйтесь. Милая, посмотрите: жива!

— Жива-а-а...

Долго, долго, будто пришибленная, глядела мать на дорогой листок, исписанный торопливой рукою дочери.

Отец взял вырезку из газеты, вышел на улицу и пошел на завод.

Под его ногами пела земля. Он шел оглушенный, не в силах сдержать своей радости. «Жива!.. Медаль «За отвагу»...»

Придя на завод, он пошел к директору и показал ему вырезку из газеты.

Старика целовали, хлопали по плечам, его обступили женщины.

Молча, ревниво тянулся старик к захваченной чужими руками газетной вырезке.

В четыре часа он пошел с завода домой.

Были ранние сумерки.

Спрятав газетную вырезку во внутренний карман пиджака, он шел тихо-тихо, не торопился. И все ему чего-то недоставало, и все он будто силился что-то понять. А не понимал.

Вот остановка трамвая. На остановке стоит военный. Старик, подумав, подходит к военному.

— Товарищ военный, вы с фронта. Вы об этом больше понятия имеете... Объясните, пожалуйста... Вот... Моя дочь... Медаль «За отвагу». А за что, примерно, дают такие медали?

С глубокой серьезностью взял пожилой капитан-грузин обрывок газеты из рук старика. Прочел и сказал:

— Такие медали дают за отвагу, отец.

— Спасибо,— ответил старик и пошел дальше своей дорогой.

По улице проходил молодой солдат. Старик подошел к солдату.

— Товарищ военный... Вы больше понятия имеете... За что, примерно, дают такие медали?

— Война, папаша,— вздохнув, ответил солдат.— За военное дело...

Старик шел медленно, что-то прикидывая, соображая и силясь понять.

Заскрипел снег. Из-за угла вышла девушка. Военная девушка. Медсестра.

— Извиняюсь,— сказал, просияв, старик.— Вы хоть и девушка, а военная... Вот. Получил в письме...

— Медаль «За отвагу»?! — тихо сказала девушка...— Это значит, папаша, что ваша дочь... что она герой!

И брызнули долгожданные слезы из глаз старика. И он понял то, что давненько хотел понять, а не понимал. И предстала она в первый раз перед ним, его дитя, его дочка, не девочкой в светлом платье, не девушкой с красиво причесанной головой. Она словно бы вышла из радиорепродуктора под голос диктора Левитана:

«...расположение противника... наши части... слава сынам...»

Он увидел ее далеко за пределами этого города, там, где проволочные заграждения, окопы и комья летящей к небу земли, защитником этой земли, военной среди других военных.

Долго-долго глядел старик вслед уходящей девушке. Она давно уже скрылась за поворотом дороги, а он все стоял и глядел ей вслед.

— ...Очи твои! Твои ясные очи! — бессмысленно бормотал старик (он не знал других, более ласковых слов. Это были слова жены).

От его дыхания валил в морозный воздух горячий пар.

— Светлые твои очи! Ясные твои очи,— повторял старик, как будто благословляя.

Кого?

Мороз, безлюдную улицу и голубоглазую девушку-медсестру, которая сказала про его дочь: «Герой».

2. Спасибо

Мы шли, мы влачились по белой равнине. Глубоко в снег проваливались сапоги, зачерпывая воду. Над головами нашими было солнце. Оно бежало навстречу нам множеством обжигающих глаза маленьких круглых солнц.

Мы шли вперед в измызганных, мокрых белых халатах поверх военных форм (на войне такие халаты называются масхалатами).

Мы шли. Перед нами лежала равнина.

Перед нами лежал хребет Тун-Тури — длинная рыжая каменная гряда. На одной стороне Тун-Тури были наши землянки. На другой — противник (а у противника, надо признаться, хорошие снайперы). Их пули преследовали нас, ударялись о камни и падали в снег.

О смерти мы не думали никогда. Нам хотелось есть, обогреться, разуться. Сильно хотелось чаю... Бывает на свете чай и огонек в печурке!.. И отдых на койке. Бывает, бывает...

— Не отставайте,— сильно окая, говорил мне наш маленький капитан, начальник группы, человек двадцати трех лет, уроженец Пинеги.

Мы шли.

А давно ли?.. Этого мы не знали.

— Не отставайте, не отставайте, не отставайте!..

Впереди не видно ни птицы, ни дерева, и только бьются о камни пули коротко и назойливо да вспыхивают под солнцем крошечные озерца, где водится жирная рыба форель, ничего не знавшая о рыбаках, о сетях и спиннингах.

Я размахивала руками: мне казалось, что тогда я пойду быстрее.

— Что вы там делаете, вы пляшете? — оглядываясь, спрашивал капитан.

И они останавливались.

— От наказание на наши головы! — вздыхал старшина-радист.

Мы шли.

...А может, уже наступил вечер?.. Перед нами все та же равнина, все те же камни, все те же гладкие маленькие озера.

— Не отставайте, не отставайте, не отставайте! Да какая же вы военная? Не военная, а квашня!

...Когда люди в тылу вспоминают о фронте и слушают сводки по радио, им представляются взрывы, траншеи, окопы...

Мои мать и отец, жена капитана или невеста нашего молодца-радиста не могут вообразить эту тундру, такую маленькую на карте и такую большую для нас.

Снег, снег, снег... Через пористые снега не проехать машине, не проскакать коню. Одолеть их под силу только военному человеку.

— Земля-а-анка! — сказал радист.

— Васильев, бросьте дурить,— очень строго сказал начальник.

Она мелькнула на белой равнине, будто оазис в желтых песках. Мелькнула. Пропала.

Мы продолжали шагать, не ускоряя и не замедляя шага.

Молчали.

Не надо думать ни о каких землянках!

Мы шли. Я размахивала руками.

— Не отставайте! — кричал наш маленький капитан, притворяясь перед самим собой, что не верит он ни в какое тепло, ни в какие чаи, землянки...

Исчезла!

А над головами все то же солнце. А впереди все те же темные камни и светлые озерца... Тундра, тундра...

...Трое военных в большой войне, на Большой земле. Трое спутников меж снегов. Три жизни среди множества жизней.

На белом свете не только гибли, но и рождались люди. Они рождались в эту минуту и в этот час за пределами тундры, там, где живая земля, где деревья и птицы. Они рождались в Москве, в Ленинграде, в Киеве, в Ереване, в Казани, в Пинеге — несмотря на войны и тундры.

А наша жизнь стала тундрой.

— Землянка!

...Вот она!.. Стоит в котловане, защищающем ее от ветров.

Впереди горы: хребет Тун-Тури.

К землянке ведет настоящая, вытоптанная людьми дорога.

— Не отставайте! — захлебываясь, говорит наш маленький капитан (он, возглавлявший шествие, устал, быть может, сильнее нас).

Стук в дверь (военная вежливость). Двери распахиваются. На пороге — солдат-вестовой.

— Товарищ майор, товарищ майор! — обрадовавшись, кричит вестовой.— К нам гости!

И мы в сенях.

Но, видно, даже землянке не уберечься от солнца и снега... Под ногами нашими широкая и глубокая лужа.

Со свету я, как и следовало ожидать, не приметив досточки, проваливаюсь в это грязное озерцо.

Мы все трое оглушены теплом.

Вот печка... Вот чайник... Из его носика валит пар.

Заглядевшись на чайник, я жмусь к стене.

— Нет, удивительно все же,— вдруг говорит наш маленький капитан,— как это вы ухитрились, матушка, нанести в жилье столько грязи?.. Простите, товарищ майор. Они у меня совсем одичали... Медведи!.. Медведи!..

Ужаснувшись, я глянула себе под ноги.

Ничего не скажешь, он прав: мои сапоги, как будто опомнившись и ополоумев от того, что им больше не надо шагать, расплакались на свой лад.

Они плакали мутной водой.

Сев на пол, я принялась побыстрее стаскивать сапоги. Но, как известно, у военного человека под сапогами бывают портянки.

Куда ж их теперь девать?

Ах, да!.. Просушить, вот что...

И я стыдливо развесила их на веревке, над чайником.

— Ох-ох-ох! — ужаснувшись, сказал капитан.— А еще, извините за выражение, зовется девушкой!

Радист закашлял. Вестовой стыдливо отвел от меня глаза.

И только майор, хозяин землянки, будто вовсе не слышал нашего маленького начальника...

— Саша, давай собирай на стол,— потирая руки, командовал он.— Действуй!.. Сахару. Хлеба. Шпигу.

— И тушенку, товарищ майор?..

— А как же! Ясное дело: все собирай. Есть тушенка — давай тушенку.

Стол был накрыт газетой (всамделишной старой газетой).

В слюдяное окошко гляделась тундра. Но кто же думал о ней?!.

Мы пили чай.

Добро и робко косились в сторону моих иззябших, опухших рук глаза майора.

Он был почти совершенно лыс. В его бровях поблескивали сединки.

Из-под измятых, усталых век глядели глаза, желтоватые и тоже усталые.

— Саша,— вдруг сказал майор вестовому,— давай приготовь-ка для гостьи яичницу!.. Слыханное ли дело — девушка!.. В нашей землянке — девушка!.. Гостья!.. Чествуй. Изжарь яичницу.

Бодрясь, расхохотался наш маленький капитан, решив, что майор острит. Его смеху вторил радист. (И на самом деле, откуда в тундре, где не бывает птицы, взяться яичнице?)

— Сию минуту! — весело подхватил вестовой.— Раз такое прекрасное чудо, как девушка, будет яичница!

В красный свет коптилки выплыли две руки... На широких ладонях лежало четыре пестрых больших яйца.

...Далеко, на склонах крутых и отвесных гор, вьет свои гнезда птица гагара. Взобравшись на эти склоны, добыл яйца птицы гагары молодой и ловкий солдат-альпинист.

— А как звать-то вас?.. Для памяти... Для примеру? — спросил вестовой.

И я назвала свое имя. Не имя и отчество, а от неожиданности то короткое имя, которым меня называли отец и мать.

Оно, мое детское имя, лежало там, за пределами тундры, за пределами войны, где птицы вьют свои гнезда не только на скалах. Они вьют их, помнится, на деревьях...

Широко и добро улыбнулся этому неожиданно сорвавшемуся у меня короткому имени пожилой хозяин землянки. И вдруг сказал:

— Получил, понимаете, письмо... Жена, понимаете ли, сообщает, что у меня родилась дочь.

— С вас пол-литра! — сказал радист.

— Сердечно вас поздравляем,— окая, подхватил наш маленький капитан.

А майор улыбался. Поблескивал из-под измятых век его сияющий, теплый взгляд.

— Жаль, не успел наречь ее вашим именем! Больно имя хорошее!..

Вестовой поставил передо мной яичницу.

От нее шел пар.

— Ешь давай!.. Нажимай на яичницу, дочка,— переходя на «ты» и обнимая меня за плечи, сказал майор.

Поутру мы собрались в дорогу. Опередив меня, хозяин землянки снял с вешалки мою старенькую шинель.

С тех пор, как я стала военной, никто, разумеется, мне шинели не подавал. Шинель не пальто, не доха, а форма одежды.

Он держал передо мной эту «форму одежды», как держал бы нарядную шубку, учтиво склонив лысую голову.

Я боялась глянуть в сторону нашего маленького капитана. Но за моими плечами стоял майор... И вежливо, бережно подавал мне шинель... Ничего не поделаешь — служба!.. Военная служба. Зажмурившись, я вплыла в ее рукава.

Красными, обожженными от мороза пальцами я принялась неловко застегивать пуговицы, затянула ремень... И тут хозяин землянки, коротко поклонившись мне, щелкнул вдруг каблуками.

Радист у двери не то фыркнул, не то закашлял.

— Ни пуха вам, ни пера,— не расслышав веселого кашля нашего удальца-радиста, сказал майор.— Хорошие, храбрые вы ребята... Браво!..

И, обдавая маленького капитана сияющей, теплой улыбкой, помахал нам рукой.

За плечами нашими был хребет Тун-Тури. Впереди — равнина и камни.

Мы возвращались на базу.

Мы шли, влачились по белой равнине. Глубоко в снег проваливались сапоги, зачерпывая воду.

И я отставала...

— Давай подождем-ка ее, Васильев,— смущаясь и окая, говорил наш маленький капитан.— Видишь, кажется, что человек отстал! Значит, надо руку подать. Ох-ох-ох!.. Медведи, медведи...

— Есть переправить товарища лейтенанта через препятствие! — весело отвечал радист и, подхватив меня под мышки, перекидывал через овражек или ручей.

Ударялись о камни пули и отскакивали, окруженные красным сиянием. Над головами нашими было солнце... Впереди — овраги, речки и светлые озерца.

Мы шли, мы шли... Трое товарищей на огромной земле; трое военных; три жизни среди множества жизней.

Позади остался хребет Тун-Тури.

Позади война.

В лесном краю

Фото Я. РЮМКИНА.

От штормовой Ладоги до заснеженных тундр Заполярья простираются дремучие леса Карелии, воспетые еще в рунах «Калевалы». Шумят под студеным ветром вековые сосны, ели. Грохочут в чаще водопады, низвергаясь по скалам.

«Краем непуганых птиц» называли когда-то эти места.

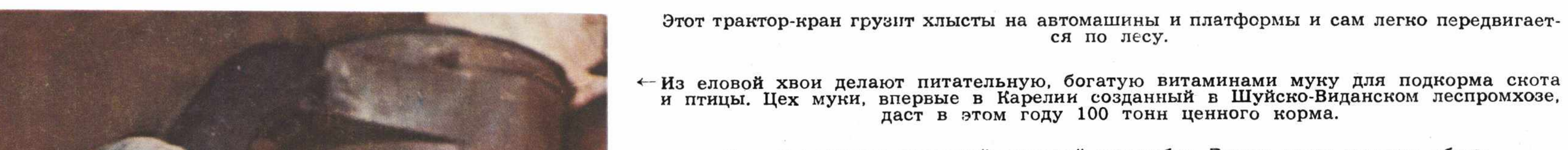
Краем современной индустрии стала Советская Карелия с ее механизированными лесосеками, бумажными комбинатами, гидростанциями на белом угле.

Шуйско-Виданский леспромхоз славится далеко за пределами республики. Программа прошлого года выполнена здесь досрочно. Первыми в Карельской АССР шуйско-виданские лесорубы начали социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана и во втором году семилетки. Во все уголки страны, на многие стройки идут отсюда эшелоны с первосортной древесиной.

→ Бригадир И. Апанович валит лес. Его комплексной бригаде присвоено почетное звание коллектива коммунистического труда.

Член бригады коммунистического труда тракторист М. Пюльзю работает на трелевке.

Этот трактор-кран грузит хлысты на автомашины и платформы и сам легко передвигается по лесу.

← Из еловой хвои делают питательную, богатую витаминами муку для подкорма скота и птицы. Цех муки, впервые в Карелии созданный в Шуйско-Виданском леспромхозе, даст в этом году 100 тонн ценного корма.

Вкусно кормят в походной столовой лесорубов. Всегда здесь горячие обеды.

ВСЕГДА ГОВОРИТ СЕРДЦЕ

Письмо из Вьетнама

Изабелла БЛЮМ

Член Президиума Всемирного Совета Мира

Вот уже несколько часов, как дорога не причиняет нам больших беспокойств. Нужно только расслабить мускулы и позволить телу свободно наклоняться влево и вправо, вперед и назад соответственно причудливым поворотам тропинок и очертаниям холмов.

Наш джип шел хорошо. Природа Вьетнама дарила нам свои красоты. Мы переехали на пароме через Черную реку, протекающую меж гор, покрытых пышной растительностью. Джунгли, поднимаясь по скалам до самых вершин, кажутся нескончаемыми, вечными. Вся природа здесь полна глубокого, нерушимого веками покоя.

Но вот перед нами государственный магазин, расположенный на берегу реки. Поток покупателей. Люди приходят сюда купить соли, риса. Во время войны французы не допускали поставки соли для населения. И в глазах людей, рассказывающих об этом, еще и сейчас можно прочесть гневную обиду.

А вот и рынок. Пестрая толпа. Здесь шьют одежду, подковывают лошадей, едят. Мои спутники рассказали мне о существующих в стране национальных меньшинствах, о народностях таи, мео, об их обычаях, костюмах с серебряными украшениями, об изящных кофточках женщин таи, украшенных длинной серебряной застежкой, о тяжелых, в несколько рядов монистах, которые носят женщины мео. Все женщины удивительно грациозны, осанка у них горделивая.

Наша машина останавливается у дорожного ларька. Это укрепленный на столбе ящик, похожий на голубятню. Крестьяне приходят сюда из лесов, кладут в этот ящик фрукты и овощи с указанием цены. Проходящие люди берут продукты, оставляя за них деньги. Так снабжается пищей по пути из джунглей шофер тяжелого грузовика, носильщик, идущий на рынок, пришедшая издалека женщина, у которой на огороде не выросли папайя и капуста.

Сотни километров дорога вьется вдоль холмов, оврагов. Глубокие обрывы, по краям которых мы пробираемся с опаской. Из глубины обрывов доносится «эхо» цикад.

Но когда же наконец будет ферма, которую мне обещали показать, как свидетельство того, что во Вьетнаме хотят мира, а не мифической «агрессии» против Лаоса?

Равнина постепенно расширяется, и вот, словно чудом, дорога становится ровной. По обеим сторонам сплошь тянутся возделанные поля. Джунгли здесь отступили. Некоторые поля уже подготовлены к новому севу, другие ждут жатвы. Вдруг справа возникают каменные постройки, а до сих пор нам попадались лишь хижины из бамбука. Здесь же кирпичные дома, крытые черепицей, и все это воздвигнуто местными силами.

Из домов выходят молодые солдаты, в руках у них книжки: они идут с занятий. Изучают они военное дело, а одновременно — сельское хозяйство, литературу, историю, технику. Веселая и привлекательная группа. Но тут начинается обещанное. Земля, засаженная разными культурами, постройки наполовину из камня, наполовину из бамбука, бамбуковые хижины, расположенные отдельно или группами. Все это содержится в образцовом порядке.

Что же открыла я здесь, в затерявшейся в джунглях деревне? Многое. И я никогда не забуду этого.

В этой стране сначала всегда говорит сердце. Нас встречают цветами, женщины обнимают гостей, надевают им на голову шляпы от солнца; детские ручонки хватают наши руки, а строгое лицо капитана так и светится улыбкой.

Солнце палит. Надо укрыться от него, и вот мы в большой столовой. Зал наполняется мгновенно, люди сидят тесными рядами. Я первая приехавшая на ферму из Европы, и каждому хочется меня послушать. Но, собственно говоря, я не собираюсь пересказывать здесь свой доклад. Я расскажу о тех, кто его слушал.

Однажды в 1957 году... Но почему у меня вырвалось это слово «однажды»? Да потому, что в истории социалистических стран есть столько сказочно прекрасного, что так и хочется начать в стиле сказок — «однажды».

Так вот, однажды во Вьетнаме было решено демобилизовать большую группу военнослужащих. Демобилизация для бойца Народной армии — это начало нового в жизни, участие в строительстве родины, которую ты защищал с оружием в руках. И вот капитан, бывший крестьянин, пришел сюда вместе с двумястами других бойцов. Перед ними были джунгли, там царствовали пантеры и змеи. Некоторые из пришельцев стали их жертвами в первые дни.

Но люди не испугались. Они стали рубить и вырубили лес, посадили рис, кукурузу, сладкий картофель, сахарный тростник. Новые бойцы из молодежи пришли к старым, а за ними — семьи, снова молодежь. Теперь на ферме 2 тысячи человек.

Освоена тысяча гектаров новых земель, построены дома, помещения для скота. Ведутся посадки опытных культур. На ферме стали выделывать сыр, выращивать тыкву. Бобы какао экспортируются. Люди воодушевлены еще более широкими планами.

Сотни глаз следят за выражением наших лиц. Что думаем мы? Поймем ли мы все суровое величие задачи, которую они поставили перед собой? Впрочем, все это нам надо показать. Дюжина рук тянется к нам, чтобы проводить нас по дороге, построенной девушками. Они создали эту дорогу в память о погибших в Южном Вьетнаме.

Дорогу окаймляют поля, засаженные опытными культурами. Есть земли, где выращивают яблони, присланные из Китая. Коровы и прочий скот на ферме хорошо ухожены. Молодые бойцы ждут нас под навесом, где рядами стоят новенькие, сверкающие тракторы.

Нас тянут в разные стороны. Каждый хочет показать, что он делает на порученном ему участке, как выращивает капусту, картофель.

Но вот все осмотрено. Однако дело на этом не кончается. Вам рассказывали, вы посмотрели, ну, а что же вы сами думаете обо всем этом?

И снова на вас устремляются сотни глаз. Надо выступить. Нет, совсем не трудно сказать им, что ты думаешь об увиденном. Они молоды, правительство, республика дает им образование, воспитывает их, приучает к полезному труду. Благодаря им и тысячам других воинов освободительной армии в стране теперь никто больше не голодает. Наоборот, излишки риса даже экспортируются. В то же время эти люди знакомятся с жизнью, твердо усваивают ту истину, что благородным является только полезный, производительный труд. Достаточно посмотреть на лица этих женщин и мужчин, молодых и старых, чтобы увидеть, что здесь они не только нашли работу и хлеб, но и смысл всей своей жизни. Мысленно я переношусь на мгновение к нашей бельгийской молодежи, которую безрадостный труд или военная служба часто толкает на путь преступлений.

Но мои друзья хотят еще знать, как обстоят дела у нас, сторонников мира, как боремся мы за мир. И я рассказываю им о борьбе против атомного и водородного оружия, о предстоящем совещании на высшем уровне. Я обещаю им рассказать всем, кто захочет послушать меня в Европе, что Вьетнам вовсе не собирается «вторгаться» в Лаос и что, если хотят мира, надо ликвидировать военные базы в Южном Вьетнаме, а заодно и тюрьмы и концентрационные лагери, надо воссоединить обе части расчлененной страны, а главное, неустанно продолжать борьбу за мир.

Мы ничего не сказали друг другу на прощание, просто обменялись рукопожатиями. Но и я, как и сами они, знаю: эти люди не остановятся до тех пор, пока джунгли не будут полностью побеждены в этих местах.

С той поры я не расстаюсь с тыквенным флакончиком: в нем духи, созданные руками молодежи, которая строит свою страну.

До свидания, капитан! Мы еще встретимся, когда ферма ваша превратится в большое селение, когда труд ваш станет еще более передовым и производительным.

* * *

То, что я рассказала о ферме Мок Шан, можно сказать и о Нан Шане. Такая же дорога вначале, как и в Мок Шан, там тоже есть солдаты и целые семьи, пришедшие с Дельты. За ними потянулась молодежь из города. Юноши и девушки выглядят здоровыми, крепкими, они самозабвенно работают на земле.

Ферма Нан Шан состоит из трех центров. Нас принимали в Хат Лоте, откуда мы и отправились в джунгли. Условия здесь другие. Ферма раскинулась на большом пространстве, так что пришлось разделять население на группы.

После целого дня изнурительной борьбы с плохими дорогами, опасными обрывами, проливными дождями мы очутились за столом, вокруг которого собралась как бы большая семья. Это обитатели фермы. Пришли и гости из деревни Мео-ки.

Здесь нет никаких сословных различий. Вчерашний полковник сидит рядом с монтером, повар — с капитаном, директор яслей — с девушкой, занимающейся стиркой белья. Это армия, где единственным знаком отличия является доблесть в труде.

Еще до обеда все жители деревни собрались здесь. Они принесли посланцам мира свои скромные подарки. Это плоды их труда: огромные стебли сахарного тростника, картофель внушительных размеров, дыни весом в 10—12 килограммов, искусно сплетенные шляпы и два белых голубка в корзинке, которые потом принесли столько радости пионерам Ханоя.

Здесь не только проводят чудесные опыты и внедряют их в жизнь, но, как и в Мок Шане, знакомят со своими достижениями крестьян окрестных деревень. Те тоже принесли картофель и рис, чтобы показать плоды своего труда.

На следующий день мы посетили детские ясли, столярную мастерскую, ателье мод и общественную кухню, где готовят вкусную пищу для людей, которые вчера еще голодали.

Утром мы посадили первое миндальное деревце в саду перед зданием клуба. Я поклялась, что никогда не забуду этих людей, их самоотверженного труда, их теплой дружбы, чудесных ребятишек, не забуду и их родину, которая теперь снискала уважение всех миролюбивых и передовых людей на земле.

ВОКРУГ НАС

Рисунки эстонской художницы

Муж на работе, сынишка с приятелем убежал на улицу, дочка ушла на занятия хореографического кружка. В маленькой мастерской художницы тишина. В такие часы и создаются рисунки Симы Шкоп. Их любят в Эстонии.

Вот плакат: пронизанная солнцем россыпь зерна и над ней — красивые, сильные, смуглые от загара рабочие руки. Еще плакат: молодая девушка в легком светлом платье протянула руку, она зовет: «Иди с нами!» Этот плакат посвящен эстонской молодежи. Дружественная девичья рука зовет сверстников, еще живущих во власти предрассудков, еще соблюдающих унылый обычай конфирмации и проводящих в церкви долгие часы в дни совершеннолетия...

Нет, пожалуй, в республике события, на которое не откликнулась бы художница Сима Шкоп своими плакатами, рисунками. Она увлекается иллюстрацией детских сказок. Каждая новая книжка с рисунками Симы Шкоп — новая радость ребятишкам. Веселые гномы, красивые и добрые золушки, смекалистые простаки, важные коты в сапогах, мудрые могучие джины помогают детям делать первые шаги в мир настоящего искусства.

Н. ХРАБРОВА

Сима Шкоп за работой.

Фото С. Розенфельда.

Тропики в зимней Москве

Орхидея кеттлея в оранжерее Главного ботанического сада.

Фото Ф. Тимофеева.

В сизой дымке метели стынет останкинская дубрава. На опушке, вблизи асфальтированной ленты шоссе, напротив большой столичной гостиницы раскинулись корпуса оранжереи Главного ботанического сада Академии наук СССР. Белым-бело вокруг оранжереи, и потому особенно радостно видеть за ее стеклянными рамами зелень листвы и яркие цветы.

Около шестнадцати тысяч растений тропической и субтропической флоры выращивается здесь. Под стеклом, расписанным морозным узором, распускаются пышные бутоны бело-розовой азалеи; наша зима — пора их цветения.

Цветут орхидеи. Царица орхидей кеттлея источает легкий аромат, похожий на запах свежего сена и ванили. Красуются яркие камелии. Даже филлокактус, этот колючий житель жарких стран, цветет пунцовыми шарами.

Здесь живут рядом гигантские лианы — монстры из Мексики, огромные папоротники — альзофилы с Тасмании, изящные араукарии из Аргентины, стройные пальмы из Африки. Тут же самая длинная трава: высокие, метров пяти-шести, бананы со связками созревающих плодов.

Полгектара заняли оранжереи Главного ботанического сада. В ближайшие годы площадь их увеличится в дватри раза, и тогда будет возможность расселить растения попросторней.

На одном из стеллажей, среди изумрудной зелени мхов, лежит большая, добела отмытая океаном раковина. Делегация острова Цейлона привезла в этой раковине на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов маленькое деревце — священную в той стране смоковницу. Ее посадили в оранжерее, и сейчас она растет неподалеку от австралийской ляпортеи, украшенной розовыми плодами.

Голубые цветы сантпаулии, оранжево-красные — афеляндры, белые — японской камелии — великолепные цветы распустились сейчас под стеклянными крышами вдоль песчаных дорожек оранжереи.

М. МАКАРОВ

В. А. Крайко.

Фото А. Мызникова.

ЗВУЧИТ ЛИРА

Лира... Многим кажется, что этот инструмент, вдохновлявший в старину поэтов и певцов, давно уже умолк и теперь стал лишь эмблемой музыки. Но побывайте в Минске на концерте оркестра народных инструментов под управлением И. И. Жиновича — и вы убедитесь, что лира звучит и в наши дни. На ней исполняются и старинные народные мелодии, и творения классиков, и произведения советских композиторов.

Своей новой жизнью лира во многом обязана народному умельцу Владимиру Андреевичу Крайко. Еще в детстве, пастушком, в родной деревне Сухареве под Минском, он любил вырезать белорусские дудочки, играл на них. Затем стал мастерить скрипки и цимбалы. В 1938 году мастера-самородка пригласили на работу в Белорусскую государственную филармонию. И вот однажды народный артист республики И. И. Жинович попросил его восстановить старый, разбитый инструмент — белорусскую народную лиру. В отличие от древнегреческой щипковой лиры она была смычковой, имела несколько клавишей. Смычком служило деревянное колесико, которое с помощью рукоятки вращал музыкант.

Крайко не только отремонтировал лиру, но и серьезно ее усовершенствовал. Установив гриф и 25 клавишей, он довел диапазон инструмента до двух с половиной октав. Возрожденная лира приобрела прекрасный тембр. Вскоре мастер изготовил для оркестра еще три таких инструмента. К несчастью, все они погибли в период гитлеровской оккупации Минска. После Великой Отечественной войны Владимир Андреевич вновь взялся за любимое дело. С тех пор чудесные звуки белорусской лиры не умолкают.

Во время гастролей оркестра народных инструментов БССР по городам и селам Украины на лиры обратили внимание посетители концертов, участники художественной самодеятельности, композиторы братской республики. По просьбе украинских друзей В. А. Крайко изготовил и недавно отправил им три лиры.

В. БОРУШКО

Французские друзья семьи Корешковых

Супругов Корешковых — Виктора Александровича и Веру Ивановну — мы застали за разбором только что полученных сувениров.

— Вот эту модель Эйфелевой башни и миниатюрный макет советской космической ракеты прислал рабочий-строитель Детрэ из Коломба. А это акварели парижанина Жана Флери.

У Корешковых много друзей во Франции, а появились они совсем недавно...

В апреле прошлого года газета «Юманите» поместила маленькое сообщение: «Виктор Корешков, проживающий в Советском Союзе, в городе Свердловске, по улице Народной Воли, в доме № 66-а, хочет обмениваться почтовыми марками со своими французскими коллегами».

Через неделю почтальон принес по этому адресу четырнадцать писем, на следующий день — двадцать одно. Сейчас у Корешковых около полутора тысяч писем из многих городов Франции, более тридцати тысяч почтовых марок и около трех тысяч художественных открыток...

Живет на улице Деспре в Париже скромный сапожник Франсуа Сиварди. Во время войны, девятнадцати лет от роду, он очутился в гитлеровском концлагере и там впервые подружился с юношей из Советской страны.

«Многие тут дошли почти до полного отупения, до положения животных, но мой юный шестнадцатилетний друг Иван и в этом хаосе сохранил высокие человеческие качества, пламенную веру в идеалы своей страны»,— рассказывает Сиварди в своем письме.— Однажды мне удалось получить через Красный Крест продовольственную посылку. Я решил поделиться пищей со своим русским товарищем. И представьте себе, он решительно отказался, заявив, что мой организм слабее. Уже тогда у меня возникло чувство восхищения страной и обществом, которые смогли воспитать такие благородные качества у своей молодежи... Переписка с вами и ваша дружба для меня драгоценны...»

Вот письма от супругов Видаль — Франсуа и Ивоны — из небольшого горного городка Тарбе в Пиренеях. Франсуа — токарь по металлу, человек уже пожилой, он также испытал ужасы фашистского концлагеря и горячо интересуется жизнью Советского Союза. Ивона прислала Корешковым сочиненные ею стихи, которые в переводе звучат примерно так:

Привет, слава тебе, о
храбрый русский народ,
Который своим мужеством
помешал многим козням
врагов.
Я вам посылаю из Франции
весточку мира.
Для всех: Свобода,
Равенство, Братство!

«Ваше письмо обошло почти весь завод,— сообщает рабочий-металлист Валентин Гейи из Парижа.— Все читали его с большим интересом. Сейчас мы бастуем, так как жизнь стала очень трудной. Только за жилье приходится платить более трети заработка...»

Особенно обильна почта Корешковых в последние месяцы, когда народ Франции готовится гостеприимно встретить Никиту Сергеевича Хрущева.

Супруги Корешковы неплохо владеют французским языком и ежедневно отвечают своим новым друзьям.

— О чем мы пишем? О труде советских людей на благо мира, о нашей жизни...

Пятнадцать лет проработали Виктор Александрович и Вера Ивановна на Крайнем Севере. Теперь они пенсионеры.

— Государство хорошо обеспечило нашу старость: вдвоем получаем 2 200 рублей...

...Корешковы торопятся на почту. Уже приготовлены аккуратные небольшие посылочки с ответными сувенирами: уральские камни-самоцветы, книги и журналы, куклы-матрешки, расписанная палехскими мастерами изящная шкатулка... И, конечно, очередная партия писем, новые почтовые марки с изображением советского лунника и голубя мира.

А. ГРИГОРЬЕВ

Супруги Корешковы у себя дома.

Фото И. Тюфякова.

А. Ф. Синицын и В. К. Заулочный у боевого знамени
Фото Б. Лосина.

Судьба боевых знамен

Вечером в совхоз имени Фрунзе, на Херсонщине, позвонили с телеграфа:

— Комбайнера Заулочного срочно вызывают в Ленинград. Запишите телеграмму.

Василия Константиновича Заулочного приглашали на торжество по случаю передачи Артиллерийскому музею гвардейского полкового знамени.

...С тех пор минуло более шестнадцати лет. Многое стерлось в памяти. Но когда Заулочный, приехав в Ленинград, зашел в музей, почитал под стеклом витрины красноармейскую газету «Сын Отечества», посмотрел фотографии, он как бы вновь зашагал по леденящей соленой жиже Сиваша...

Произошло это осенью сорок третьего года. Наши войска, преследуя противника, подошли к северному сивашскому берегу. Надо было быстро разведать, есть ли враг на противоположной стороне. Командир вызвал добровольцев, их оказалось много. Выбор пал на трех гвардейцев 204-го артполка: старшего сержанта Дмитрия Михайлова, сержанта Степана Кудимова и рядового Николая Кормишина. Провести через Сиваш вызвался местный житель Василий Заулочный.

Смельчаки отправились в тяжелый и опасный путь. Заулочный отыскал брод, вошел в воду. Вслед за ним двинулись разведчики. Шли то по колено, то по пояс в воде. Леденящая соленая вода обжигала тело. Ноги вязли в густой, илистой грязи. Но разведчики прошли.

Выбрав место, где было не так круто, выскочили на берег. Выяснив, что неприятеля поблизости нет, собрали сухой бурьян и, как было условлено, подожгли его. Столб густого дыма потянулся вверх...

Вброд через Сиваш по трассе, намеченной храбрецами, устремились полки. На плотах, сколоченных из бревен, солдаты переправляли противотанковые орудия, минометы, на плечах несли пулеметы, боеприпасы... Когда враг опомнился и стал обстреливать и бомбить переправу, было уже поздно.

Так в Великую Отечественную войну был совершен подвиг, напоминивший подвиг воинов Красной Армии, под водительством Фрунзе штурмовавших Перекоп в 1920 году.

Имена четырех героев, проложивших путь через Сиваш, навсегда вписаны в историю 204-го гвардейского Мелитопольского гаубичного артиллерийского полка. В этот прославленный полк командование зачислило гвардии рядовым Василия Заулочного.

Боевые друзья прошли по дорогам войны тысячи километров. Они освобождали от врага Крым, Белоруссию, Литву... На литовской земле товарищи похоронили командира отделения разведки Дмитрия Михайлова.

Осенью сорок пятого года Василий Заулочный с четырьмя боевыми наградами вернулся на Херсонщину в свой совхоз. И снова сел за руль трактора.

В сорок седьмом демобилизовался Степан Кудимов. Работал на заводе в Комсомольске-на-Амуре и одновременно учился. Окончив техникум, стал мастером. Жив и Николай Кормишин, работает слесарем в волжском совхозе.

В ленинградском музее Заулочный встретился с бывшим командиром соединения, куда входил и 204-й гвардейский артиллерийский полк, гвардии полковником Александром Федоровичем Синицыным. Он когда-то вручал Заулочному боевую награду.

Увидев полковника, Василий Константинович вытянул руки по швам и хотел, как бывало, по-военному доложить...

Александр Федорович улыбнулся, протянул руку:

— Отставить! Я уже тоже гражданский... Работаю в музее.

Нет теперь и полка, в котором служили Заулочный, Кудимов, Кормишин. С каждым годом его «списочный состав» уменьшался, и наконец наступил такой момент, когда под гвардейским знаменем не осталось ни одного солдата, ни одного офицера: все разъехались по домам. Знамя, овеянное славой боевых походов, поступило в музей.

Боевые знамена! Сколько их экспонировано в Артиллерийском музее! В эти дни число их растет. Расформировываются, переходят к мирному труду целые части и соединения. Свою летопись они продолжат в экспозициях музея. С благоговением будут осматривать люди бессмертные символы воинской славы...

К. ЧЕРЕВКОВ

Т. ПЕТРОСЯН ИЛИ В. КОРЧНОЙ?

Сало ФЛОР
Специальный корреспондент «Огонька»

Чемпион СССР Тигран Петросян проводит свои партии в кристально чистом позиционном стиле. Виктор Корчной по складу шахматного характера — человек, который не избегает осложнений. Многие говорят, что в этом отношении он может заменить отсутствующего в турнире «балансирующего на канате» Михаила Таля. Пока что в турнире идет борьба за лидерство между двумя гроссмейстерами.

В десятом туре Петросян чисто переиграл и победил Э. Гуфельда. В результате сильных осложнений Корчной получил превосходство в партии с Л. Полугаевским, который потерпел первое поражение. Встречи Е. Геллера (Одесса) с М. Таймановым (Ленинград) всегда проходят увлекательно, по-боевому. На этот раз в отличном стиле победил одесский гроссмейстер.

Начиная с одиннадцатого тура чемпионат проходит в прекрасном зале Дворца культуры имени 1-й пятилетки. Около тысячи зрителей могут занять места в удобных креслах и одновременно следить за десятью партиями чемпионата.

Зрительный зал развлекал прежде всего Д. Бронштейн, который всегда был против шаблона, скуки, стандарта. Даже те зрители, которые пришли на тур только в 8 часов вечера (тур начинается в пять), не опоздали на дебютную стадию игры партии Корчной — Бронштейн. К этому времени некоторые встречи закончились вничью; Лутиков успел уже сдаться Полугаевскому, а в партии Корчной — Бронштейн было сделано всего 11 ходов. Бронштейн думал подолгу, и стало ясно, что жестокий цейтнот неминуем. Корчной потерял важную центральную пешку, и его позиция стала безнадежной. Но зрители, явно болевшие за Корчного, утешали себя: «Бронштейну не до пешек, он физически не успеет сделать 20 ходов за 4 минуты».

В этот острый момент Бронштейн с олимпийским спокойствием начал пить чай с лимоном (по-Ботвиннику), но чай, вероятно, был недостаточно крепкий, и Бронштейн допустил несколько ошибок и испортил начисто выигранную позицию. Аплодисменты Бронштейн все же заработал: за то, что он не просрочил время. Игра закончилась вничью.

Зрители уже приготовились аплодировать первой победе В. Смыслова, но аплодисменты достались... В. Багирову, который остроумно спасся вечным шахом. Самому Смыслову стало смешно, что у него в таблице появилась уже десятая ничья, и он не удержался от улыбки.

Петросян в равной позиции «подал заявку» на перемирие с Либерзоном. Молодой мастер ответил: «Хочется еще поиграть». Через несколько ходов уже Либерзон «запросил» ничью, но обиженный Петросян так же ответил: «Хочется еще поиграть». Поиграли — и дело кончилось тем, что Либерзон пожалел, что отклонил мирное предложение чемпиона страны.

Н. Крогиус в двенадцатом туре «зевнул» качество — и в турнирной таблице у него появился первый ноль, а у Смыслова, наконец-то, первая единица. В зале кто-то комментировал это событие фразой: «Смыслов начал финишировать».

Геллер победой над Неем приблизился к лидерам турнира Петросяну и Корчному, которые играли между собой. Лидеры решили не искушать судьбу и разошлись мирно рекордно быстро, на 13-м ходу. Привычка — вторая натура.

Б. Гургенидзе две недели «страдал» от «антиникотинного пакта». Но теперь он уже на сцене не курит и привык к новой обстановке. В итоге грузинский мастер одержал третью победу подряд, на этот раз над Либерзоном.

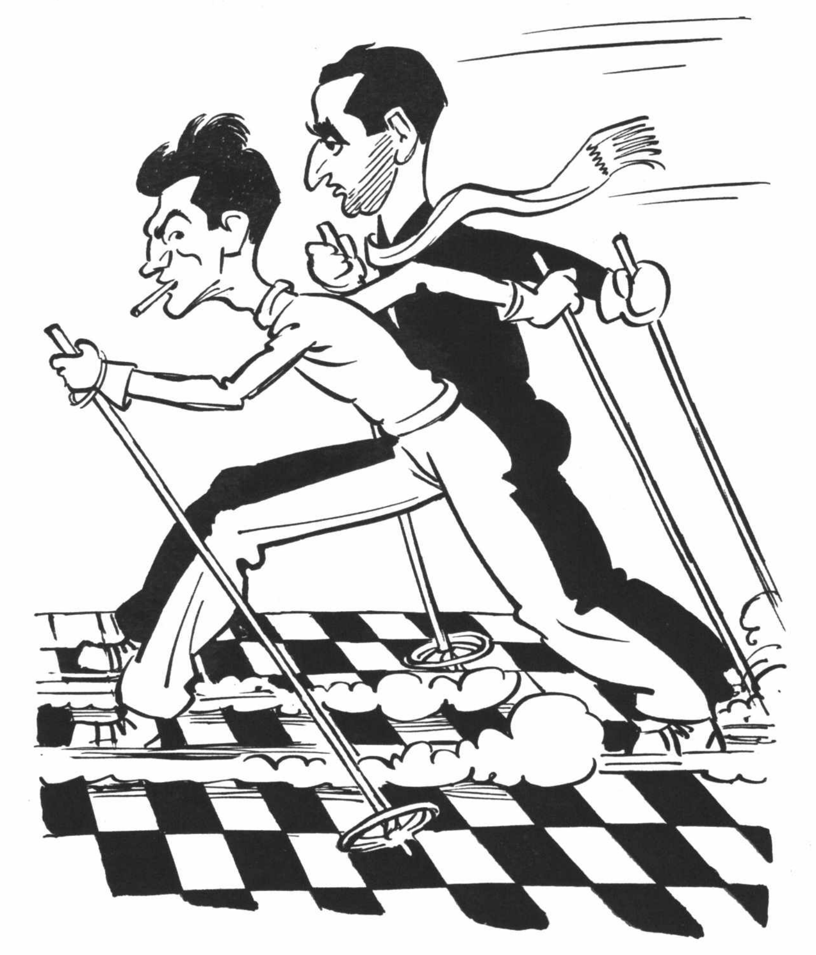
По мере приближения к финишу борьба обостряется. В тринадцатом туре с первых же ходов Бронштейн дал понять Петросяну, что настроен агрессивно. Но известно, что не так-то просто штурмовать «шахматную крепость» Петросяна. Железной логикой лидер чемпионата опроверг рискованную игру Бронштейна и к 24-му ходу закончил партию страшным разгромом. Но в следующем туре Петросян вынужден был признать себя побежденным в партии с Полугаевским.

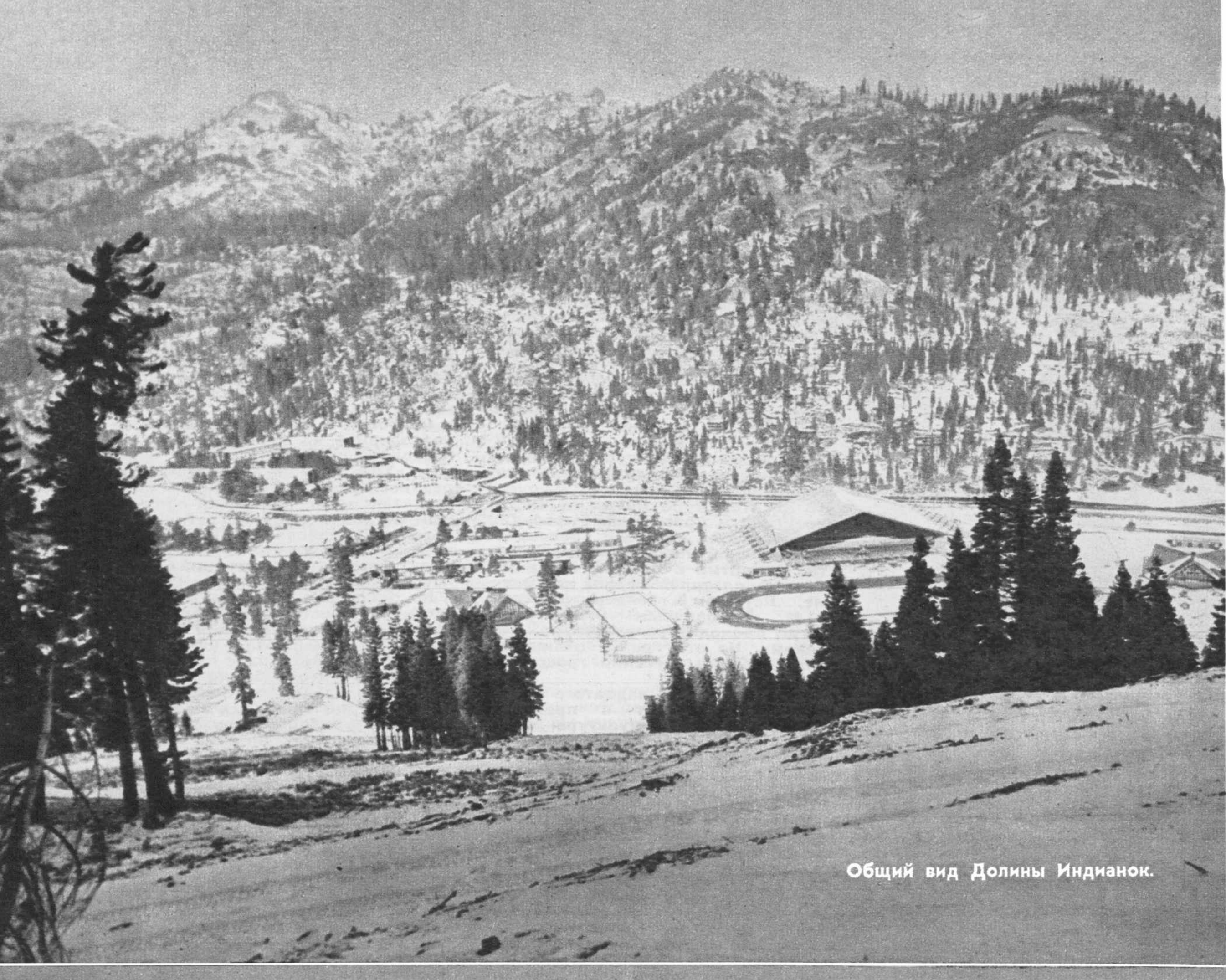
Корчной добился победы. На этот раз над Гургенидзе.

Как раз в момент, когда, казалось бы, Б. Спасский разыгрался, он огорчил своих поклонников, потерпев неожиданное поражение от Гуфельда.

Позади 14 туров. Впереди 5 заключительных туров и финиш. Т. Петросян и В. Корчной имеют по 10 очков.

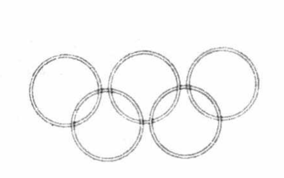
Рисунок Н. Лисогорского.

Общий вид Долины Индианок.

ВСПЫХНУЛ ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ

18 февраля в Калифорнии, в Скво Вэлли, в торжественной обстановке был зажжен олимпийский огонь и начались VIII зимние Олимпийские игры.

В них принимает участие команда Советского Союза. Ниже мы публикуем сообщение нашего специального корреспондента, который вылетел в Скво Вэлли вместе с группой спортсменов.

Здание ледяной арены, где происходят соревнования хоккеистов.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В ПУТИ

Последняя партия спортсменов поднялась на борт «ТУ-104» и покинула Москву. Вместе с ними отправились в далекий путь и журналисты. Пассажирам предстоял трехчасовой перелет до Брюсселя, а затем бросок через Атлантику и весь Северо-Американский континент в Калифорнию. Но как только наш самолет достиг девятикилометровой высоты и лег на курс, мы поняли, что старт Олимпийских игр уже взят вот тут, на взлетной полосе Внуковского аэродрома. И конькобежцы, побывавшие в Москве лишь транзитом, и прыгуны с трамплина, и фигуристы, и сопровождающие их тренеры мысленно находились уже в Скво Вэлли и даже чувствовали предстартное волнение.

— Лишь бы погода не подвела! — слышал я рядом чей-то взволнованный голос.— Лишь бы выложить все, что накоплено!

Рядом со мной Евгений Гришин. Прошлый сезон неудачно сложился для нашего лучшего спринтера. Впрочем, что же тут удивительного? В 28 лет уже трудно выступать на самой короткой дистанции, где за 40 секунд нужно суметь отдать все силы. Так решили многие и примирились с «закатом» замечательного конькобежца. Не примирился с этим только сам Гришин. С апреля 1959 года он стал готовиться к олимпийской зиме. Это было нелегко. Гришин оканчивает институт, но с присущим ему азартом он не пропускал ни одной тренировки, бегал кроссы и занимался со штангой.

— На катке в Алма-Ате,— рассказывает он,— я завершил скоростную подготовку. Несколько раз на тренировках секундомеры показывали время, превышающее мой мировой рекорд в беге на 500 метров. Вместе с тем я продолжал «шлифовать» и другую свою дистанцию — 1 500 метров. Разве мог я примириться с тем, что Ю. Ярвинен в прошлом сезоне отобрал у меня и у Ю. Михайлова мировой рекорд, который мы установили на Олимпиаде в Италии?

Наши соперники отлично подготовлены. И финны, и норвежцы, и шведы, и американские спринтеры с Диснеем во главе. Всем нам — Стенину, Грачу, Малышеву, Воронину, Шилкову и мне — предстоят трудные испытания...

— Лишь бы погода не подвела! — звучит рядом со мной знакомый рефрен. Гришин замолкает. Мысли его уже далеко за океаном.

Олег Гончаренко весь в будущем. Он говорит о встречах, которые ему предстоят в Скво Вэлли, на длинные дистанции.

Неудачи, которые потерпели в Давосе чемпион мира Ю. Ярвинен и чемпион Европы К. Юханнесен, Гончаренко считает случайными.

— Я думаю,— говорит он,— что 24 февраля мы убедимся в их отличной форме. В хорошей форме голландец Я. Песман.

С ними придется провести трудную борьбу нашим молодым скороходам В. Косичкину, Н. Штельбаумсу и В. Котову. Нельзя забывать также и о немце Г. Кунерте. Наш друг из ГДР имеет все шансы на успех.

Ну, а сам Гончаренко? Каковы его планы? Мы задаем ему этот традиционный вопрос, и он, улыбаясь, разводит руками:

— Буду бороться...

Но разве участие трехкратного чемпиона мира Олега Гончаренко второй раз в Олимпийских играх не является его победой?

ДЕБЮТАНТЫ

Незаметно проходит время. Наш самолет идет на посадку, и под нами открывается Брюссель. После небольшого отдыха и осмотра города мы двинулись дальше. Спортсменов мы встретили уже на американской земле.

Перед нами тренер биатлоновцев Петр Иванович Морозов. Он охотно откликается на нашу просьбу рассказать о новом виде спорта в олимпийской программе — современном зимнем двоеборье биатлоне — стрельбе во время лыжных гонок.

— Лыжестрелкам предстоит впервые испытать свои силы на белой Олимпиаде,— говорит Морозов.— Разрешите, я познакомлю вас с членами нашей команды. Ее возглавляет чемпион мира Владимир Меланин. Вместе с ним будут вести борьбу на трудной 20-километровой трассе его товарищи Валентин Пшеницын, Александр Привалов и кто-нибудь из двух: или Дмитрий Соколов, или Виктор Бутаков.

Борьба в Скво Вэлли предстоит очень тяжелая. Дистанция отличается большим перепадом высот, а при этом очень не просто «восстанавливаться», подходить к очередному огневому рубежу. Учитывая это, мы тренировались в стрельбе после изнурительных подъемов и достигли довольно высоких результатов. Особенно большое внимание мы уделяли стрельбе на четвертом рубеже, где огонь ведется из положения «стоя». Зачастую по нескольку раз приходится опускать винтовку, чтобы выбрать время между двумя порывами ветра, а ведь на этом рубеже бывает особенно много зрителей, и надо научиться не замечать их...

У НИХ ЦАРИТ УВЕРЕННОСТЬ

А вот еще один лыжный тренер. Зоя Болотова — «хозяйка» самой сильной в мире команды лыжниц. Любовь Баранова, Радья Ерошина, Алевтина Колчина с блеском выступали четыре года назад в Кортина д'Ампеццо и теперь готовы к выступлению в Скво Вэлли. Но вместе с ними там будут выступать еще две отличные гонщицы — Евдокия Мекшило и Мария Гусакова. Как и обычно, женщины примут участие сперва в гонке на 10 километров, а затем лыжницы снова выйдут на старт уже 26 февраля, чтобы бороться за золотые медали в эстафетном беге 3 по 5 километров.

— Кто же на сей раз славные соперницы наших лыжниц? — спрашиваем мы Зою Болотову.

— Все те же финские спортсменки,— говорит Болотова.— Но среди них встречаются новые имена: наша неизменная соперница Рантанен больше не стоит первым номером в своей команде; теперь лидером является ее подруга Хегг. Большие надежды возлагают финны и на другую молодую лыжницу — Т. Миккола-Пеюсти, но, несмотря на это, мы не собираемся скидывать со счетов Рантанен. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что «старый конь лыжни не портит».

А КАК ПРЫГУНЫ?

Они будут выступать последними в день закрытия Олимпийских игр — 28 февраля. С одним из них, Николаем Каменским, нам удалось побеседовать. Как известно, для Каменского лыжный сезон прошел особенно удачно. Он оказался победителем почти всех соревнований. Два его товарища — Коба Цакадзе и Николай Шамов — тоже отлично подготовились к борьбе с грозными соперниками — прыгунами Финляндии, Норвегии, Германии и Австрии. Советские спортсмены упорно искореняли свой главный недостаток — плохое приземление. Все лето они тренировались на новом пластмассовом трамплине в Ленинграде и многого добились. Так, например, Каменский за весь сезон имел всего два падения. Да и у других прыгунов их было не больше.

— Мы надеемся, что точный полет и уверенное приземление позволят нам наконец выступить хорошо,— говорит Каменский.

* * *

В Скво Вэлли необычное оживление. Долина Индианок заселена людьми, прилетевшими сюда со всех концов света. Это сильнейшие спортсмены земного шара. Они вступили сейчас в борьбу, которая определит победителей на четыре года вперед, до следующих Олимпийских игр.

Скво Вэлли.

Живые редкости

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

Приходилось ли вам когда-либо обедать вместе с гориллами, получать на завтрак яичницу из крокодильих яиц, пить слоновье молоко и закусывать его «заливным удавом», летать на пассажирском самолете вместе с белым медведем и тиграми, целоваться с черной пантерой или дремать на подушке, в наволочке которой завязаны стремительные, как молнии, древесные змеи?

Читатель может подумать, что ответ очень прост: «Во сне это бывает». Однако я не собираюсь рассказывать о своих снах, а хочу поделиться впечатлениями о некоторых зарубежных зоопарках и рассказать о редких животных, которых нет в коллекциях наших зоологических садов.

Каков современный мир животных, населяющих земной шар? Одних только птиц известно 12—16 тысяч видов, рыб — более 20 тысяч, млекопитающих — около 12 тысяч. Если бы мы захотели познакомиться с насекомыми и уделили каждому известному виду две—три минуты внимания, нам потребовалось бы восемь—десять лет, чтобы бегло окинуть взором разных жуков, бабочек, стрекоз, мух, комаров, муравьев и прочих. Всего же на земле, в небесах и на море живет около одного миллиона видов животных. А сколько из них практически знает большинство людей? Ничтожно мало, даже если отбросить всех маленьких и не видимых невооруженным глазом. Мало прежде всего потому, что наблюдать животных в природе нелегко: многие из них живут в местах труднодоступных, боятся человека и искусно прячутся, многие живут в глубинах океанов, куда не проникает свет солнца, а других просто стало очень мало.

Понятно, что ближе познакомиться с живыми редкостями лучше всего в условиях зоопарков. И не только посмотреть и выразить удивление их красотой или страшным видом, а главное, изучить многие стороны скрытой от человеческого глаза жизни, понять, как относятся они к другим животным, к растениям, к окружающей среде, какую пользу могут принести человеку.

Первый зоопарк был создан более тысячи лет назад в древнем Китае, и назывался он очень образно — «сад знаний». В странах Европы первые зоологические сады появились более двухсот лет назад, в США — намного позднее. Первый русский зоосад — Московский — был основан в 1864 году.

Подсчитано, что сейчас в мире существует около пятисот зоопарков, зоосадов и садов-аквариумов. Многие из них занимаются изучением биологии животных и проводят работу по коллекционированию, сохранению и размножению тех видов, которые стали в наше время редкими и обречены на полное вымирание, если человек не примет меры к их сохранению. Ведь за последние сто лет с лица земли исчезло несколько десятков интереснейших животных: дикая лошадь Африки — квагга, бескрылые гагарки, странствующий голубь, некоторые виды тюленей, карликовый попугай и другие.

За последние годы мне удалось побывать в зоопарках Пекина, Шанхая, Мадраса, Калькутты, Рима, Вены, Лондона, Франкфурта-на-Майне, Будапешта, Хельсинки, Праги, Софии и других зарубежных городов. Со многими зоопарками мы давно поддерживаем дружеские связи и обмениваемся литературой, путеводителями, фотографиями; некоторые из присланных снимков приведены здесь.

ПЕКИН

Рано утром открываются ворота Пекинского зоопарка, и сразу же группа зрителей окружает клетку с малыми пандами. Если окинуть их беглым взглядом,— это добродушные и ласковые кошки, посмотришь на лапу — медвежья, а хвост у них, как у снежного барса. Шерсть пушистая и блестящая, окраска привлекательная: в ней сочетаются черные, белые, бурые и яркокирпичные цвета. О малой панде известно немного. Живет она в Гималаях на высоте до четырех тысяч метров, причем в глухих местах. Зверь отлично лазает по деревьям, ловко маскируется и прячется от своих врагов. Выследить и поймать панду очень трудно. В неволе эти зверушки быстро привыкают к человеку, но ведут себя строго и на руки идут в редких случаях. Когда несколько лет назад в Пекин привезли первую панду, об этом событии моментально узнал весь город, и в воскресенье зоопарк посетило более 150 тысяч человек.

Но если посетители зоопарка любят малых панд, то гигантских они просто обожают.

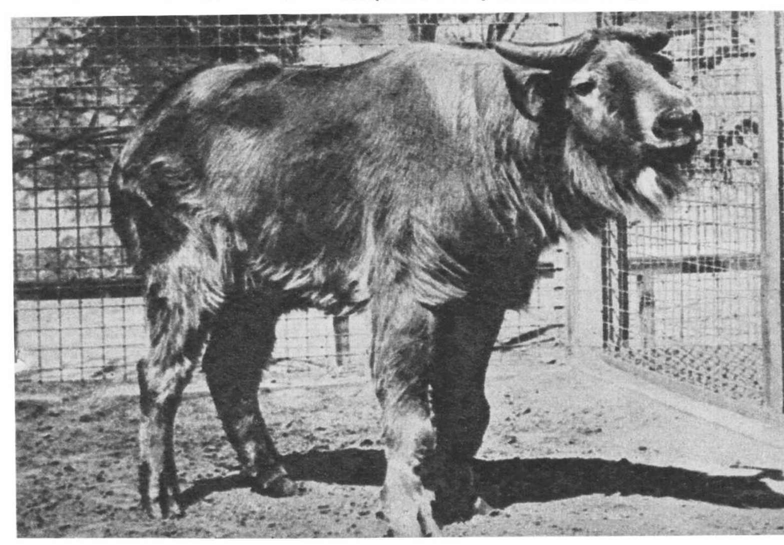
Среди больших камней резвятся несколько медведей. Они в черных очках, черных нарукавниках и в черных коротеньких курточках. Это и есть гигантские панды. Иногда их называют бамбуковыми медведями.

В фауне Китая гигантские панды — настоящие зоологические жемчужины. Нигде в мире не живут они, кроме двух провинций Китайской Народной Республики. Интересно, что впервые о существовании гигантских панд стало известно в конце прошлого века. Сейчас их можно увидеть только в Пекине, Москве и Лондоне. По своей внешности бамбуковые мишки прямо очаровательны, их так и хочется погладить, приласкать. Характер у них спокойный и добродушный.

В последние годы китайские зоологи упорно исследуют места обитания гигантских панд, собирают сведения о их образе жизни, распространении, питании, численности. Трудно попасть «в гости» к пандам. Во-первых, на это надо иметь специальное разрешение, так как звери охраняются государством, а во-вторых, несколько недель приходится карабкаться по горным тропинкам над обрывами, преодолевать бурные ручьи и пробираться через густые заросли бамбука. А когда доберешься до «квартиры» панд, то гостеприимства не жди: на каждом шагу подстерегает какая-нибудь опасность- леопарды, ядовитые змеи, пропасти, обвалы...

Взрослые гигантские панды так осторожны, что поймать их не удается. В руки человека попадаются еще неопытные и любопытные молодые звери, но и то с помощью своры натренированных собак. Собаки бегут по следу и загоняют мишку на дерево. Пока подоспеют охотники, они держат его в кольце и неистово лают. Охотники быстро вырубают растительность вокруг дерева и растягивают сети. Собак привязывают. Мишку стараются согнать или стряхнуть с дерева, и он запутывается в сетях, как муха в паутине. Поймать — это еще не все, ведь теперь

его надо поместить в клетку и на своих плечах вынести к большой дороге, а это тернистый путь. Как видите, охота на панд непростая. За последние десять лет поймано только 9 гигантских панд.

В Пекинском зоопарке несколько тысяч животных. А одиннадцать лет назад, когда освободили Пекин, здесь было 16 зверей и птиц... В террариуме зоопарка — ящерицы, крокодилы, черепахи, огромные удавы и смертоносные кобры. Стоит слегка постучать по стеклу или резко повернуться, как кобры моментально поднимутся метра на полтора, издадут громкое шипение, раздуют шеи и замрут. Однако они внимательно следят за движениями человека. Этой паузой и пользуются охотники за змеями, которые ловят их для зоопарков и для продажи населению. Кто же их покупает и для чего? В некоторых районах Южного Китая змей едят, и, представьте себе, блюда получаются просто вкусные. Меню может быть разнообразное: «заливной удав», «фаршированная кобра», «рагу из питона». В Кантоне есть даже специальный магазин по продаже питонов, полозов и кобр. Правда, продавец не отпустит вам живых кобр, но право выбора их в садках предоставляется любому покупателю.

Перед выходом из зоопарка внимание публики привлекает красивое копытное животное. Шерсть длинная, густая, золотистого цвета, рога, как у антилопы гну, ноги толстые. Зверь похож и на горного козла и на быка. Это тоже зоологическая редкость — золотой такин из высокогорий юго-восточной Азии.

ЛОНДОН

В Лондон мне пришлось лететь одним из первых рейсов «ТУ-104». Среди пассажиров был один очень забавный и веселый—трехме-

сячный бурый медвежонок. До самого отлета он сидел в клетке, ворчал и скулил, но, когда мы его выпустили, быстро освоился и обосновался в салоне первого класса. Выпросив у летчиков сгущенное молоко, малыш полакомился и спал до самого Лондона. В зоопарке наш сибиряк быстро подружился с английскими медвежатами.

Лондонский городской зоопарк — один из старейших в Европе. Он был основан Лондонским зоологическим обществом в 1826 году. Второй зоопарк Лондона находится за городом, занимает огромную площадь и по существу, является зоопарком-заповедником, где животные содержатся в условиях, приближенных к естественным. Этот парк-заповедник был открыт в 1931 году.

На большой поляне заповедника растет развесистое дерево, вокруг него тянется ров с водой. Около дерева стоят два маленьких «человечка». Вот они взялись за руки и направились к нам. На них светлые пушистые шубки и такие же шапочки. Подошли ко рву, остановились, а потом бегом обратно. Прыжок — и они уже на макушке дерева, раскачиваются на ветвях и громко кричат.

Это гиббоны, небольшие человекообразные обезьяны. Живут они в тропических лесах Южной Азии. Рост гиббонов до одного метра, но у них необыкновенно длинные руки. Стоя, они свободно достают рукой до земли. Движения обезьян — совершенство акробатики, гимнастики и всевозможных цирковых трюков. Гиббон может свободно перепрыгнуть с ветки на ветку, пролетев 10—12 метров. При этом в воздухе он способен изменить направление прыжка, поймать пролетающую птицу или бабочку. Бывает и так, что одной рукой обезьяна держится за ветку, второй срывает плоды, а ногами «охотится» за мелькающими среди веток жуками.

На кольцах, трапециях, турниках, на шестах и брусьях гиббоны «работают» так, что кажется, нет у них скелета и сделаны они из гибкой и упругой резины. Красив у гиббонов и голос; они способны кричать громко, но мелодично и приятно. К сожалению, эти обезьяны плохо переносят неволю.

Уголок дремучего леса. Полумрак. Вывороченные пни, трухлявые стволы старых деревьев, валежник. Мы стоим около надежной ограды. Слышится треск, сопение, и на поляну быстрым маршем выходит целое стадо бурых медведей. Как ни хорошо в лесу, но к часу обеда они являются в определенное место. Поедят, часть прихватят с собой и опять разбредутся по лесной чаще.

В Лондоне я познакомился с бескрылой птицей киви. Посмотрите на нее. Ноги короткие, но сильные, и

когти на них приспособлены к рытью. Голова маленькая, зато клюв длинный и тонкий, и на самом его конце — ноздри. Все туловище покрыто перьями. Лежат они не гладко, а как волосы. Нет хвоста, нет крыльев, и все же это птица размером с курицу. Питается киви червяками, насекомыми и их личинками. С помощью клюва-шила легко находит их в земле, в кучах листьев и в гнилушках. Живет киви в Новой Зеландии.

Очаровали меня колибри. Они, по выражению одного из крупнейших ученых-биологов, Альфреда Уоллеса, образец великолепия и пышности тропиков. Представьте себе тропический лес: масса зелени, лианы, яркие цветы, среди папоротников журчит ручеек. А в воздухе — маленькие

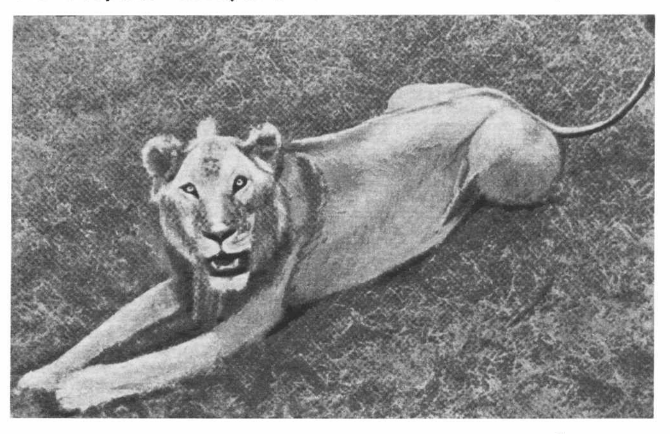
птички с изумительно ярким и пестрым оперением. Величина птичек примерно с обыкновенного шмеля. Они стремительно летают от цветка к цветку, а то остановятся в воздухе и порхают на месте. Слышно, как шелестят их крылышки, делая до 50 движений в секунду.

Колибри распространены в Северной и Южной Америке и на некоторых островах. Их известно более 500 видов, и все они великолепны. Коллекция колибри напоминает собрание драгоценных камней, в которой есть такие названия: «солнечный луч», «горные звезды», «огненосцы», «кометы», «крылатый алмаз». В оперении колибри можно видеть все цвета драгоценных металлов и камней. На голове — полное подобие шлемов, корон, звезд, а также хохлы, гребни, рожки. А хвосты! Они похожи на вилки и веера или украшены тонкими, как нити, перышками с яркими листиками на концах. Питаются колибри мелкими насекомыми и сладким соком цветов, который добывают длинным клювиком и язычком, свернутым в трубку.

МАДРАС

Столетний Мадрасский зоопарк мы посетили глубокой осенью. Солнце там припекало основательно, и белый медвежонок, прилетевший вместе с нами, только ночью вылезал из воды, ночью и ел. Днем не только жарко, но и обезьяны с деревьев заглядывают в клетку, своим любопытством донимают. Белого мохнатого зверя эти проказницы видели в первый раз.

Долго рассматривали мы азиатских львов. Сохранилось всего 250 этих зверей, живущих в заповеднике на северо-западе Индии, да несколько десятков содержится в зоопарках. А когда-то лев обитал на всей южной части азиатского континента. Древние правители Персии избрали изображение

льва своей эмблемой, это был символ могущества.

Фауна Индии богата дикими кошками, такими, как бенгальский тигр, леопард и его разновидность — черная пантера. Пантеры — свирепые существа; плененные, они долгое время остаются злобными и плохо привыкают к человеку. Но бывают и удивительные исключения: некоторые пантеры, воспитанные человеком с раннего возраста, становятся совершенно ручными. В Мадрасе мне пришлось совершенно неожиданно познакомиться с такой пантерой. Черная кошка подошла ко мне, когда я сидел и беседовал с ее хозяином. Тот дал понять, что я гость желанный, и тут пантера решила быть солидарна с хозяином. Она положила свои лапы ко мне на колени, вытянулась и лизнула несколько раз прямо в губы.

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Мы завтракали у директора зоопарка Франкфурта-на-Майне. Гости и хозяева чинно сидели за столом. Вдруг раздался дикий крик, и в комнату вошла горилла. Она приблизилась к хозяйке дома, нежно обняла ее своей волосатой рукой. Получив кусок хлеба с вареньем, обезьяна уселась на пол и стала завтракать. Съела — и опять к столу.

Хозяева объяснили мне, что уже несколько лет у них живут две гориллы. Они знают, что такое ванна, умывальник, душ, ложка, тарелка и многое другое из домашнего обихода. В этот момент явилась и вторая

Фото доктора Р. Гржимека.

горилла. И тоже прямо к столу. После завтрака молодые гориллы были отправлены в зоопарк. Там они находятся в просторной вольере до вечера, а на ночь возвращаются домой, к людям, которые их вырастили.

Конечно, такая дружба с гориллами возможна, пока они еще в детском возрасте. Взрослые обезьяны достигают двух метров высоты и ширины в плечах до метра, а вес их бывает четверть тонны. Такую на завтрак уже не пригласишь.

В немецком зоопарке много разных копытных, населяющих просторы Африки. Некоторые из них сохранились только в заповедниках и зоологических парках. Это, например, семья жирафовых газелей — необычайно изящные и грациозные животные. Их движения так четки, осторожны и красивы, что кажется, будто они нарочно позируют. Нежная желтоватая окраска короткой и гладкой шерсти, большие выразительные глаза, забавные уши и изящные рожки у самца — все это очень привлекательно.

Улетая в Москву, я получил для нашего зоопарка подарок: двух носух, которые были сданы в багаж, и двух древесных змей. Со

➜

змеями расстаться не мог и положил их в мешочек, засунув его в боковой карман пиджака. В самолете места у окошка мне не досталось, его занял какой-то солидный иностранец, весь обвешанный фотоаппаратами, светофильтрами, экспонометрами и другими принадлежностями туриста. Самолет набрал высоту, я задремал. Проснулся от странного щекотания. Открыл глаза и увидел, как из-под борта пиджака вылезает тонкая змея, ее голова уже миновала мое ухо и находилась где-то на затылке. А сосед? К сожалению, он не дремал. Вид у него был, как у приговоренного к смертной казни. Пока я схватил змею, снял наволочку с подушечки кресла и упаковал в нее змей, сосед мой сидел неподвижно и смотрел как зачарованный. Что он пережил и что думал про меня, не знаю. В Хельсинки была пересадка, и больше мы с ним не встречались. На мое счастье, жалоб от него не поступило.

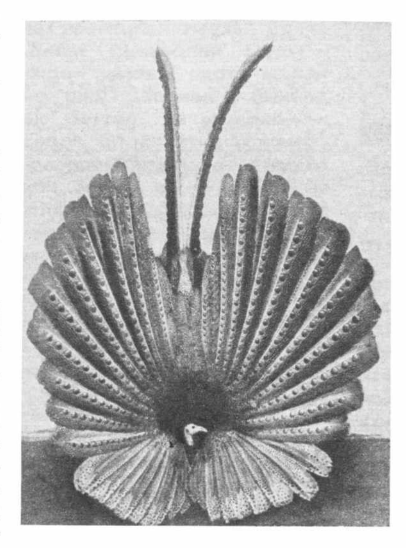
ТОКИО

Жители Африки, шимпанзе, неплохо чувствуют себя в зоопарке Токио. Для них главное, чтобы было тепло и влажно. При хорошем уходе и питании шимпанзе переносят неволю и, если с ними поработать, могут многое перенять от человека. Бывает, что маленьких шимпанзе выпускают на прогулку прямо в объятия публики, и чувствуют себя те и другие превосходно.

Один из шимпанзе освоил фигурное катание на роликах, и когда его фотографировали, он позировал как

неоднократный победитель спортивных соревнований.

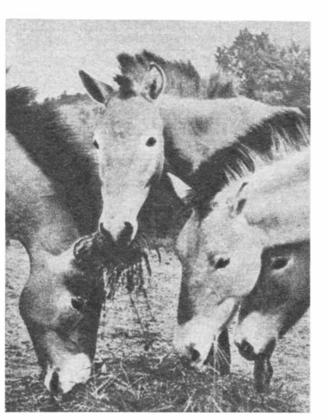

ПРАГА

Злата Прага. Чудесный город с разными достопримечательностями и хорошим зоопарком на одной из окраин. Много зелени, холмистая местность, близость реки, каналы, скалистые обрывы — все это есть в Пражском зоопарке. Животные живут здесь, как на свободе. Особенно славится парк коллекций фазанов и среди них знаменитыми аргусами, которые водятся в Индокитае и на острове Суматра. По красоте оперения эти крупные птицы соперничают с павлинами. Можно сравнить аргусов и с тропическими бабочками: перья и особенно многочисленные глазки на них «горят» под лучами солнца.

На снимке изображен токующий самец. С первого взгляда кажется, что он распустил веером свой хвост, но это не так. У аргуса большие красивые перья крыльев, их он и выставляет напоказ во всей своей пышности и яркости, когда ухаживает за подругой.

Большая ценность Пражского зоопарка, о которой знают все зоологи мира,— группа диких лошадей Пржевальского. Как известно, открыл эту лошадь в 1879 году русский путешественник и исследователь Пржевальский. Сейчас дикие лошади сохранились в Монголии и Северном Китае, но живут они в пустынях и глухих предгорьях, куда трудно добраться человеку. Число этих животных невелико, в зоопарках и заповедниках мира их не более ста. Пражский зоопарк обладает табуном, в котором больше двух десятков лошадей. Это целое состояние. За две лошади можно свободно получить четырех слонов. Каждый год в загонах зоопарка можно видеть резвых жеребят.

НЬЮ-ЙОРК

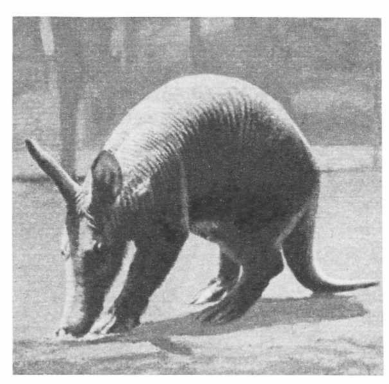
Посмотрите, какое интересное клыкастое животное живет в зоопарке Нью-Йорка! Это бабирусса, дикий зверь, распространенный на Целебесе и соседних с ним островах.

У бабируссы в верхней и нижней челюстях огромные и острые клыки, а сама она в длину больше полутора метров. Клыками бабирусса роет землю, переворачивает в поисках корма камни, валежник, кучи листьев.

Кроме того, это надежная защита. На вид бабирусса неуклюжа, но она отлично плавает, преодолевает реки и может даже перебраться с острова на остров. Мало удовольствия, если на пляж из моря выберется такой «купальщик».

По соседству с клеткой бабируссы еще более странное на вид существо — трубкозуб. У него зубы без корней и растут всю жизнь. Посмотришь на такого и позавидуешь: счастливец, не знаком с дантистами!

Родина трубкозуба — Африка. Днем он сладко спит в убежище, а ночью охотится на термитов. Крепкие постройки этих насекомых трубкозуб ловко разламывает копытообразными когтями, которыми он действует, как долотом. Термиты воинственны, но с трубкозубом им не совладать. Его длинный и плоский язык со множеством бородавок, смоченный клейкой слюной, захватывает термитов сотнями. В свою очередь, голая кожа с редкой щетиной не защищает самого трубкозуба от хищников. Однако природа наделила его прекрасными уловителями звуков и запахов. Малейший признак опасности — и зверь скрывается.

А вот не то птица, не то зверь. Нос, как у утки, а тело покрыто шерстью. Несет яйца и высиживает их, как птица. Появятся малыши на свет — и сейчас же заберутся на брюшко к самочке пить молоко. А сосочков-то у нее и нет. Как же быть? Есть хочется! Малыши начинают тогда щипать своими клювиками брюшко матери, и из мельчайших отверстий в коже появляется молоко.

Вы, конечно, догадались, что речь идет об утконосах. Они обитают в Австралии и Тасмании по берегам рек, где устраивают себе глубокие норы. В этих норах зверьки выводят и детенышей, обычно их бывает два. Утконосы отлично плавают и ныряют, хорошо роют, но они беззащитны и безобидны. В наше время утконосов осталось очень мало, не частые гости они и в зоопарках. Их истребили из-за пушистых шкурок и вкусного мяса.

Внушительно выглядит высокая птица под названием китоглав. Она так названа потому, что у нее непомерно большая голова и широкий клюв с крючком на конце. Когда китоглав стоит, рост его почти полтора метра, а поднимется в воздух — крылья распускаются до трех метров.

Редко можно встретить оригинальную птицу даже на ее родине — в верховьях Конго и на Белом Ниле. Серо-черная птица незаметна среди прибрежной растительности. Замрет китоглав и долго стоит неподвижно, а потом вдруг нанесет резкий удар клювом, и на берегу бьется большая рыбина. Когда наступает пора размножения, птицы строят высокие большие гнезда из водорослей и камышей. В кладке у них бывает не больше двух яиц.

Свирепым и уродливым выглядит еще один представитель африканской фауны. Бородавки, искривленные клыки, маленькие глазки, жесткая грива. Размеры заставляют опасаться. Бородавочники — так и величаются эти звери — достигают в длину двух метров. Мясо их съедобно, и местные жители охотятся на бородавочников. Но горе тому, кто плохо владеет оружием и своими нервами. Раненый бородавочник налетит, собьет с ног, тяжело ранит охотника. Клыками бородавочник защищается, а в

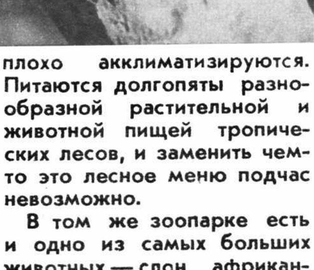
«мирное время» корм добывает.

ЧИКАГО

Один из самых маленьких обитателей Чикагского парка — долгопят, полуобезьяна, живущая в глухих лесах Малайских островов. Из-за внешности и ночного образа жизни туземцы называют его привидением. Показалось солнышко — и долгопят в дупло, вышла луна—и он тут как тут. Долгопят напоминает нашего тушканчика, но скорее всего он похож на чертика из избушки бабы-яги.

Большие круглые глаза, стоячие уши, на кончиках пальцев лепешечки — присоски, с помощью которых долгопят отлично лазает по гладким стволам. Задние лапки длиннее передних, хвост раза в полтора больше туловища. В полете хвост служит противовесом, а в минуту отдыха — опорой. Сидит долгопят на хвосте и медленно поворачивает голову. Уши торчком, глаза нет-нет и сверкнут,— действительно, посчитаешь за привидение.

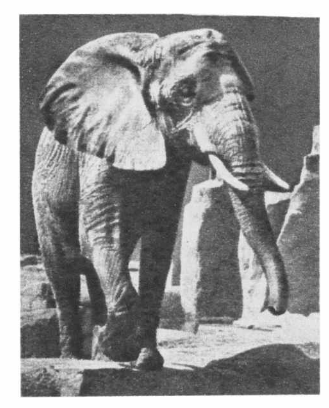
Многие зоопарки мечтают завести долгопятов. Но зверьки дороги, плохо переносят транспортировку и

плохо акклиматизируются. Питаются долгопяты разнообразной растительной и животной пищей тропических лесов, и заменить чем-то это лесное меню подчас невозможно.

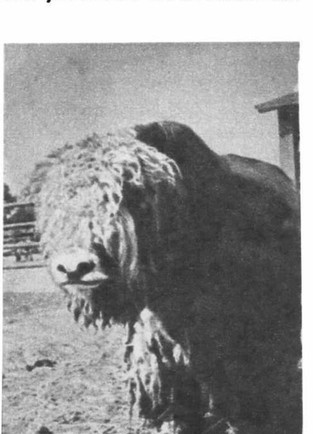
В том же зоопарке есть и одно из самых больших животных — слон африканский. Когда-то слоны водились огромными стадами в сотни и тысячи голов. Но вот появились в Африке винтовка, автомобиль—и от стад остались единицы. Сейчас для сохранения слонов созданы заповедники. Не будь этого, уже в наше время слоны были бы обречены на полное истребление, и наши внуки могли бы познакомиться с африканскими гигантами лишь по картинкам да музейным экспонатам.

Восстановить поголовье слонов трудно. Ведь слониха вынашивает детеныша более двадцати месяцев, несколько лет кормит его молоком и только к десяти — пятнадцати годам молодые слоны становятся вполне самостоятельными.

БЕРЛИН

Один из самых молодых зоологических парков Европы — Берлинский в ГДР. Он еще не справлял десятилетия, но берлинцы вправе гордиться своей коллекцией животных. Начнем с не очень редкого, но, безусловно, интересного яка. Сколько на нем будущих шерстяных одеял, валенок, перчаток, чулок и других теплых вещей, необходимых в холодных районах!.. Дикие яки живут в высокогорных странах Центральной Азии на высоте до четырех — пяти тысяч метров над уровнем моря. Человек уже давно обратил внимание на «универсальность» яка и одомашнил его. Теперь в горных условиях як незаменим.

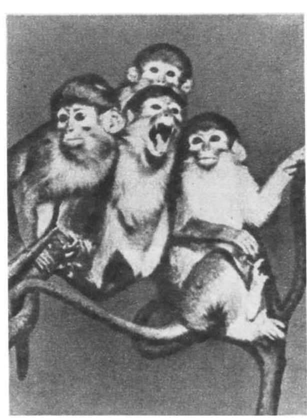
Он дает мясо, очень жирное молоко, кожу, шерсть и широко используется как верховое и вьючное животное. Домашние яки служат также человеку в Монголии, Казахстане, в некоторых районах южной Сибири.

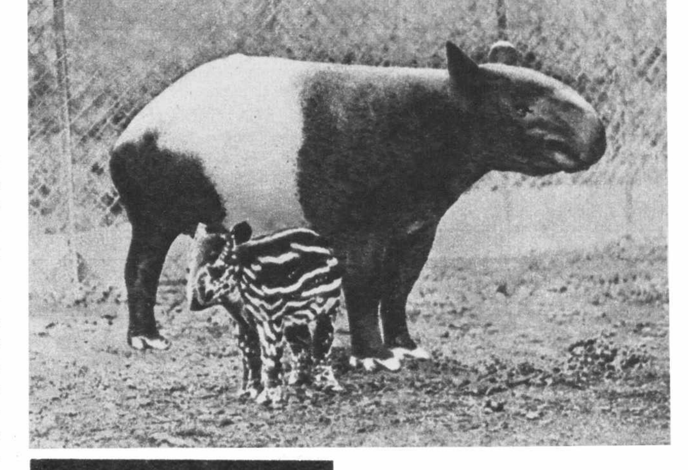
На поляне «пасется» огромная черепаха, пощипывая травку, листья клевера и одуванчика. Гигантские сухопутные черепахи сохранились сейчас на Галапагосских островах, затерянных в Тихом океане. Несколько веков назад черепахи водились там тысячами. Во времена парусного флота их стали добывать ради вкусного мяса, проходившие мимо островов суда набивали ими полные трюмы. Вес каждой взрослой черепахи — 60—100 килограммов, из них процентов сорок чистого мяса — живые консервы! Черепахи настолько неприхотливы, что их можно не кормить целый месяц, а это значит, что без хлопот и забот всегда есть свежее мясо. Вот почему черепах безжалостно истребляли, не думая о их будущем.

Сейчас на большинстве островов Галапагосского архипелага исполинских черепах уже не найдешь, они сохранились лишь на некоторых из них и требуют всемерной охраны.

Любимцы публики — мартышки — целый день в движении. Если поблизости нет деревьев, мартышки так же ловко занимаются гимнастикой на сетках, решетках, на канатах и разных снарядах, которые даются им не только для развлечения, а для упражнений и развития организма. Если животные не будут бегать, прыгать, играть, лазать, плавать, они становятся вялыми, малоподвижными, жиреют и погибают преждевременно. Физзарядка для мартышек обязательна! Тогда они хорошо чувствуют себя в неволе и нередко приносят потомство.

РИМ

В Риме я прежде всего обратил внимание на крупное животное со странной окраской. Все его туловище черное, а сверху — светло-серая накидка, словно зверь накрыт чепраком. Так и есть: чепрачный тапир. Рядом стоял малыш, рожденный в неволе. Пока он по окраске не похож на своих родителей, но через год его не узнать: полосочки пропадут, а вместо них появится серая накидка.

Чепрачных тапиров в зоопарки привозят из Сиама, Суматры и с Малайского полуострова. Если обыкновенный американский тапир стоит тридцать тысяч рублей, то чепрачный в несколько раз дороже. Можно ли разводить их в неволе, раз зверь так дорог? Самка тапира вынашивает детеныша больше года, а потом еще год выкармливает его молоком. С такими «несовременными» темпами и прогореть можно.

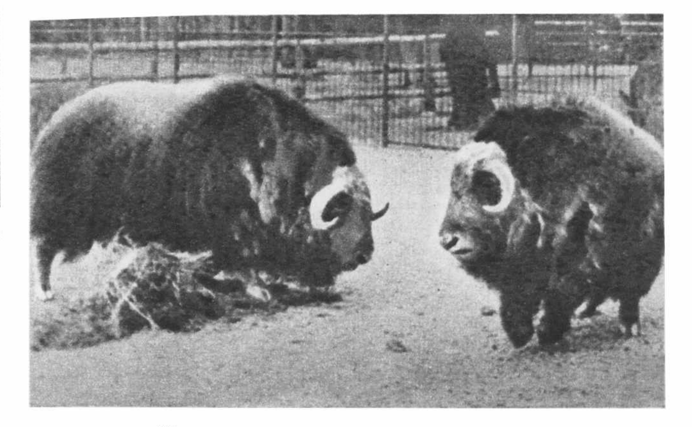
«Лесной человек» — так называется по-малайски орангутанг. На фотографии вы видите старого самца. Самцы и самки с детенышами живут раздельно. Их можно встретить в тропических лесах на островах Борнео и Суматра. На земле обезьян увидишь в редких случаях, обычно их «квартира» на высоте пятого — шестого этажа.

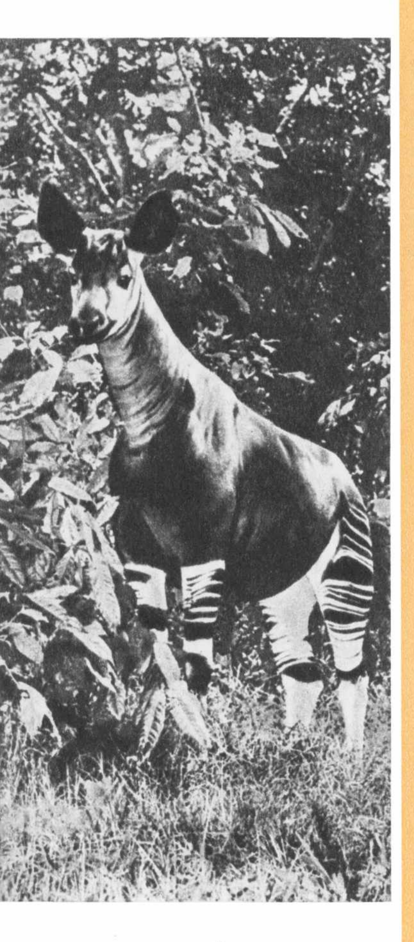
Взрослый орангутанг производит сильное впечатление. Рост его превышает полтора метра, вес — около ста килограммов. Все тело покрыто длинными густыми волосами коричневого цвета с рыжим оттенком. Волосы висят космами, и когда обезьяна стоит на четырех лапах, кажется, что на нее надели вывернутую мехом наружу шубу. Борода, усы и мешок на шее, подвижные пальцы ног и рук — все это невольно воскрешает в памяти далеких предков человека. Охота на орангутангов и их отлов запрещены.

КОПЕНГАГЕН

Мы закончим наше путешествие в зоопарке Копенгагена. Здесь вы увидите массивных, странных на вид копытных животных. В них отчетливо видны характерные признаки быка и барана. Овцебыки еще в середине прошлого века бродили большими стадами в полярной Америке и в Гренландии, отыскивая среди снегов и льда скудную растительность. В те времена их насчитывалось около миллиона, а сейчас — только несколько тысяч. Где же остальные? Истреблены ради мяса и шкур. Ныне охота на овцебыков запрещена, их акклиматизировали на острове Шпицбергене.

Примерно полвека назад зоологический мир облетела сенсация. В зарослях тропических лесов Африки было обнаружено никому не известное животное необыкновенной красоты. Оно сочетает в себе строение жирафа, окраску зебры и многие черты антилоп; у самцов

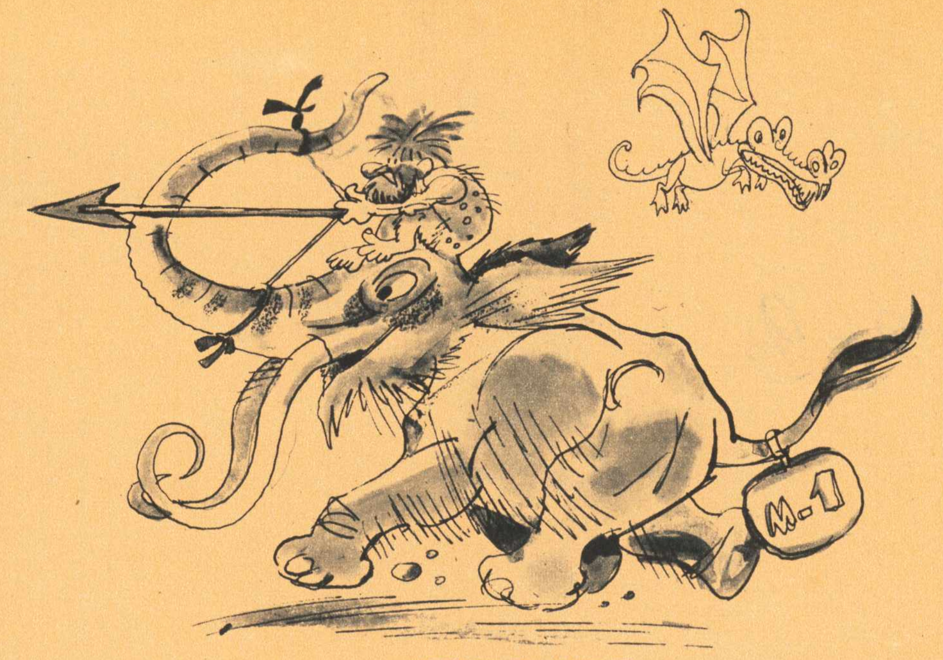

имеются небольшие рожки. Посмотрите, как насторожилось животное, уловив щелчок фотоаппарата, как направлены его большие уши в сторону фотографа. Секунда — и животное может, как тень, скрыться в лесных зарослях.

С тех пор зоологи разных стран пытливо изучают места обитания и биологию «зооновинки». Установили, что окапи — так назвали это существо — живет на ограниченной территории Африки, в лесах Конго и Уганды. С огромным трудом удалось отловить несколько очень чутких и пугливых животных и доставить их в некоторые европейские и американские зоопарки, в том числе в Копенгагенский.

Читатель может спросить: а как же слоновье молоко и яичница из крокодильих яиц, о которых упоминалось вначале? Признаюсь, пробовал и то и другое. Молоко слонихи густое, желтоватого цвета и сладкое, а яичница из яиц аллигатора ничуть не хуже обыкновенной, только белок плохо свертывается, а есть вполне можно.

Советую читателям, кому придется побывать за рубежом, не забывать о существовании зоопарков; в них вы найдете много интересного и поучительного.

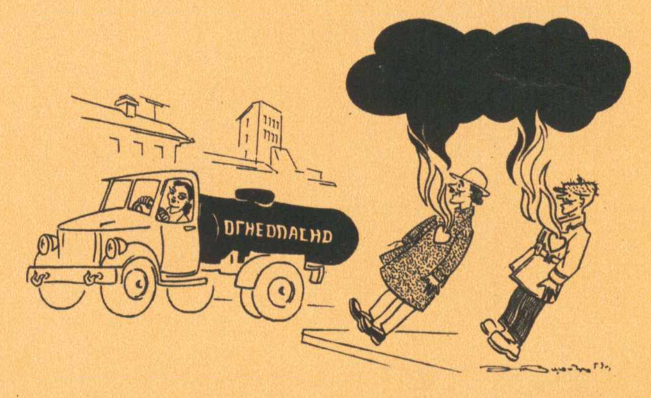
ПЕРВЫЙ БРАКОНЬЕР. Рисунок Вл. Гальба.

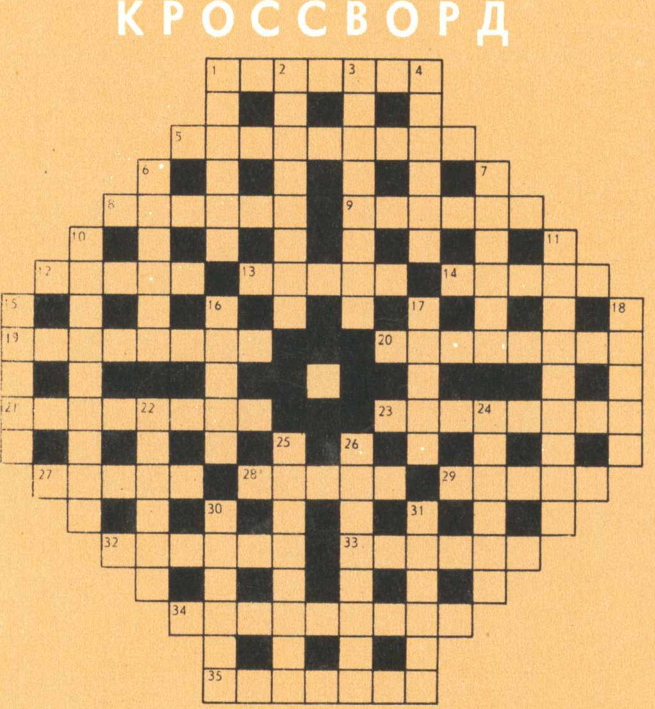
ТУРИСТ. Рисунки А. Фауста.

В ЦИРКЕ.
— Пожалуйста, не чихайте.

БЕЗ СЛОВ. Рисунок Э. Змойро.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Соратник Н. А. Щорса. 5. Известковая сосулька. 8. Место в зрительном зале. 9. Сырье для получения синтетического каучука. 12. Французский писатель XVIII века. 13. Колено соловьиного пения. 14. Математический знак. 19. Преобразователь постоянного тока. 20. Сухой стебель. 21. Составная часть минерального удобрения. 23. Основное население одной из европейских стран. 27. Название нескольких сибирских рек. 28. Учебное заведение. 29. Собрание приглашенных лиц. 32. Государство в Центральной Америке. 33. Потухший вулкан в Армении. 34. Польский поэт XIX века. 35. Сельскохозяйственная машина.

По вертикали:

1. Тонкая, полупрозрачная ткань. 2. Рыба, обитающая в Амуре и реках Китая. 3. Автор поэмы «Русские женщины». 4. Химическое соединение. 6. Специалист, выполняющий рисунок на твердом материале. 7. Маскарадный костюм. 10. Ученое звание. 11. Горная железная дорога. 15. Зодчий, участник строительства Кремля. 16. Серо-коричневая краска. 17. Музыкальный инструмент. 18. Птица, уничтожающая грызунов. 22. Герой кельтского эпоса. 24. Минеральная вода. 25. Город в Мордовии. 26. Кормовое бобовое растение. 30. Первый ледокол в России. 31. Измерительный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

7. Каботаж. 8. Фамусов. 11. Белоруссия. 12. Бахчисарай. 14. Берёза. 15. Альбом. 16. Рокировка. 18. Самум. 19. Гагат. 21. «Паяцы». 22. Курорт. 23. Аффикс. 27. Почин. 28. Харза. 29. «Успех». 31. Тускарора. 35. Дурова. 37. Тритон. 38. Карикатура. 39. Космогония. 40. Новиков. 41. Полимер.

По вертикали:

1. Варенец. 2. «Молодёжная». 3. Лагуна. 4. Малица. 5. Купальница. 6. Мочалов. 9. Киоск. 10. Налив. 13. Дорога. 16. Рембрандт. 17. Амплитуда. 19. Горох. 20. Тафта. 24. Композиция. 25. Армази. 26. Терриконик. 30. Фуганок. 32. Сфера. 33. Орлов. 34. Колизей. 36. Арагон. 37. Тропот.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление В. Епанешникова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00834. Подписано к печати 17/II 1960 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 168. Заказ № 365.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.